

22.6
0-53

С. ОЛЕФИР

ВСТРЕЧИ В КОЛЫМСКОЙ ТАЙГЕ

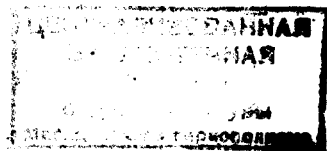

СЕВЕР ВОКРУГ НАС

С. Олефир

ВСТРЕЧИ
В КОЛЫМСКОЙ
ТАЙГЕ

Магаданское книжное издательство 1980

Рецензенты: канд. биол. наук Ф. Б. Чернявский,
канд. географ. наук В. К. Рахилин,
член Союза писателей А. В. Мифтахутдинов.

О 19.5.4-012 33-80
М-149 (03)-80

Никто так, как охотник, не заинтересован в охране природы, в умножении ее богатств. И понятие «охрана природы» вовсе не означает — не убий. Оно сложнее, многообразнее. Здесь и помощь животным в трудные для них периоды года, борьба с болезнями. Это, наконец, и регулирование численности животных средствами охоты, потому что в результате вмешательства человека законы саморегуляции видов почти потеряли силу.

Не будет преувеличением сказать, что ежегодно государство получает от закупок пушнины и мяса диких животных миллионные прибыли. Вместе с охотниками-профессионалами ее приносят и охотники-любители, заключающие соответствующие договоры со специализированными предприятиями. К числу таких любителей вот уже 15 лет принадлежу и я. За это время накопились наблюдения, появилась настоящая потребность разобраться в них и самое главное — в мыслях о человеке, приходящем в тайгу.

Вот остался он с нею — один на один, властелин, хозяин. Пусть не поднимается его рука на невыкунявшуюся белку, на доверчивого поползня, пусть бережет он братьев своих меньших и их лесной дом.

Но память приводит и примеры другого поведения. Вспоминаются люди, у которых один только вид летящей птицы или бегущего зверя вызывает страсть, граничащую с умопомешательством. Для этих людей нет ни правил, ни сроков охоты, для них главное — добыть, чтобы затем втридорога продать добычу на «черном рынке», обогатиться, утолить тщеславие.

Давно пришла пора надежно закрыть природу от людей с нечистой совестью. И если мы все вместе сделаем это, в дело охраны природы будет внесен поистине бесценный вклад.

Автор

15 сентября.

Семь утра. Плот отчалил от левого берега Лакланды, покругил на мелководье, вышел из этого водоворота к самой стремнине и заскользил в тумане.

Нас трое: я, мой младший брат Леня и ни на что не способная, но зато красивая собака Бумка. На Лене забродные сапоги, брезентовая куртка с косыми надписями через всю спину: «Не каптовать!», «При пожаре выносить первым!» — и вязаная шапочка с пышными кистями. Он рулевой и сейчас стоит у кормового весла, навалившись плечом на шест-мачту. На мачте полощется флаг с изображением босой ноги и скрещенных ружья и удочки. Вокруг всего этого выведено фломастером: «Ковчег «Одинокая гармонь»».

Два года мы не брали отпуска, два года мечтали, планировали, готовились. Надоедали Паничеву. За двадцать лет старший лесничий исходил не одну тысячу километров таежных троп. В его рассказах Лакланда, Витра, Тайный, Ульбука, Ерник звучали как заклинания и казались недоступными нам, простым смертным.

Но все позади. Вчера утром на сверхмощном «Урале» Саша Зотова мы преодолели сотню километров преотвратительной дороги, крутой перевал, несколько десятков ручьев и высадились на широкой косе у «Крестов». Столь мрачное название это место получило из-за двух лиственничных крестов, поставленных здесь кочевниками-оленьеводами более полувека назад.

Река делает резкий поворот. Плот не желает вписываться в него и мчит прямо к берегу.

— Полундра! — кричит Леня, изо всех сил работая веслом. Я отталкиваюсь шестом, но плот не слушается.

Хватаю приспособленный под якорь тракторный каток. В этот миг под нами что-то грохочет, плот сотрясается и застывает на месте. С испуганным взвизгом прыгает в воду Бумка. Из-под доща-

того настила, где она сидела, показывается осклизлый чозениевый сук, напоминающий налива. До берега метров семь. Течение вдавливают в воду крайние бревна. Бурлит вода, на берегу отфыркивается Бумка. Леня схватил топор и рубит сук. Спешу к нему на помощь: оттаскиваю в сторону пачку, мешки, вешаю за спину оба ружья.

Плот кренится, и почти треть его в воде. А что, если переправить все на берег? Поднимаю двадцатикилограммовый мешок с пшенной крупой. Если доброшу, то с остальным справимся запросто. Упираюсь ногами в скользкие бревна и изо всех сил кидаю. Мешок на берегу. Плот вдруг вздохнул и стал поворачиваться вокруг своей оси. Сук на мгновение подался вверх, наклонился и исчез. Вода заурчала, подхватив плот.

За изгибом река сузилась, плот ведет то в одну, то в другую сторону, но Леня кормовым веслом ловко направляет его к середине.

Новый поворот, впереди огромный завал. А у нас нет шеста. Он остался у чозени. Кормовым веслом не справиться с течением.

— Давай на середину! — кричу я. — Падай! Держись крепче, сейчас тряхнет!

Завал совсем рядом. Высоченный! Метров семь, не меньше. Какое же было половодье, если нагромоздило такую гору!

Удар значительно слабее, чем мы ожидали. Нас бросило назад и закружило в водовороте. Только сейчас замечаю среди плеса плавающий остров из кусков коры, опавших листьев и прочего мусора. Кружим вместе с ним.

Вдруг — всплеск. Хариус! Да-да! Оранжевоперый великан шлепнул хвостом по воде и, слегка повиливая корпусом, направился под плот. Темный, огромный, спокойный. Падаем на настил и заглядываем вглубь. Плот развернуло, высветились толща воды, стоящая рыба, дирижаблями зависших в каком-то метре от нас. Среди черноспинных хариусов хорошо заметны три зеленые остроносика. Жирные рыбы стоят головами друг к другу, словно беседуют.

Путаюсь в леске, наперегонки разматываем удочки, привязываем поводки с мушками и мормышками. Приманка у нас есть. Еще с лета заготовили две коробки кузнечиков. Приманка ложится на воду и несется к плоту. Быстро поддергиваю удище, и голый

крючок сверкает в воздухе. Кузнечик, раскрыленный, сплюснутый, больше напоминает кусочек коры, чем тех бойких стригалей, что в жаркую погоду десятками прыгают в траве. Конечно, лишнему обоняния хариусу такой приманки не учуять.

Ан нет! От стаи рыб отделяется небольшой, совершенно черный хариус. Он растет на глазах и буквально в две-три секунды превращается в килограммового красавца. Чмок! От кузнечика остался маленький водоворот. Хариус, описав полукруг, исчезает под плотом.

Наживляю второго кузнечика и забрасываю удочку на противоположную сторону, с тем чтобы перехватить великана. Едва наживка коснулась воды, под ней мелькнула тень, раздался всплеск, и тонкая леска зазеленела.

Я не успел разглядеть рыбку. Она сразу же ушла в глубину и словно приклеилась к темному дну. Плот потихоньку отдалается от засеившей рыбы. Леска все больше наклоняется к воде, сейчас она составит одну линию с удищем. Тогда добычу не взять. Леня дотягивается до лески и несколько раз дергает ее указательным пальцем.

Почти мгновенно выпрямилось удище, серебристая рыбка выпрыгнула из воды, взмахнула оранжевым хвостом и заходила-заплясала по всему плесу. В такт ей пляшу и я. То отхожу на середину плота, то приседаю, то перегибаюсь так, что рискую свалиться в воду.

Наконец хариус в моих руках. Широкоплавный, толстый, как кукурузный початок, он таит в себе стремительность птицы и гибкость змеи. По серебристым бокам мелкие, как капли смолы, точки, спину украшает почти сливающийся с широким оранжевым хвостом плавник-парус.

Пока мы любовались хариусом, плот подтянуло к самому завалу, несколько раз гроыхнуло по осклизлым бревнам и пошло.

В километре от завала Лакланда разделилась на два рукава. Направляемся в правый, который пошире. Плот уже привык к нам. Два-три гребка — и он послушно прижимается к берегу. Хотя, если быть точным, берега как такового нет. Есть сваленные погоре-

женные полузатопленные чозении и тополя. Бурлящая вода играет зелеными ветками, крутит водовороты.

Прямо по курсу пара крохалей. Крупные утки спокойно скользят по водной глади... Он и она. Оба белогрудые, остроклювые. Только самка поменьше, поизящней.

В прошлом году на сенокосе мы нашли гнездо крохалей в двухстах метрах от воды. Идем как-то по низине, заросшей огромными чозениями. В таких местах веток на земле столько, что под ноги гляди да гляди.

Вдруг прямо над нами пролетела утка, в кусты метнулась. — Вон из того дупла вылетела, — утверждает Ленья.

А дупло метрах в восьми от земли. Я, конечно, не поверил. Поспорили, а потом разулись и полезли смотреть. А там и правда гнездо. Все белым пухом выстлано, а на пуху девять желтоватых яиц.

Да, это не на кочке, где каждая лиса, каждый коршун тебя то-го и гляди сцапает. Но ведь в конце концов птенцы выведутся. А утята в первый же день своей жизни должны быть на воде. Их мама из клюва не кормит, нужно самим еду промышлять. Интересно, как они с такой высоты опустятся на землю. Я каждый день заворачивал к крохалиному гнезду, но так ничего и не узнал. Являюсь однажды утром, а гнездо пустое. Только несколько скорлупок валяется.

И вот новая встреча. Птицы уже заметили нас, чуть расплылись. Стараясь не шуметь, опускаю в воду малый якорь.

Крохали в мгновение ока кивнули крючковатыми носами и исчезли под водой. «Одинокая гармонь» отдана на волю волн. Птиц нигде не видно. Мы уже проскочили то место, где они нырнули, прошло пять минут, не меньше.

— Вот она! В воду гляди, в воду! — Ленья показывает рукой за кромку плота, чуть ли не себе под ноги. Там, под водой, наперез плоту плывет крохаль. В эту минуту он больше напоминает крупную камбалу. Серебристый, овальный и заостренный с головы и хвоста.

Бытует мнение, что крохаль под водою машет крыльями. Ничего подобного. Крылья прижаты, а вот лапы мельтешат. Хорошо

виден открытый птичий глаз, клюв и шея вытянуты в одну прямую линию. Нам передавалось то напряжение, с которым крохаль преодолевал быстрое течение Лакланды.

Наконец завалы позади. Здесь, где мы сейчас плывем, вода проявила себя как соиздатель. Много лет подряд она сносила песок, наращивая косу. И каждый год волны высевают на кромку вновь образованного берега тополевые семена. Теперь у берега в несколько рядов поднялась поросль. У самой реки топольки-прутики, а дальше уже настоящие деревца с кроной, стволом.

На одном из топольков висит величиной с кулак шар из серой бумаги. На ощупь она эластична и издает обыкновенный бумажный хруст. Конечно же, это осиное гнездо, вот и две длинные осы с узкими талиями и желтыми поперечинками на юбках. Ленья подговаривает добраться до меда. Мне жаль рушить гнездо, к тому же я знаю, что обыкновенные лесные осы ведут хищнический образ жизни и, конечно, никакого меда не запасают. Тем временем из летка вылезла еще одна оса, не больше комнатной мухи, кургузая и неповоротливая. Неужели они живут вместе? Стучу палочкой по гнезду. Внутри кто-то зажужжал, завозмущался. Ползели большие и маленькие осы. Конечно же, лучше убраться подобру-поздорову. Пока я возился с насекомыми, Ленья вырубил два повых шеста, бросил их на плот и ушел искать Бумку. Я успел сварить уху из хариуса, вскипятить чай, наконец заявился. Оказывается, Бумка все это время сидела возле мешка. Она не узнала Ленью, была страшно сконфужена и от волнения принялась пить воду из Лакланды.

Сейчас она уже набегалась по косе и сидит, с подозрением разглядывая плот.

После обеда решили проплыть еще километров пять и остановиться на ночевку, а утром начать обследование Лакландинской долины. Так или иначе, здесь ляжет наш путик, и где-то в этих местах придется ставить избушку.

Сразу за тополевой косой Лакланда разливается широко и беспутно, образует множество протоков, островов и мелей.

Одно из преимуществ нашего плота в том, что он сделан из сухостоя, осадка его небольшая. Вообще лиственница относится к так

называемым твердым породам, удельный вес сырой древесины чуть меньше удельного веса воды. Дома я представлял плот чем-то монументально жестким. Оказывается, плот может сгибаться, перекашиваться и даже немного извиваться. Сделав это открытие, мы и назвали его «гармонью».

К вечеру похолодало. Небо опустилось к самым сопкам. Сразу же почувствовали, что в сапогах вода, а рубашки мокрые от пота. Река делает новый изгиб. И мы причаливаем к берегу, заваленному плавником. На самом верхнем бревне завала пристроился горноста́й. Он всего раза в два длиннее мыши, коричневый и быструглазый. Когда плот зашуршал о прибрежные камни, горноста́й цыкнул и змейкой скользнул между бревен. Через минуту его любопытная мордочка показалась с другой стороны завала.

— И это за таких мышей платили сто тысяч долларов? — удивился Ленья.

— Каких сто тысяч?

— Я в «Охоте» читал, что нашим заказали горностаевую шубу для английской королевы.

— А ты налови их хоть на полшубы. Это он летом такой отчаянный, а зимой ты его не увидишь.

У завала соорудили навес из брезента и полиэтиленовой пленки, устроили постель из стланиковых веток. Легли рано, спать не хотелось. Никак не можем прийти в себя. Еще два дня назад нужно было утрясать вопрос с отпуском для Лени, закупать недостающие продукты. И все на глазах соседей, товарищей по работе и незнакомых людей. Здесь же кампания по защите природы. Газеты и журналы пестрят карикатурами на врагов флоры и фауны, в первом ряду коих стоят люди с ружьями в руках. Согласитесь, что со словом «браконьер» вырисовывается такая картина: под симпатичной елочкой стоит мужчина в болотных сапогах, телогрейке и шапке-ушанке, в руках ружье, рядом поверженный лось. Теперь посмотрите на нас. Все сходится! Та же одежда, то же оружие.

Отсюда и ехидные замечания, а иногда и прямые обвинения, похожие на то, которое высказала нам продавщица хлебного магазина: «Где вот такие любители природы пройдут, там от природы

одна окружающая среда остается». Сама же продавщица в песочной шапке «магаданке» щеголяет.

Но разве станешь доказывать всякому, что охотники никакие не враги природы. У горноста́йчика, как тот, что в этом завале, уже через восемь месяцев может десять—пятнадцать малышей родиться. А если таких завалов много и почти в каждом по выводку?

То, что горноста́й ловит куро́паток, глухарей и даже оленей если не выдумка, то редчайшая случайность. Основная еда горноста́я — мыши-полевки. На десерт ягоды, орехи. А ведь мышам и соболь питается, и лиса, и совы. Даже олень при случае. На мышей же, как на орехи или ягоды, каждый год «урожай» разный. И если мышей мало, горноста́и, собо́ли начинают поедать друг друга, гибнуть от голода. Пусть уж этих зверьков охотники добудут.

На ленинградском аукционе за шкурку собо́ля платили четыреста долларов, а за горноста́я — семь. Золотом! Да и нам, северянам, хочется хороший воротник или шапку иметь. Давно подсчитано, что мы ежегодно на многие миллионы рублей пушнины недопромышленаем. Горноста́ев и пятой доли не выбираем. А ондатра? Развели в озерах тьму. Промысел зверька не наладили. Вот и развелось ондатры столько, что она всю траву в озерах съела и от голода погибла. Исчезла трава — исчезла и рыба. Теперь в тех озерах ни рыбы, ни травы, ни ондатры. А соболь? Пока собо́ля в колымской тайге было мало, охотник за день два-три десятка белок брал. Теперь же не всякий столько за сезон добывает. А ведь двадцать белок хорошему собо́лю по цене равны. Получается, что численность зверя в тайге регулируют или голод, или сами звери. Так пусть уж лучше это делают охотники. И тайге и людям польза.

16 сентября.

Проснулся я около полуночи. Заметно похолодало. Ленья подкатился к костру так близко, что его рука упирается в горящее бревно. Расталкиваю брата и принимаюсь внушать правила поведения у костра...

Чай в кружке и чайнике к утру покрылся ледяной коркой, а трава вокруг побелела от инея. Лакланда притихла. Вода в ней парит.

Поставленные на ночь жерлицы поймали двух вертлявых налимов с карандаш величиной. Поругав неудачную рыбалку, мы принялись за работу. Леня убирает тент, я прикидываю, какое блюдо можно приготовить из стограммовых недомерков, и не ведаю, что в пяти шагах от нас спит целое стадо налимов. Толстых, головастых, жирных.

Налим исключительно ночное животное. Если летяга, заяц, сова на кормежку выходят с наступлением ночных сумерек, то налим просыпается в самую глухую ночь. Все остальное время он спит. При этом он должен спрятаться в нору, под камень или корягу. Удобных же спален немного. Поэтому, как только на реке появляются прибрежные полосы льда, так называемые забереги, почти все налимы устремляются под ледяную крышу. В эту ночь покрылся льдом наш залпчик. Будь я в сапогах, получилась бы отличная рыбалка, но, ночуя в тайге, я надеваю чижы — самодельные меховые носки. В них и отправился за пилой. Забрался на плот, гремлю инструментом и вдруг замечаю: из-под плота в сторону Лакланды мелькают какие-то тени. Пока прибежал к костру, пока обул сапоги...

Что и говорить, не испробовать бы нам в то утро знаменитой печени, если бы самый большой из налимов не вздумал сунуть голову под камень, лежащий почти у самого берега. Леня, когда набирал в чайник воду, притянул его за корягу. Налим зашевелил хвостом и выдал себя.

Подкрались мы с неводком, подняли рыбину из постели, потянули на берег. У нас на Севере многие почему-то пренебрегают налимами: ест он все подряд, фи, какой нехороший! А ведь это нежнейшая рыба.

Кстати, есть одна неразгаданная загадка. Поселок наш расположен недалеко от реки Буюнды. Лет двадцать назад в ней хариусов и налимов водилось великое множество. Но вылавливали почему-то хариусов. Хариус хищник, и налим хищник. Два хищника в одной реке — конкуренция. И вот одного повыводили — другому, кажется, раздолье. Так нет. Поубавилось хариуса, более редким стал и налим... Может быть, здесь какое-то биологическое равновесие?

...Все, кому приходилось плавать на плотках, знают, что заглянуть под плот трудно, а иногда и невозможно. Леня и решил сделать окошко в центре плота. Ничего путного из этого не вышло. Слишком мал радиус обзора, а делать большую дыру я брату не разрешил. Дыру кое-как прикрыли и забыли о ней.

Проходим узкую протоку. Вода клокочет. Там коряга, здесь мель, чуть дальше завал — успевай поворачиваться. И вдруг под нами скальная щетка. Ее зубья на протяжении доброй сотни метров воду расчесывают. Плот зацепился крылом за высокий зуб щетки и развернулся на девяносто градусов. Леня с шестом в руках бросился плоту на выручку и провалился ногой в окошко. Плот снова развернулся, и ногу зажало. Торопливо проталкиваю рядом с Лениной ногой шест, разжимаю деревянные тиски. Едва успел выручить брата, шест запрыгал в руках, словно десяток акул рвал его зубами. Вот уж отчитал я брата за беспечность! Он даже не оправдывался...

Проходим у высоких скал. Сначала показалась скала-призма, за ней гигантская развернутая скала-книга с чахлыми кустиками стланика на переплете. Дальше скала-терка из разноцветных пластин. Красиво и жутковато. С каким-то особым восхищением глядя на одинокие листовнички, отважившиеся вырасти между пластинами.

Наконец скалы отрываются от Лакланды и уходят в тайгу. За изгибом открывается речушка, весьма симпатичная: неширокая, но довольно глубокая и спокойная. Слева красноватые скалы, справа того же цвета матерые листовнички, каких мы еще не встречали. Из такого леса строить избушку одно удовольствие, а главное — здесь наверняка есть соболь и белка. Да и горностаи, вероятно.

Завернули в речушку и сейчас же спустились табун куропаток. Там, где птицы столь пугливы, гуляет соболь.

Бумка прыгает на берег, волнуется, пыхает. Только что здесь побывал медведь. Его следы тянутся вдоль илистого берега. В лужках еще не успела отстояться белесая муть...

Следы не очень большие. Зверина так себе — килограммов на сто—сто двадцать. Заряжаем ружья пулями, осматриваем прибреж-

ный лес. Нет, все спокойно. Для гарантии Ленья нару раз стреляет вверх. На выстрелы тотчас явился табун суетливых чечеток, поползень и синица-пухляк.

Они не покидали нас до самого вечера. Мы выбрали место под избушку, валили и обтесывали деревья, носили бревна в сопровождении звонкоголосого эскорта. Пробовали угощать птичек, но они от хлебных крошек, разбросанных по срезу пня, отказались. Вскоре угощением заинтересовался бурундук, подобрал его и умчался с раздутыми щеками к комлю старой трухлявой лиственницы.

— Давай посмотрим, что у него там, — предложил Ленья. — Говорят, у него орехи, как перемытые, один к одному. Все забирать не будем, а только попробуем.

При нашем приближении бурундук метнулся на лиственницу, забрался на самый высокий сук и затаялся.

Мы осторожно отодрали пластину коры, поковырялись в перепревшей древесине. Вся кладовая была набита мусором, состоящим из мха, всевозможных листьев, ядрышек кедровых орехов, ягод голубики. Были и высушенные жуки-усачи, крылья какой-то мелкой птички, кусочек мышиной шкурки.

Вот тебе и бурундук! Он что? В хищники записался, что ли? Решили, что все это у него отходы, а настоящие лесные дары пойдут глубже. Но нет больше ничего. Сгребли все обратно, придавили пластинкой. Даже обиделись.

Если кто думает, что мы сооружали настоящую избу с полом, окнами, столом, он глубоко ошибается. Правда, такая избушка у нас будет на базовой точке, а здесь времяточка для нескольких ночевков. Главное печка и нары. Архитектурный же принцип прост. Чем меньше кубатура, тем лучше: легче строить, удобнее конопатить, быстрее натопить. Вся наша активная жизнь проходит в тайге, на реке, у озер. В избушке только спим, ну, еще завтракаем и ужинаем. Даже когда готовим еду, большинство операций выполняем в сидячем, а то и лежащем положении. Но попробуй жить просторнее. Получится как у тех магаданских отпускиников, что зимовали на Кушке. Нары у них широкие, удобные, окна-двери фабричные, одну стену вообще хотели стеклянной сделать «для обозрения окрестностей». А потом, когда мороз прижал, чуть не за-

мерзли. Половину дня дрова пилят, ночью спят по очереди. Кочегарят. У меня же на ручье Эврика стоит избушечка-односпалочка. Сухую жердь о колено сломал — на ночь дров хватает...

Сстроим избушку, одновременно кипятим воду, готовим ужин. Чай пьем часто. Чуть запыхался, пару глотков выпил — и уже другое настроение. На ужин пшенная каша с маслом. Каша вкусная, но лучше бы с мясом. Работа такая, что на каше долго не потянешь. Но зато вывели все четыре стены и положили рамку: такую конструкцию из двух бревен с поперечниками. На ней крепится лист жести с дыркой для трубы, именуемый разделкой. Крышу решили сегодня не крыть. Обойдемся пленкой, погода, спасибо ей, нас не обижает. Днем солнечно, тепло. Ночью мороз градусов пять-шесть, не больше.

Каша на костре не столько варится, сколько пригорает. В избушке на печке не пригорает, но и кипеть не хочет. Что же делать? Ставлю ведро с водой и пшеном на костер, довожу до кипения, а потом несу в избушку, дозревать на медленном огне.

На ведро каши кладу четыре ложки рыбьего жира и такое же количество меда. Это прикормка для соболей. К сожалению, такая еда по вкусу и мышам, и медведям. Поэтому решил раскладывать ее в стороне от звериной тропы, которая тянется вдоль речушки и на которой встречается медвежий помет. Зверь объедается голубикой, и его постоянно слабит.

Наш охотничий путь пройдет правее избушки. Там много лоцинок, встречаются ручейки и озера. Рядом полоса высокоствольного лиственничника. Именно такие места привлекают соболя. Ленья только что отнес седьмое ведро каши, теперь ладит дверь в избушку.

Сегодня он именинник — добыл двух турпанов. Оба селезни. Добыча кстати. Завтра отправляемся в обратную дорогу. Это пара дней пути, где лесом, где берегом.

Груза возьмем как можно меньше. Продуктов на два дня, одеяло, тент, котелки, ножи, ружья... Остальное перенесем в избушку. Она почти готова. Стены законопачены, крыша присыпана тонким слоем золы, дверь обита куском ватного одеяла. «Одинокая гармонь» принаитована к толстой лиственнице. На стене избушки

появилась такая надпись: «Сей дворец сооружен экипажем козача «Одинокая гармонь» 17 сентября 1977 года. Пришелец, помни: в природе ничто не исчезает бесследно, кроме самой природы».

Вечером накололи дров, поставили на печку ведро с кашей и ушли рыбачить. Спустились вниз по Лакланде с полкилометра. Здесь река шире, зато совсем неглубокая.

Лиственницы сменились тополями и чозениями. Деревья толстые, высокие. Кое-где выделяются березы. На березах много гриба-чаги. Настойку его применяют при желудочных, нервных заболеваниях. Три березы подмыл ручей, а ветер положил их на землю. На этих березах чага обгрызана мышами. Животы они лечили, что ли? А может, нервы?

На песчаном берегу следы лося, оленей и уже знакомого нам медведя. По ручью, бегущему в Лакланду, совершается великое переселение ручейников на зимовку. Плынут, словно мусор. Но это лишь на первый взгляд. Ручейники и не думают отдаваться течению. Двумя парами коготков они крепко хватаются за водоросли, веточки притопленных кустов. Секунд пять—десять отдыхают, потом отталкиваются от опоры, несколько метров летят в водяной струе, сохраняя при этом горизонтальное положение и работая лапками, пока не ухватятся за новую опору. В жару пересыхают мелкие водоемы, и тогда можно видеть множество высохших трубочек-домиков, обцементированных песчинками и мелкими камушками. Ручейник — излюбленный корм хариусов, налимов, оляпок, уток. Но и он по природе своей отъявленный хищник: заметив около себя червячка или небольшого рачка, ручейник моментально выбрасывается навстречу добыче и захватывает ее челюстями.

18 сентября.

Перебрали Лакланду и углубились в тайгу. Прирусловый лес самый богатый в колымской тайге. Гигантские лиственницы, тополя, чозении. Есть и подлесок. Жимолость давно отошла, зато тронутые первыми морозами ягоды шиповника и смородины необычайно вкусны. В таких местах обычно водятся рябчики. Ленья сделал манок-свистулку и минут двадцать свистел. Прилетел один только поползень.

Нам интересно, насколько широка полоса прирусловой тайги. Иногда она представляет собой ленту всего в несколько метров, переходит в болото с чахлыми лиственницами. А бывает, что участки тайги охватывают реку дремучими зарослями на многие километры.

Уже в нескольких метрах от Лакланды смородина и жимолость исчезли. Зато стали попадаться кусты стланика и ольховника. Лиственницы и тополя здесь по-прежнему рослые, но стоят реже.

Долго не можем отыскать переправу через глубокий ручей, бегущий параллельно Лакланде. Наконец замечаем переброшенную на другой берег лиственницу. Дерево тонковатое, но выдержит. Первым перебирается Ленья, за ним я. Бумка сорвалась в воду и добралась до берега вплавь.

Здесь же на берегу устраиваем короткий привал, затем направляемся вверх по ручью, надеясь в удобном месте выйти к реке. Правый берег ручья несколько выше, идти здесь легко. Солнце уже поднялось над деревьями, согнало иней с травы, вызолотило лиственницы на сопках. Тайга пустая. Сторонкой пролетели два ворона, где-то крикнула кедровка.

Огибаем заросшее осокой озеро и вдруг видим прямо перед собой избушку.

Ленья умолк на полуслове и вопросительно смотрит на меня. Я остановился, снял рюкзак, подозвал Бумку.

Что означала для нас эта избушка? Во-первых, мы не одни на Лакланде и вполне возможно, люди, поселившиеся здесь, тоже охотники. Занимавшие промысловый участок первыми имеют больше моральных прав на него. Во-вторых, если это не охотники, все равно удовольствия мало. Так или иначе, у них есть ружья, и теперь вдоль наших путиков будет пальба. Большинство животных покинет эти уголья.

— Пойдем заглянем, — нарушил молчание Ленья. Голос его звучит хрипло.

— Обожди. Нужно сначала покричать. А то кто-нибудь с перепугу из обоих стволов вжарит.

Ленья кричит:

— Бумка! Бумка! На-на!

Собака стоит у наших ног, удивленно поглядывает на кричащего Леню.

— А ну тебя. Пошли, что ли? — говорю Лене. — Не видишь, пусто.

Эта избушка не чета нашей временке. Высокая, с двумя окнами, с островерхой крышей и настоящей, изготовленной в столярной мастерской, дверью. Оконные рамы затянуты полиэтиленовой пленкой. Возле порога несколько голубых толстостенных ящиков из-под взрывчатки, сплюснутые консервные банки. Всюду следы вездехода. Кустарник вокруг избушки помят, забрызган машинным маслом.

Леня заинтересовался ящиками, я прислонил ружье к срубу и взялся за дверную скобу. Она железная, это не по-таежному. А если в сорокаградусный мороз нужно выскочить за снегом? Пока набрал ведро — рука мокрая. А потом сырой рукой за железо. Вся кожа на дверной ручке останется.

Дверь со скрипом отворяется. Из проема несет холодом. Здесь еще сохранилась ночная температура. В глубине избушки широкие нары, человек на пять-шесть. Над ними нары поменьше. У окна стол. Вокруг стола все те же ящики из-под аммонала. У самого порога печка на проволочных ножках. К ней прислонен топор. Топорище из куска трубы. Лезвие в крови. Под нарами бухта тонкого троса, аккумулятор, ворох пустых консервных банок. На столе колода засаленных карт, тетрадный листок, покрытый столбиками цифр, журнал «Наука и жизнь». Пол не подметен. Окурки, мусор.

Дверца печки открыта, полно каких-то бумаг. Выгребаю их на пол — разорванные страницы журнала «Огонек», несколько газет. На газетах одним и тем же почерком помечено: «Под., 4/2». Кто-то живет то ли на улице Подгорной, то ли Подречной. А может, это начало фамилии?

— Ну, ты как здесь? — Леня протиснулся в избушку, плюхнулся на нары. — Представляешь, все ящики из-под соли. Можно трех бегемотов засолить. И стог зеленки. Ужас! За тридцать земель привезли. Не иначе, как в каком-нибудь совхозе грабеж организовали.

И вдруг меня осеняет. Прошу Леню:

— Браток, стоняй к стойку, попробуй его на вкус. Только не сверху, а в середине. А я лаз на чердак пощупу.

Не без труда забираюсь на верхние нары и сейчас же замечаю расстил в трех смежных плахах. Они легко отходят в сторону. Да здесь жить можно! Целый ворох матрацев, подушек и одеял. Ведра, кастрюли, масса всевозможной домашней утвари. Склад какой-то, а не чердак.

Пробираюсь к отверстиям во фронтоне, заглядываю. Вижу направившегося к избушке Леню, Бумку. За стойком блестит озеро, окруженное голубичными зарослями. Дальше — болото... Кричу Лене, объясняю, как забраться ко мне. Он отыскивает с десятка гильз, разбросанных под окошками. Гильзы двенадцатого и двадцатого калибра.

Итак, избушка принадлежит браконьерам. Стожок зеленки щедро пересыпан солью. Для оленя лучшей приманки не придумаешь. А стреляют с чердака. Приезжают эти люди, похоже, с приска. Слишком уж много ящиков из-под взрывчатки. Консервные банки без этикеток. Получили где-то на складе. Там к ящику заплеванных солидом банок прилагается пачка этикеток. Хочешь, выкинь, хочешь, детям подари.

Последний раз они были здесь дней десять назад. На матрацах лежит зачерствевшая буханка хлеба, что камень, а внутри мякиш сырой. Засада у них была удачной. Оленью тупую топором раздвигали и топор кровью запачкали. А труба к топору приварена недавно, еще со сварочного шва не сошла синева. Назначение троса мы определить не смогли.

Приезжают издалека. Леня отыскал восемь двухсотлитровых бочек. Семь из них совершенно пустые, а в восьмой ведра три бензина.

Мы вскипятили чай, позавтракали и теперь советуемся, что делать.

Нужно облить бензином сено. Тогда к стойку ни один олень не подойдет. Так и сделали, выпили по кружке чая и снова в дорогу.

Мох под ногами зыбкий. Мы прошли всего с полкилометра и запарились. А еще кусается мошка.

Наконец снова выходим к ручью. Здесь он мельче и светлее. Снимаем ружья, рюкзаки и к воде. Для того чтобы напиться, нужно лечь на землю так, чтобы опираться только носками сапог и ладонями. Чуть коснулся грудью или коленями мха, сразу мокрое пятно.

Бумка пьет воду только выше нас по течению. Предвкушая сладость первого глотка, выбираешь удобное место, пристраиваешься к воде и вдруг: плёк-плёк-плёк! Перед этим Бумка перебрела через десяток лужиц, перепрыгнула два ручья и могла несчетное количество раз напиться. Но нет. Вытерпела, дождалась.

Вообще-то Бумка особым рвением не отличается. Побегает несколько минут впереди нас, обследует несколько кустов, а потом до следующего привала «стрижет шпоры», то есть плетется за Леньей. Брат переносит ее на руках через перекаты, принимает участие в ее охоте на бурундуков.

Бумка напилась воды, выбралась на берег и усиленно тянет воздух.

— Не пнать как колбасу где-то унюхала, — говорит Ленья.

Но собака даже не взглянула на него. Она пригнулась и пошла, выставя осторожно лапы. Все ее внимание приковано к холмику, густо заросшему невысокими деревьями.

— Ты смотри, — удивляюсь я. — Заряжай пулевым.

Ленья согласно кивает головой, сбрасывает куртку, подтягивает отвороты сапог.

Мох глушит шаги. Только чуть слышно: чух-чух-чух...

Метрах в двадцати от холмика Бумка остановилась. Бойтся, а может, поджидает нас?

На бугорке среди высоких лиственниц стоит трехметровая коробка из жердей. По бокам коробки входные проемы с настороженными петлями-удавками. В середине ловушки в полуметре от земли висит белая собака. Ключья тонкой шерсти покрыли весь пол. Это поработали птицы. Трос, из которого изготовлены петли, нам уже знаком.

Ловушка сделана добротно, без топора разломать ее трудно.

— Пусть стоит. Петли спустим и все. Не я буду, если этих вездеходчиков не отошлю с Лакланды, — обещает Ленья.

Петли спускали жердью. Вернувшись к рюкзакам, тщательно вытираем руки сырым мхом, хотя особой брезгливостью не отличаемся.

Двигаемся ходко. Втянулись. Первые дни обливались потом, теперь же только под рюкзаками одежда насквозь мокрая, и на привалах спине довольно-таки свежо.

Стараемся держаться у ручья. На берегу мох не такой рыхлый. Это от того, что здесь лучший сток.

— Лень, — говорю я, — гляди, какая паника стоит.

Десятка два кедровок расселись на верхушках лиственниц и пронзительно верещат. Из-за деревьев величественно выплывает сова. Огромная, светло-рыжая. Она усаживается на высокую лиственницу, но тотчас взлетает и удаляется, редко помахивая крыльями. Вместо того чтобы наброситься на разбойницу, кедровки, повернув головы в ее сторону, на минутку притихли и снова загалдели.

А под лиственницей лежит медведь. Дохлый, иначе что бы здесь делала сова? Да и кедровки такой стаей возле живого медведя не собираются. Бумка, бестолковое и поэтому бесстрашное существо, выскочила из кустов и уже возле медведя. Нюхает, пырхает, зачем-то копает и без того перерытую землю.

Медведь лежит на боку. Передняя его часть чуть приподнята. Он попал в петлю головой и правой лапой, разломал ловушку, перерыл всю землю и, запутавшись, завис. В том месте, где трос прикреплен к лиственнице, почти все стальные жплки перекручены и сломаны. Осталось только две. Две невзрачные, тоненькие ниточки. На них-то сил у медведя не хватило.

Отгоняем Бумку и принимаемся таскать ветки, валить на медведя. Горностаи и другие звери проберутся запросто, а кедровки пусть орехами питаются.

Странное дело. Возле первой ловушки мы провозились, наверное, с полчаса. Здесь же мы были минут десять. Может, нас тяготило чувство вины? Ведь и мы охотники, ведь и мы с ружьями в тайгу пришли. А может, нас напугала смерть таяжного великана?

Испортилось настроение, испортилась и погода. Чугунным утюгом наплыла туча, заняла собою все небо, начала спускаться.

ся вниз. Из узкого распадка ужом выскользнул холодный ветер, зашумел в вершинах лиственниц, брызнул в лицо невесть откуда взявшимися крупинками дождя. Потом вдруг ветер стих, словно примеряясь, но скоро разгулялся широко и свободно.

С этим ветром над тайгой поплыла белесая дымка, которая сгущалась и сгущалась, пока не переросла в моросящий дождь.

За деревьями показалась Лакланда. Здесь у реки настоящий берег. Песчаный, покрытый мелким тальником, идти по нему легко. По нашим расчетам, он тянется километров пять. Минут через двадцать должна показаться скала. У ней мы остановимся на ночлег.

Лене сейчас же дал команду подыскивать палку для удилща. Нужна рыба. Жареного мяса осталось совсем мало. Да и что все время питаться всухомятку? Ведь еще дома клялись один раз в день обязательно готовить что-нибудь жидкое.

Леня постоянно голодает. Сядем завтракать, он десяток ложек проглотит и за папиросу. А потом буквально через час поет:

— Может, перекусим, а?

Останавливаемся, развязываем рюкзаки, уничтожаем банку консервов. Леня с удовольствием щелкает себя по животу.

— Ох и наелся. На сто лет хватит.

А через час снова:

— Может, перекусим?

У нас с собой несколько пакетов «ухи»: в размолотом виде перец, соль, лавровый лист и все такое. Не хватает только рыбы.

Теперь двигаемся не торопясь. Карбакаемся на завалы, иногда заворачиваем в лес, внимательно осматриваем каждую подходящую ветку. Наконец повезло. В небольшом завале подобрали две тонкие лиственнички. Обкоренные, сухие и главные — легкие.

Леня уходит без меня. Он должен выбрать место, развести костер, заготовить дрова. Перебираюсь на другой берег, наискось пересекаю длинный остров и выхожу к протоке. Она мелкая, только там, где сливается с Лакландой, небольшая яма. В яме гуляет харнус.

Все мое внимание приковано к рыбине. Принарамливаю, как лучше встать, чтобы лиственница не мешала забросить удочку,

и, наверное, слишком близко подступаю к воде. Трава мокрая, берег зыбкий, и я вдруг соскальзываю в воду. Откидываюсь назад, но поздно: без всплеска по пояс погрузился в протоку.

Отбрасываю назад удочку, хватаюсь за кусты, карабкаюсь на берег. Не углубляясь в переживания, принимаюсь собирать сучья, разжигаю костер. Ушел ли харнус? Нет! Закидываю снасть — и рыба на крючке.

Тяну харнуса изо всех сил. Леска толстая, крючок надежный. Харнус, не успев опомниться, оказался на траве. В то же мгновение удилище с треском ломается на две части, и моя добыча быстро скатывается в воду.

Проклинаю себя за торопливость, скрепляю удилище куском лейкопластыря и снова заглядываю в яму. Харнус плавает, словно ничего не случилось. Побывал на крючке, повалялся на траве, по великой случайности возвратился в воду и спокойнехонько гуляет. Закидываю мормышку в яму, он бросается на приманку и снова по-е-ехал на берег.

Теперь в яме пусто, нужно попробовать чуть ниже по течению. Там водоворот и хорошая глубина. Харнусы берут с ходу, на крючок садятся верно.

Все-таки даже в мороси есть своя прелесть — рыба не видит лески и отлично клюет.

Поднимаю голову, чтобы посмотреть, далеко ли ушел от костра, и вижу, как из-за поворота выплывают штук восемь темно-коричневых уток с белыми пятнышками вокруг глаз, спокойно следуют мимо чадающего костра и развешивающихся по ветру портянок.

Быстро приседаю, но утки уже заметили меня и бросились врассыпную.

Они попали в сильное течение, хлопают крыльями, кричат, прыгают на волну. Но вода здесь слишком уж бойка, и они ныряют.

Удочка, сумка с харнусами летят в сторону, а я изо всех сил мчусь к костру. Подскакиваю, выдергиваю из рюкзака патронташ, хватаю ружье и карабкаюсь на обрыв. Нужно обогнать уток. Сухая ветка сбрасывает с головы шапку. Цепляясь за ветки ольховника, подтягиваюсь на терраску. С деревьев льются потоки воды,

в лицо бьют колючие стланиковые лапы. Подо мной звершина до-
ройка. Медведь обозначил ее голубичным пометом.

Кажется, пробежал достаточно много, можно бы и спускаться.
Но здесь ужасная высота! Забрасываю ружье на спину, ложусь на
живот и ползу, придерживаясь руками за кусты пушицы.

До воды оставалось метров десять, когда подо мною показалась
вся стая. Тысячу раз зарекался не стрелять уткам в угон на речках
с быстрым течением, но здесь такая мишень! Упираюсь ногами
в куст, переворачиваюсь на спину. Поджидаю, пока утки отплывут
на достаточное расстояние, и навскидку бью по темно-коричневой
цепочке птиц. Три сразу переворачиваются на спины, выставив
вверх тонкие красноватые лапки. Остальные ныряют.

Снова гонка. Течение тянет уток к середине протоки. Одна ут-
ка вдруг ожила, повернулась на бок, часто-часто работая лапкой,
описала полукруг и ткнулась головой в прибрежные камни. Эта
уже моя. А где еще две? Они как раз проплывают мимо, но до них
не дотянуться. Торопливо срезаю длинную ветку, бросаюсь в новую
погоню. Впереди скала. Ныряю под ее каменный козырек, попадаю
погой на скользкий гольш и, стараясь сохранить равновесие, рез-
ко выпрямляюсь. Сильный удар бросает меня в воду. Подхватыва-
юсь, выливаю из стволов воду, щупаю лоб. Рука в крови, но, ка-
жется, ничего страшного. Приседаю, проскакиваю под следующим
козырьком и настигаю еще одну утку. Третью вынесло на середи-
ну. Мысленно прощаюсь с добычей, еще раз щупаю лоб и отпра-
вляюсь в обратную дорогу...

Что ни говори, спать у костра в дождливую погоду — мука.
У нас тент, с двух сторон крутая скала, а дрожим. Одежда сырая,
стланик под нами мокрый, промозглый ветер лезет в каждую ще-
лочку. Еще нет двенадцати часов, а мы уже три раза брались за
чай, несколько раз перестилали постели и поправляли тент.

Наконец я не выдерживаю. Стаскиваю с костра горящие бревна,
выбираю все несгоревшие чурки. Леня не понимает, к чему все это,
но активно помогает. Скоро вместо костра осталась горка раска-
ленных углей. Их нужно завалить камнями. Скала здесь какая-то
слопстая, мы легко отрываем огромные пластины. Накладываем
один слой, другой, третий. Теперь переносим стланик на новое ме-

сто, прикрываем его куртками. Укрываться будем одеялом и тен-
том. Располагаемся на новом ложе, накрываемся с головами.

Сначала было тихо. Потом: тресь, тресь! Плита лопнула, за ней
другая. Представляю, какие летят осколки! До нас не добьет. Ско-
ро потеплело под ногами, потом пригрело у плеча. Благодать!

19 сентября.

Две оляпки вместе не летают, две оляпки вместе не сидят. Ко-
нечно, и эти птицы создают пары. Но что это за семья? Никаких
ухаживаний друг за другом, никаких воркований. Отношения та-
кие, словно их палкой в кучу согнали. Так я думал до сегодняшне-
го дня.

Обычно эта темная с буроватым оттенком птичка облюбовыва-
ет участок реки или ручья, не замерзающий в самые лютые моро-
зы. Кормится личинками, червяками, живущими на дне водоемов.

Сколько раз было: иду по реке в сорокаградусный мороз, все
живое от холода спряталось, только где-нибудь у полыньи одино-
кая птичка сидит. Человека увидит — словно обрадуется. Сейчас же
в воду — нырь. Через минуту из соседней полыньи показывается.
И так километра два провожает. От этого даже мороз не таким
злым кажется. И жалел я этих птичек не потому, что им приходит-
ся в холод в ледяную воду нырять, а из-за того, что одиноки они.
И вдруг мы сегодня этих оляшек целую стаю увидели...

Сегодня Леня заворочался раньше меня, открыл глаза и спро-
сил:

— За что? За что ты меня жаришь? — И полез из-под тента.
Щупаю то место, на котором лежал Леня, отдергиваю руку. Под-
хватываюсь, сбрасываю со стланика одежду. Все в порядке. Зато
стланик покрылся желтыми пятнами, и они растут буквально на
глазах.

Пламя не заставило себя долго ждать и в течение нескольких
секунд охватило весь стланик. Как здорово, что мы вовремя прос-
нулись! А потом я стал возмущаться — стоим на голом берегу и
присесть не на что.

— Будь спокоен! — оправдывался Леня, потому что перед этим
он ликовал намного больше меня.

Ушел он за стланиковыми лапами, а принес большой светло-зеленый шар с дыркой на боку. Чье-то гнездо. Иволги? Так она у нас не водится. Может, пеночки? В начале лета недалеко от нашего поселка я похожее видел. К стволу тополя было прикреплено. Помню, там еще интересная птичка сидела. Маленькая-маленькая, а на голове хохолок: корольковая пеночка. Сначала эта птичка на верхушке дерева чирикала, а потом взлетела и давай в воздухе кренделя выделывать. У пеночки гнездо было сплетенное из каких-то полосок коры, а это из мха и побольше размером. Может, его соорудила оляпка?

Сбрасываю чижи, натягиваю на босую ногу резиновые сапоги и к протоке. А там и правда на берегу собралась целая стая оляпок. Сидят, друг на дружку глядят, а две посередине целуются.

На дворе сентябрь. Вот-вот снег ляжет, а они брачные игры устраивают. Оляпки нас увидели, заволновались и в разные стороны разлетелись. Только одна на берегу осталась. Тоже подпрыгнула, часто-часто замахала крыльями, но взлететь не смогла. Леня шапку с головы сдернул и накрыл оляпку. Приподнимает шапку, а из-под нее кусок рыболовной сети выглядывает. В нее оляпка попалась дня два назад: весь песок вокруг крестиками лапок разрыт, все камушки белым пометом забрызганы.

Освобожденная от пут, птичка моргает и крутит головкой. Сердце ее стучит часто и сильно. Пожка оляпки неестественно вывернута. Пробуем ее выправить, но безрезультатно, наверное, повреждено сухожилие. Что ж, лети, пичуга, может, и выживешь, если у тебя такие подруги верные.

Сегодня мы с Леней расстаемся на целый день. В километре от Лакланды кому-то из нас должна встретиться избушка.

Я пойду левым берегом, потому что Бумка будет с Леней и ему не хочется лишний раз тянуть собаку через перекат. Сойтись мы должны против знака геодезистов. Он стоит недалеко от Лакланды на сопке. А там недалеко и «Кресты». Если к пяти не сойдемся, нужно два раза выстрелить в воздух. Ровно в пять часов отдалиться от берега так, чтобы не мешал шум реки, сесть и слушать. Кто первым дойдет до места, должен развести костер и готовить ужин.

Сверяем часы и расходимся. Леня проходит пять шагов и садится. Ему еще нужно докурить половину беломорины, а он на ходу не курит. Это после того, как чуть не поджег тайгу маленьким осколочком горящего фосфора.

Перехожу реку в том месте, где вчера пробовал рыбачить. Течение бьет по ногам, вода круто вздымается у голенищ, и поэтому стараюсь идти наискосок. Выхожу на берег, пересекаю песчаную косу, довольно легко поднимаюсь на обрыв. Это я вчера в суете напрямик ломился, а ведь рядом такие прекрасные расселины.

Роса еще не обсохла, и поэтому стараюсь держаться подальше от деревьев. Как только зашел в тайгу, за мной увязались три кукушки. Крупные рыжие птицы наверняка томились от безделья и теперь решили поразвлечься. Сначала они просто сопровождали меня от дерева к дереву, а потом, определив мое направление, стали залетать далеко вперед. Там они рассаживались на лиственницах и с великим нетерпением ждали моего появления. Как только я показывался, начинали возиться, прыгать с ветки на ветку, что-то ковырять клювами. Подпускают близко, а потом неожиданно срываются с веток и красными планерами скользят над землей. Самое неприятное, что все это они проделывают молча. Мне почему-то подумалось, что так вот волки сопровождают свою добычу. Становится не по себе. Снимаю «Белку», заряжаю ее малокалиберным патроном и стреляю в вершину лиственницы, на которой расположились две кукушки. Пуля отрубила небольшую веточку и, срикошетив, запела тонко и протяжно. Кукушки насторожились, но тут же успокоились и принялись петь: тю-тю-те, тым-ти-и...

Голоски тоненькие, нежные, словно принадлежат не рыжим разбойницам, а махоньким птичкам.

Охотники обычно называют кукуш сойками. Но ведь у соек на крыльях хорошо заметны голубые зеркальца, и сами они как-то грубее. К тому же соек в колымских лесах мало. Я лишь дважды видел настоящих соек, да и то весной. Вполне возможно, что эти птицы были на перелете и попали к нам ненадолго. Кукуш же в тайге немало. А весной их на отдельных участках бывает даже больше, чем кедровок.

Потянул ветер, быстро высушил росу, и я теперь могу отка-

тать голенища сапог. Мох глубокий, зыбкий. Куртка давно перекочевала в рюкзак, но жарко.

Иду от ориентира к ориентиру. Намечаю лиственницу с «ведьминой метлой», прикидываю, что до нее метров триста, минут десять ходу. Засаекаю время и пошел. Правую ногу — раз, левую ногу — раз, правую ногу — два, левую — два и так далее. Наконец «ведьмина метла» рядом. Смотрю на часы: уложился в девять минут. Две минуты отдохнуть и снова до следующего ориентира.

Весь мох в сохатиних и оленьих следах. Отпечатки копыт глубокие и держатся не один год. На полянках горки светло-коричневых «слив» лесного помета и россыпи оленьих катышков.

У заросшего ольховником ручья остатки чьего-то пиршества. Вероятно, еще в прошлую зиму здесь погиб олень. Осталась одна шерсть. Пройдет год-два, и всю эту шерсть разнесут птицы по своим гнездам. И будут на ней выприваться голопузые птенцы, и еще раз подтвердится истина о целесообразности всего происходящего в природе.

Только к полудню вырываюсь из болота. Теперь под ногами тошкый, чуть прикрывающий камушки, слой ягеля.

Лиственницы-недомерки сменились стланиковыми зарослями, среди которых редкими островками маячат группки все тех же лиственниц. Часто попадаются бурундуки. Везде следы медвежьих покопок. Ямы порой достигают метровой глубины. На свободных от мха камушках горки пустых шишек. Это потрудились кедровки. А вот на широком плоском камне россыпь ореховых скорлупок — работа бурундука. Полосатый проныра запасает одни ядрышки. В бурундучьей кладовой они могут храниться сколько угодно, не загнивая. Бурундук перекладывает свои запасы сфагновым мхом. Во-первых, этот мох хорошо вбирает влагу, а во-вторых, бактерициден.

Час дня. Пора делать привал, но, как назло, нигде ни капельки воды, а спускаться к Лакланде не хочется. Теперь моя ходьба напоминает движение мышкающей лисицы: десять шагов в одну сторону, десять в другую.

Наконец явственно слышу журчание ручейка в неглубокой ложбинке. Там полоска голубики, более темный стланник и вообще

все признаки близкой воды. Но она под камнями, и нужно искать место выхода на поверхность.

Вода сочилась из-под осклизлого, покрытого мхом камня, собиралась в маленькой ямке и бесследно исчезала в каменистой россыпи.

Сейчас я много выше Лакланды. Отсюда мне видно протоку, по которой мы с Леней неделю назад мчались на «Одинокую гармонию». Дальше река уходит влево, оставляя справа широкую пойму. На вершине одной из сопок геодезический знак. До него еще топтать и топтать. Где-то там Лёня с Бумкой. Интересно, он что-нибудь уже нашёл?

По стланиковым зарослям спускаюсь почти к самой реке и неожиданно выхожу к озеру. У кромки воды лежит громадное дерево. Присаживаюсь на шероховатую кору отдохнуть, осмотреться.

Лиственницы вокруг озера толстые, очень много бурелома. На трех особенно высоких деревьях темнеют беличьи гайна. Если это Паничевское озеро, тогда все сходится. Дальше будет круглое озеро, потом двойное с избушкой.

Уже три часа, пужно торопиться. Направляюсь вдоль озера и попадаю на невиданный брусничник. Полоса метров десять—пятнадцать в ширину и чуть ли не полкилометра в длину тянется вдоль всего озера. Ягода красная до черноты. На ходу черпаю целые горсти. Идти здесь легче, но как-то не по себе от того, что приходится давить сапогами такое богатство.

Второе озеро я заметил еще издали. В просвете между деревьями мелькнула полоска воды. Недалеко от берега на воде большая стая уток. Да каких уток! Серые! Падаю в кусты, перезаряжаю ружье и к озеру. Торопиться некуда. Утки остановились здесь на дневку.

Локти и живот промокли сразу. Даже за шиворот побежала струйка воды. Но нервное напряжение такое, что вода не студит, а освежает. Скатываюсь в какую-то канавку и по ней добираюсь почти к самой воде.

Приподнимаю голову, и в это же время справа раздается хлопанье крыльев и криканье. В мгновение ока вся стая срывается с

озера и с тревожными криками устремляется вверх. Вскидываю ружье, стреляю, но дробь не причиняет уткам никакого вреда.

Ругая себя на чем свет стоит, возвращаюсь к рюкзаку. В это время над озером проносится одинокая утка, делает горку и садится за деревьями.

Значит, там еще одно озеро. Заряжаю ружье патроном с крупной дробью, два патрона беру в руку и бегом к уткам. Выскикиваю на буторок и радостно вдыхаю: так и есть! Озеро!

Мне не видно домика. Но я вижу перешеек, соединяющий озеро, вижу высокую скалу рядом с озером, вижу стаю уток, сидящих на волнах сразу за скалой.

Я уже подошел к скале, когда впереди кто-то тяжело вздохнул. Поднимаюсь и вижу медведицу и медвежонка. До них метров сто. Медведица небольшая, упитанная и лоснящаяся. Медвежонок чуть темнее матери. Он стоит значительно ближе ко мне и тянет носом воздух.

Вместо того чтобы позвать медвежонка или броситься на его защиту, медведица потихоньку отступает к скале. Медвежонок сделал пяток шажков по направлению ко мне, остановился и заплакал. Этого мне только не хватало! Стою по щиколотки в воде, в руках заряженное ружье, а ко мне направляется медвежонок. Делаю шаг в сторону тайги, и в ту же минуту за спиной раздается рев, напоминающий бычий с нотками поросычьего визга. До этого я не раз слышал медвежий рев. Он, конечно, страшный, но есть в нем что-то заставляющее себя уважать. А здесь кричит какая-то истеричка. Следом за этим криком из-за кустов выскочил... выскочила! Медведица! А у скалы пестун с медвежонком. Всклокоченная, мокрая медведица метрах в пятидесяти и продолжает садаться. Опустился на все четыре лапы, делает несколько шагов в мою сторону и снова дыбится и орет. Я тихонько отступаю. Вода уже выше колен и скоро польется за голенища.

Останавливаюсь, сбрасываю в осоку рюкзак, он почти наполовину в воде, а ведь пулевые патроны в накладном кармане! Переворачиваю рюкзак, выхватываю пачку с патронами, сливаю воду. Ничего страшного. Патроны промокшие, и только отдельные капельки воды зависли на цветастых обертках.

На ощупь раскрываю ружье, слышу, как булькает в воду дробовой патрон, на его место в патронник рыбкой скользит жакан. Снова щелчок замка, и панике конец.

Хотя медведица в каких-то тридцати шагах и я прекрасно вижу ее голые подмышки и могу пересчитать желтые заслоняленные клыки в ее пасти, но все равно она меня боится больше, чем я ее. Я с такого расстояния попадаю в спичечный коробок. Краем глаза слежу за медвежатами. Прижимаясь к скале, потихоньку пробираются к выходу. У конца скалы небольшая листовенница. Малыш начал было взбираться на нее, но пестун, зная, что в тайге можно спрятаться надежнее, поковылял к стланиковым зарослям. Медвежонок хрюкнул и подался за пестуном.

Когда я пятился от медведицы, никакой суеты, никакого переполоха в моем поведении она заметить не могла. А вот как удирала хозяйка тайги — смех. Она в несколько прыжков догнала свое семейство, не задерживаясь, обогнала его и, только влетев под спасительную сень листовенниц, вспомнила о детях. Те подбежали к матери, круто развернулись, поднялись на задние лапы и стали тянуть вверх мордочки, чтобы получить меня рассмотреть. Значит, когда медведица пугала меня, ей самой было страшно. А ведь не отступила до тех пор, пока дети не оказались в безопасности.

На Кубе водится вид клопов, побивших рекорд чадолюбия: самка кормит потомство соками своего тела. Узнав об этом, я долго не мог успокоиться. А не встречаем ли мы подобную жертвенность в природе на каждом шагу? Может быть, именно этому все живое обязано своим существованием?

Огибаю озеро. По пути натыкаюсь на сорванную дверь и еще какие-то доски. В домике разорение. Нары, ржавая печка, дырявая труба. Между бревен светятся щели. Не задерживаясь ни одной минуты, покидаю домик и направляюсь к Лакланде. На берегу пусто. Забираюсь на высокий завал, разглядываю сопки. До геодезического знака добрый час ходу, а уже двадцать минут пятого. Нужно просушиться и попить чаю. Это займет немало времени, но иначе нельзя.

Удивительное дело, только что я стоял на чужом и безразличном мне берегу, а сейчас здесь полыхает мой костер, сохнет мой

одежда, шумит в котелке мой чай. И мне уже здесь хорошо, словно я пришел к себе домой. И теперь, если я буду проходить мимо этого места, то обязательно вспомню, как я здесь отходил от встречи с медведем, и мне захочется вновь посидеть у своего костра.

Внезапно на противоположном берегу замечаю какое-то движение. Хватаюсь за ружье, но тотчас успокаиваюсь. Это Бумка. Брат появляется из-за деревьев, размахивает ружьем, что-то кричит. Я ему рад до чертиков. Вскоре мы сидим у костра и хохочем по поводу и без повода. Ленья принес огромного жирного налима и четырех маленьких хариусов.

— Переходил протоку и как раз налиму на хвост наступил.

Через час мы снова в дороге. В нескольких метрах от реки отыскивали старую вездеходную дорогу от «Крестов» на Щучьи озера. Мы по ней, как по тротуару, пошагали.

Идем рядом. Каждый по своей колее. Вообще-то в тайге рядом почти не ходишь, все гуськом. Уже начало темнеть, когда впереди показалась высокая лиственница с флагом на вершине. Немного волнуемся, не тронул ли кто нашего склада. Нет, все цело. Огромная гора всевозможных припасов покрыта толстым брезентом. Сейчас костер, королевский ужин и в мешок. В наш родной двухспальный мешок, на который мы истратили два тулупа, три детские шубки и десяток разнокалиберных воротников.

22 сентября.

Наш новый плот «Дриада» раза в два длиннее «Одинокой гармонии» и значительно шире. Он оснащен четырьмя якорями, двумя тормозными устройствами системы «копыл» и спасательной шлюпкой, изготовленной из камеры трактора «Беларусь».

Установили мачту, подняли флаг и решили вымыться. Я нагрел ведро воды и приготовил таз. Но Ленья сразу же забраковал столь примитивный способ мытья, он видел возле «Крестов» двухсотлитровую бочку. У «Крестов» мы обнаружили и ручеек. Поставили бочку на попа, топором вырубили дно, затем набросали в бочку стланиковых веток, сверху залили водой. Оставалось довести ее до необходимой температуры и занять места согласно купленным билетам.

Ночью был мороз, а сейчас солнце разгулялось вовсю. У костра даже жарко. Ветер уgomонился, дым струится в сторону, и Ленья блаженствует. Не скоро натешился:

— Давай, браток, вынимай меня.

Беру Леню под мышки и тяну из бочки. Ну и работа! Костер жжет колени, живот. Никак не подступишься. Ленья тяжелый, скользкий и ужасно длинный.

23 сентября.

Чуть выше нашей стоянки, прямо посреди Лакланды, есть узкий островок. Там небольшой завал, полоска травы и немножко тальничков. А по ту сторону острова огромный плес. Вчера и позавчера на плес садились огромные стаи уток. Мы пробовали охотиться на них, но ничего не получилось. После купания мы соорудили на острове скрадок. Воткнули в песок десяток стланиковых веток, рядом положили охапку травы, на траву постелили кусок матраца.

Хотели поохотиться вечером, но, пока переносили на плот вещи, стемнело. А под утро пошел снег и повалила утка. Огромные стаи с шумом проносились над самым островком, а мы не добыли даже захудалого чирка. Из-за снега совершенно ничего не видно.

Я махнул рукой на такую охоту и ушел готовить завтрак, а Ленья остался. Завернулся в тулуп, прислонился спиной к бревну и задремал. Вдруг слышит, кто-то его за шапку лапает.

— Я даже растерялся, — рассказывает он. — Подумал, что вернулся ты. Поворачиваю голову вверх, а надо мною сова — глазами уставилась и воздух на лицо крыльями гонит. Секунд двадцать так висела, затем головой туда-сюда покрутила и убралась.

На завтрак у нас борщ с налимом, фасолью и кусочками углей, налетевших из костра.

Недавно в одном журнале описывали, как в Москве провели любопытный опыт. Закупили в магазинах консервированный борщ, суп, рассольник, щи. Всего тридцать банок. Собрали поваров из первоклассных ресторанов и попросили приготовить из этих консервов соответствующие блюда. Те постарались, наварили. И еще пригласили директоров комбинатов, где выпускаются эти консер-

вы. Накрыли столы, подали все приготовленное. И что же? Только одно или два блюда оказались съедобными.

Сегодня я готовил борщ из краснодарских консервов, как солдат из топора. Положил в кастрюлю: половину налима, стакан фасоли, две пригоршни сухого картофеля, ложку сухого луку, кусок сала, столько же масла, лавровый лист и перец.

В восемь часов десять минут был произведен салют, и плот «Дриада» покинул судовой «Кресты». Скорость минимальная. За нами по дну волочатся два тракторных башмака, именуемые малыми якорями. Мы погрузили на «Дриад» все наши вещи — и рисковать грузом не имеем никакого права. Правда, на «Крестах» мы оставили ИЗ и постараемся не трогать его до конца охоты. Там же в бочонке из-под карбида послание Саше Зотову и адрес, где нас искать в случае острой нужды.

Управлять «Дриадой» значительно сложнее, чем «Гармонью». Если первый плот мы могли повернуть с помощью кормового весла, то здесь выручают только копылья — толстые жерди, вставленные в отверстия по углам плота. Когда нужно повернуть вправо — из всех сил нажимаем на правый копыль, тот упирается в дно Лакланды и начинает резко тормозить правую сторону плота.

Длинный плот тихонько плывет по таежной реке. Лиственницы щедро осыпают хвоей светлые ее воды. С шумом проносятся стаи уток. Только что мы видели лосей. Он стоял среди тальников, подняв увенчанную рогами-лопатами голову, ожидал, когда мы появимся из-за поворота. Сейчас у лосей гон, а в такое время чувство страха у них притуплено.

Но вот плот резко затормозил и остановился. Течение здесь сильное, поэтому вся надежда на шесты. Стали по бортам, уперлись. Плот продвинулся сантиметров на двадцать и даже чуть-чуть приподнялся, но после этого застыл уже окончательно.

Ложимся на плот и, закатав рукава, прощупываем, что же нас держит? Оказывается, «корешок» затонувшей лиственницы сантиметров двадцать в диаметре. Ни топором, ни пилой с плота не достать. Нужно лезть в воду. Ежась от налетающих снежинок, переодеваюсь в шерстяной костюм со смеющимися Чебурашкой на спине. На ноги натягиваю чижы и резиновые сапоги сорок пятого раз-

мера. Обычно я пишу сорок второй, но эти легче будет снимать. Смазываю руки вазелином. Леня вытаскивает спальный мешок, пододеяльник, запасное белье. Сук буду резать пилой. Пила собственной конструкции. Для ее изготовления берется простая поперечная пила и укорачивается на одну треть. Потом из спинки кровати-раскладушки готовится растяжка.

Ложусь животом на бревно и сползаю в воду. Здесь как раз по грудь. Ничего, пить будет удобней. Ледяная вода вливается в тело, но рука уже отыскивает злосчастный корешок. Пилу точил сам, и на берегу я такое бревнышко перехватил бы за несколько секунд. Здесь же вожусь невообразимо долго.

Но вот плот покачнулся, присел. С помощью Лени заваливаюсь на плот.

Я сейчас могу наорать на Леню. Он не обидится. Он знает, что мне не сладко. Я дрожу от холода, и мне кажется, что этой муке не будет конца. А еще нужно стянуть одежду, растереться до горячего каления старым пододеяльником и шерстяным шарфом. Только потом я смогу нырнуть в спальник. А здесь, как назло, ветер со снегом.

Никаких спиртов-водок мы не признаем. Главное — быть сухим и бодрым. Плот все еще стоит на корешке, а Леня на десятке таблесток сухого спирта кипятит мне чай и поит как ребенка.

Но вот все. Я как будто согрелся. Не вылезая из спальника, надеваю брюки, свитер, и через минуту я рядовой член экипажа без всяких там поблажек.

24 сентября.

Собираясь в тайгу, мы знали, что придется иметь дело с медведями. Пошли в библиотеку, подобрали книги, прочли их и потерялись.

Охотовед Л. Семенов пишет: «При встрече с охотником медведь становится на дыбы и с угрожающим рыком надвигается на смельчака. Умелый удар рогами повергает сильного и ловкого зверя».

Другой автор добавляет, что еще лучше обмотать левую руку рогожей и облить смолой. Пока медведь будет жевать такую «кук-

лу», «острый нож, зажатый в правой руке, вспарывает зверю брюхо».

Двухтомное пособие для охотника, которое советует брать в тайгу штопор, чашельник и будильник, сообщает обратное: «Медведь никогда не поднимется при опасности на дыбы и не идет на охотника с раскрытой грудью и разинутой пастью, как это можно видеть на многих картинах. В самом деле, медведь идет на врага быстро на четырех лапах, наклонив голову «свиньей», сшибает человека с ног или подминает под себя и начинает «драть».

Знаменитому Брему медведь, наверное, что-то нехорошее сделал, потому что это удивительное, полюбившееся многим животное он характеризует так: «Кошка смела, собака смышлена, медведь же груб, глуп, неуклюж. Его мало чему можно научить, и к истинной дружбе с человеком он не способен... Ближе всего стоит к свинье... Первая забота медведя после выхода из берлоги — подкрепить пищу свое тело, ослабленное зимней спячкой. Но, прежде чем есть, ему необходимо принять слабительное, чтобы очистить желудок от слизи. Между слабительными первое место занимает кислая клюква. Сидя на корточках и скользя на заднице, сгребает он ягоды передними лапами и съедает их, причмокивая. Ожидаемое действие следует незамедлительно... Говорят, что медведица мечет детенышей прямо в онег. Достоинно внимания, что мать постыдно покидает в случае опасности своих маленьких и беспомощных детенышей, между тем как она храбро защищает более сильных и взрослых...»

Всеволод Ракитин, снабдивший свою книгу серией фотографий, советует стрелять в медведя только с лабаза или в крайнем случае на приличном расстоянии. Так как «даже смертельно раненный зверь может дотянуться до охотника и серьезно ранить... Стрелять нужно на расстоянии, обеспечивающем возможность перезарядки оружия». И словно в пику Ракитину А. А. Ширинский-Шихматов, добывший на своем веку не одну сотню медведей, пишет: «Бить медведя на пять шагов значительно безопаснее и умнее, чем на десять, а тем более на дальние дистанции. Стрелять медведя нужно только в голову, так как лишь эта пуля безусловно кладет зверя на месте и наповал». Было еще много всевозмож-

ных советов, и бесспорным было только то, что медведь косолапый и ноги у него пятками наружу.

Окончательно запутавшись, мы махнули рукой на книги, решив положиться на ружья и специально снаряженные пулевые патроны. На Бумку надежды не было, потому что, по Семенову, из десяти промысловых лаек только одна или две идут на медведя. Остальные могут стать причиной гибели охотника: убегая от медведя, они бросаются под ноги охотнику и валят его на землю.

Сегодня мы конопатили избушку у Паничевских озер, поправляли нары, навешивали дверь, а Бумка гоняла птиц. Сначала набросилась на куликов-плавунчиков. Перед самым вылетом в теплые края эти удивительные птицы-кораблики, зимующие в открытом море среди крутых волн и шквальных ветров, любят посидеть на суше.

Бумку они подпустили буквально на полшага, потом сорвались у самого собачьего носа, пролетели десяток метров и опустились на берег. Собака мотнула головой и трусцой направилась к куликам. Те снова взлетели и снова сели чуть дальше.

На помощь к плавунчикам явился кулик большой улит и заорал так, словно его режут. Он сидел на выбеленной дождями и солнцем коряге, дергался и вертелся буквально в метре от собаки. Разгневанная Бумка бросилась к коряге, встала на нее передними лапами и возмущенно гавкнула. И началось. Кулик, часто-часто трепыхая серповидными крыльями, мечется над берегом, зарослями тальников, болотцем, а Бумка — за ним, не разбирая дороги.

Мы сначала обрадовались: оказывается, у нашей собаки есть голос и охотничья хватка. Но спустя два часа Ленья заявил:

— Ну и дура!

Собака была отозвана, кулик улетел по своим делам, а для нас наступила сушая мука. Стоило где-либо промелькнуть стайке чечеток или свистнуть вездесущему поползню, Бумка срывалась с места и поднимала неистовый лай. Пришлось выломать палку-дисциплинометр.

К обеду мы кончили ремонт, отправились к «Дриаде». Разгулявшийся ветер пригнал из-за сопки настоящий дождь.

Там, где лиственницы растут не столь часто, весь мох в тем-

ных шляпах мороженных маслят. В ложбинках, почти у самой воды, где воздух теплее, я нашел три свежих гриба, а Лёня целый десяток. Еще бы столько на суп.

Уже слышен рокот Лакланды, как вдруг Лёня находит нашу сковороду. У куста шиповника лежит желтая полиэтиленовая канистра, в которой мы храним растительное масло. Вернее, не канистра, а половина ее. Сколько было масла, столько и отгрызано. Здесь же валяется и крышечка от канистры. Конечно, это работа медведя. Становится жарко. Мчимся к «Дриаде». Натякаемся на порванную камеру-шлюпку и кучу перьев, оставшихся от нашей единственной подушки.

Выскакиваем на берег и облегченно вздыхаем. Плот на месте. Кусок брезента закатан в сторону, в реке полощется угол матраца. Но основной груз цел!

У плота медвежий следы, свежихонькие.

Звонкий лай Бумки за высоким тальником словно будит нас, и мы бросаемся на помощь собаке. Полуползком, стараясь не греметь сапогами, выныриваем на галечную косу. По косе, пластаясь в длинных прыжках, несется Бумка, а от нее удирают два небольших куличка...

Прошло с полчаса. Бумка получила очередную выволочку и куда-то умотала. Мы подсчитали потери.

Медведь не тронул мешков с крупами и сахаром, банки с медом. В целости остались сгущенное молоко и другие консервы. Правда, на всех банках с конфитюром оставлены чуть заметные царапины, но на большее медвежьей смекалки не хватило. Съедено все сливочное масло, исчез мешочек с сухой картошкой. Лёня кается, что в шлюпку-камеру он вчера бросал хариусов. Сковорода была чистой. Но она, наверное, так пропиталась запахом жареной рыбы, что сама показалась медведю лакомым кусочком. А вот зачем косоланый расправился с подушкой и матрацем?

Бумкин лай доносится откуда-то с верховья реки. Там тайга подступила к самой воде, и мне не хочется без толку гонять по чащобе. Но Лёня уже нырнул под высокие лиственницы и почти слился с тайгой.

Бумка лает в конце поляны, ее почти не видно в зарослях

иван-чая. Подыскиваю добрую палку, наклоняюсь... Над Бумкой, у самой вершины лиственницы, огромный темный ком.

— Медведь! — скорее угадываю, чем слышу слова Лёни. Лицо брата вытянулось, рот чуть приоткрылся, глаза куда-то убежали.

Стрелять далеко и неудобно. Делаем несколько шагов, зверь замечает нас. Это был не прыжок, а какое-то удивительное скольжение, как полет при замедленной съемке. Две-три секунды, и медведь коснулся земли, в три прыжка был у ручья и легко взвился над широкой лентой воды.

Счет шел на доли секунды. Еще висела в воздухе радуга, играющая в поднятых медведем брызгах, а он уже подлетел к спасительным зарослям ольховника и еще через мгновение растворился бы в них. Но гроыхнуло наши ружья. Медведь рывкнул, крутнулся на месте, бросился навстречу собаке, пересекшей ручей. Бумка, прижав уши, парашнула в сторону. Выстрелы заставляют медведя оставить собаку и вломиться в ольховниковую чащу. Бумка не отстает. Ее лай перекрывается ревом медведя. Мы мечемся у кустов. На какое-то мгновение в прогалине выныривает мощный медвежий загривок, и я посылаю туда две пули.

— Браток, назад! — кричит Лёня. И тут же шагах в тридцати на нас выскакивает Бумка, а следом медведь.

Два выстрела сливаются в один. Снова взвожу курок, но вместе с медведем в прицеле появляется Бумка. Еле успеваю удержать себя от выстрела, а медведь вдруг оседает на мох и, гребнув лапами, застывает.

Ору Лёне, чтобы не подходил к медведю. Нужно посмотреть на уши. Бывает, что медведь притворяется мертвым. В таком случае уши у него прижаты.

— Все в порядке! — хохочет Лёня. — Бумочка, ко мне!

25 сентября.

К утру термометр показал минус восемь, повалил снег. Мы уже седьмой час сплавляемся по Лакланде, но прошли километра четыре. Вода упала, образовав целый каскад шивер, обнажив десятки топляков.

Сначала шли бечевой, как бурлаки. Раза три плот плотно са-

дился на камни. Тогда сталкивали его шестами. Но вот не помогают и шести. Воды здесь так мало, что даже Бумка несколько раз сгоняла на берег и обратно.

Снег идет. Тайга выбелилась. С шумом проносятся над нею быстрые вихри, выскакивают на реку, бросают в лицо пригоршни снега и улетают в далекие распадки. Когда на мгновение пропадает частая снежная сеть, над тайгой всплывают сопки. Близкие и гладкие.

Мы заняты наипротивнейшей работой: выбираем со дна крупные камни и строим плотину. Скоро сведенные ледяной водой пальцы теряют гибкость, скользящие валуны нужно зажимать так, что пальцам становится больно. Леня предложил надеть рукавицы-верховки, но все равно на строительство плотины затратили минут двадцать. Наконец вода залопотала, плот подвсплыл и аккуратно прополз через оставленный для него проход.

Нырнем под брезент, отдыхаем и советуемся, что делать дальше. До того места, где кончается пережат, осталось метров двести. Это не меньше двадцати плотин. Можно перенести скarb на плечах, тогда осадка плота уменьшится, и сплавляться будет легче. Нет, с плотинами, может, и дольше, но зато надежнее. Так или иначе на сегодня хватит.

26 сентября.

В последнее время все чаще встречается описание болезни, от которой зависит не только успешная работа, но и сама жизнь людей где-нибудь на отшибе.

Болезнь называется «психологическая несовместимость», ее баццлы могут появляться в домиках СП, на охотничьих зимовках. Я был в старательской артели на ключе Нехай, выше поселка Дебин. С весны, полные радужных планов, мы могли служить образцом дружного коллектива. А в сентябре, когда стало ясно, что нашего заработка едва хватит на оплату питания и спецодежды, Андриюшка Гусейнов за Васькой Чирком с ломом гонялся и никто их разнимать не хотел.

У нас с Леней различный жизненный опыт и разнятся взгляды на многие вещи. Я уже более десяти лет на Севере, я намного

старше Леня, у меня немалая семья. Леня после службы в армии приехал сюда с Украины, отработал два с половиной года и в первый свой отпуск ушел в трапшеры (охотники). Он живет в общении, любит музыку, неплохо играет на гитаре и поет, ходит на танцы. Здесь он затем, чтобы провести отпуск и попутно попробовать, что оно такое — таежная жизнь? То, что мы можем возвратиться из тайги без пушнины, Лению не пугает. Мои же сборы пробились в семейном бюджете приличную брешь.

Как уже известно, мы родные братья, следовательно, у нас много общих черт характера. Кажется, идеальное условие для дружбы и согласия. Но... Леня любит поваляться в постели, я поднимаюсь легко. Леня категоричней меня, более тщательный. Я могу босиком выскочить из избушки за снегом или дровами, Леня перед выходом на улицу должен одеться капитально. И вот когда одно из таких различий вызовет вспышку недовольства друг другом, можно будет констатировать — мы заболели психологической несовместимостью.

Обо всем этом я своевременно предупредил Леню, но тот даже не дослушал:

— Что мы, ненормальные? Сработаемся.

Прошло уже больше двух недель, никаких признаков этой болезни я не заметил и даже наоборот, находясь днем и ночью рядом, мы даже мыслить стали одинаково. Вот вчера: тянем плот, колени от усталости подламываются, пот глаза заливает, снег лицо сечет, а на плоту «Спидола». Какая-то визгливая певичка поет:

Захочу в тайгу,
Захочу в пургу...

Мы до этого добрую четверть часа молчали. Обстановка такая, что не до разговоров. И вдруг дуэтом, слово в слово, буква в букву:

— А плот потаскать не хочешь?

Вечером Леня ушел к плоту за посудой, а я готовил постель. Рублю ветки, раскладываю их под лиственницей и думаю: вот если б с нами Виталий жил! Это брат наш. Он сюда всю жизнь мечтает попасть. Когда я последний раз в отпуске был, так он на вок-

зале вдруг заявил: «Сейчас сяду с вами и поеду, а потом как-нибудь рассчитаюсь». Мать с отцом в панику, сестры отговаривают, я тоже. А потом, когда поезд отправился, все нам руками машут, улыбаются, один Виталий стоит на перроне и исподлобья поглядывает.

Только так подумал, заявляется Ленья с чайником и орущей «Спидолой» в руках и с ходу спрашивает:

— Браток, а почему когда на вокзале провожают, то улыбаются? Плакать нужно, горевать, а они на все тридцать два.

Я тогда на это совпадение особого внимания не обратил. Мало ли что бывает. Но вот сегодня лежу в палатке, думаю, как нам плот из шиверы выручить? Вдруг Ленья завожился рядом, открыл глаза и заявляет:

— Слушай, а ведь мы дураки! Один час поработаем, и наш плот на свободе. Знаешь, что нужно сделать?

Здесь и меня осенило. До чего все просто! Я радостно киваю головой:

— Конечно! Там, где Лакланда на рукава делится, поставить плотинку и часть воды под плот направить.

Брат аж подпрыгнул, а глаза круглыми стали:

— Точно! А как ты сообразил?

А я и сам объяснить не могу. Сообразил, и все. Телепатия. А может, это и есть психологическая совместимость?

27 сентября.

Через пару часов «Дриада» оставила за собою развилку, плес у скалы и, сдерживаемая одним якорем, не спеша покатила по Лакланде.

А в тайге перенова. Снег припудрил стволы лиственниц, пригнул кусты, выгладил косы и отмели. Все живое залегло. Страшно ходить, когда каждый твой шаг на снегу отпечатывается.

К обеду проплываем мимо той скалы, где спали на костровулкане.

— Приветствую тебя, родимый уголок! — кричит Ленья.

Причаливаем к левому берегу и отправляемся на разведку. Где-то здесь в Лакланду впадает ручей Тайный. Свое название он

заслужил тем, что, не дотянув с километр до Лакланды, уходит под землю весь, до последней капельки, и подземными родниками вливается в Лакланду. Паничев предупреждал, что это место легче всего можно найти в декабре или январе — там, где выходят родники, Лакланда никогда не замерзает.

Ленья ворчит, что Тайный нужно было искать до снега. Теперь все закрыто. И правда, угадать трудно. Сухие протоки, небольшие лощинки, русла мелких ключиков засыпал рыхлый снег, сделав их похожими друг на друга.

Солнце уже коснулось веркушек лиственниц, как бы предупреждая, что пора думать о ночлеге, а Тайный все не открывался.

Возвратились к плоту, попили остывшего чая и решили проплыть еще километра два. На этот раз пристали к небольшому, но очень высокому завалу. Прямо пирамида, сплетенная из обкоренных лиственниц. На середине завала стоит небольшая чозения. На ее ветках кое-где трепыхаются острые листочки.

Бумка забралась на вершину завала, стоит, слушает. Прислушались и мы. Сначала тихо было, потом вдруг: гел-гел-гел...

Гуси!

Гусиный гомон доносится откуда-то из тайги. А вдруг там озеро? Закрепляем плот, привязываем к нему Бумку. Бежать по тайге трудно и опасно. Снег прикрыл и ямки и кочки. Чуть не угадал — упал, того и гляди, ногу поломаешь.

Прибрежная тайга узкая, метров двадцать пять—тридцать, а дальше бескрайнее болото. Гусиный разговор доносится из-за высокой морены, подступающей к болоту с левой стороны. Нас с криком сопровождает дятел желна. Крупный, черный, с красным хохолком на макушке. В его пронзительном «клеть-клеть-клеть» чувствуется и разбойная удаль и возмущение. Он уже раз пять обогнал нас, присаживался на деревья и делал вид, что выколачивает короедов. Остановливаемся, ждем, пока он уберется подальше. Тот и правда постучал, повертелся, кивкнул и улетел. Поднимаемся на морену и попадаем в молодой лиственничник, среди которого то здесь, то там белеют остовы сухих деревьев. Когда-то здесь прошумел верховой пожар, и теперь поднялась частая молодь.

С морены открывается широкий плес, у кромки которого расположился табун гусей. Темные птицы почти незаметны на фоне воды, и только снег предательски оттеняет их крупные силуэты. Табун большой, штук двадцать. Один гусь плавает посередине плеса, часто поворачивает голову и кричит: гел-гел-гел-га-га-га... Табун дружно ему отвечает.

Пригибаемся, спускаемся к плесу, попадаем на русло сухого ручейка, по нему пробираемся почти к воде.

Гуси совсем рядом. Слышно, как плещутся, видны волны. Вдруг прямо на нас выплыло три крупные птицы. Два гуся, вытянув длинные шеи, полощут клювы в воде, что-то там выскивают, а третий просто плавает и поглядывает по сторонам. Поворачиваясь к Лене, тот прицелился, ждет команды.

— Готовы! Три-четыре! — скомандовал я и выстрелил в близкую птицу. Ленья запоздал с выстрелом и ударил, когда гуся разгонялись для взлета. Табун зашумел крыльями, загелгекал и, прижимаясь к воде, подался в верховья ручья. Мы бросились к добыче. Еще пару таких красавцев, и мы имеем новую подушку. Сегодня на обед, вернее, на ужин гусь в собственном соку.

Плес оказался устьем ручья Тайного. Громадные каменные глыбы обсели плес, забрели в студеную воду. Все они обкатанные, лоснящиеся, так называемые барабаны льда. Глядя на них, можно зримо представить мощную и неукротимую поступь ледника, сплавившего эту долину.

28 сентября.

У самого берега Лакланды образовался молодой лед. Водяные струйки, разыгравшись, качают его, и тогда над рекой плывет удивительный хрустальный звон.

Лене вдруг страшно захотелось горохового супа, и он принялся разводить костер. У нас полная сковородка жареной гусятины, на проволочных шампурах стынет заплывший жиром медвежий шашлык, в конце концов можно сделать омлет из яичного порошка или сварить щербу из хариусов, а ему подавай гороховый суп.

Пока он рубил дрова и отыскивал мешочек с горохом, я разобрал ружья и принялся кипятить замки: с наступлением морозов

наши «Белки» стали давать осечки. Мы несколько раз разбирали их, прочищали тампонами спусковые механизмы, ковырялись в каждой щелочке — не помогало. Ружья стреляли только после второго щелчка. Вообще-то это хваленое оружие на поверку оказалось ненадежным и неудобным инструментом. Во-первых, короткая нарезка ствола не придает достаточной устойчивости пуле, во-вторых, рядом со спусковой скобой зачем-то пристроили рычажок для открывания стволов. Это рычажок уже порвал мою куртку и все время норовит уцепиться за лямку рюкзака. А если уж за что ухватится, то держит основательно. Приходится снимать и рюкзак и куртку, только тогда доберешься до ружья.

Я уже заканчивал протирать второй замок, как вдруг за рекой раздалось звонкое тьяканье и короткий визг. Бумка подхватилась и уставилась в темень. Шерсть на ее загривке стала дыбом, хвост — этот флаг собачьей отваги — закачался туда-сюда, а лапы напряжились, как перед прыжком. Через мгновение тьяканье повторилось и следом раздался хохот. Неожданный, как взрыв. Лиса! Смех же, без сомнения, принадлежал куропаду.

Сейчас куропаткам не сладко. Снега мало, лунку не сделаешь, а спать на деревьях в такой мороз опасно. Набитый мерзлыми почками зоб на сильном морозе с ветерком может к утру отмерзнуть. Сколько раз случалось: зима малоснежная, а морозы за пятьдесят. Куропатки и глухари погибали тысячами. А люди все на охотников сваливают.

С восходом солнца начинаем строить базовую избушку, и до этого времени нужно успеть перенести продукты и приманку к месту строительства. Бросать продукты на плоту опасно.

Мох на болоте уже прихватило морозом, он почти не продавливается, а к кочкам мы принаровились. Как только нога поймает предательскую пустоту и угрожает подвернуться, сразу же падаешь. Летит в сторону мешок с продуктами, шарахается перепуганная Бумка. Других способов избежать вывихов и переломов в данной ситуации нет.

Когда первые солнечные лучи облапили вершины нависших над Тайным сопок, на самом краю морены среди молодых лиственниц мы отыскивали две толстые сухостойны. Здесь будет самая

главная наша изба, отсюда пролягут четыре путика: два на восток и запад вдоль Лакланды, один на юг по ручью Тайный, и еще один — на север. Паничев говорил, что правый берег Лакланды он знает плохо, но оттуда часто спускаются олени и где-то там, за водоразделом, выпустили пятьдесят баргузинских соболей. Есть надежда, что там будет один из самых добычливых путеиков.

Погода хорошая.

Солнечным теплом уже прогреты рукоятка лопаты, топориче и красноватые стволы лиственниц. Бревна отпиливаем длинные и толстые, носить и ворочать их нелегко. Три сутунка кинули — и перекур. Но настроение отличное и работа в удовольствие. Не ленимся два-три раза повернуть бревно или отбросить показавшееся неподходящим и пилить новое.

Тажные зимовья строят «в лапу» и в «ласточкин хвост». Такие избы стоят века. Этот способ вызван постоянной недостаточностью гвоздей. У нас этого добра целый ящик, и строим быстро и просто. Берем трехметровое бревно, подгоняем его к другому и с торцов скрепляем двухметровой стойкой. Иногда в роли стоек используем пару недалеко стоящих, друг от друга деревьев, предпочтительно сухих. Обычно между бревен стелят мох, но он сейчас под снегом, и мы конопатим щели ватой из старого матраца.

Пила острая, но высохшая древесина по твердости не уступит пню камню, и мы начинаем понимать, почему лиственницу относят к твердым породам. Если после сухой лиственницы пилить сырую, то пила плывет, как по маслу, даже не верится, что это одно и то же дерево. Недалеко от нас растут восемь стройных, как свечи, лиственниц. Пожар обошел их, и теперь они хохолком вздымаются над мореной. Когда-то на двух деревьях жили белки, об этом напоминают полуразрушенные гнезда. Мы таскаем бревна откуда угодно, но на живые лиственницы рука не поднимается. Где-то подспудно живет мысль, что со временем к гнездам явятся их хозяева. И вообще, к деревьям, давшим приют зверькам и птицам, отношение какое-то особенное.

На болоте с утра появились соболь и заячьи наброды. У зайца след крупный, четкий. Наверное, это здешний хозяин. Наткнувшись на нашу тропу, он не испугался, более того, проследовал не-

сколько метров моим следом, затем переместился на Ленин и наконец заинтересовался Бумкиным. Вчера после охоты на гусей мы отвязали Бумку, она сейчас же отправилась к морене. Там, где Бумка спрямляла свой путь, спрямлял его и заяц. Удовлетворив свое любопытство, заяц ускорился вдоль болота.

Соболь на наши следы внимания не обратил. Он учился ходить по снегу, и ему было не до нас. Обычно по чернотропу соболь ходит «четверкой» — следом, немного напоминающим заячий малик: два отпечатка рядом, два цепочкой. При таком продвижении каждая лапа свой след топчет — что еще проще? По снегу же нужно ходить двоеточием, то есть с таким расчетом, чтобы задние лапы ставились точно в отпечатки передних. Соболь был молодым, и двоеточный след у него получался плохо.

Через долину Тайного проходит путь, по которому утки, гуси и даже лебеди летят на зимовку. Недалеко от плеса стоит лиственница с сухой вершиной. Увидев на дереве темнеющий силуэт, мы подумали, что это глухарь, и отправились посмотреть. Прошли полпути и поняли, что ошиблись. Это был извечный утиный враг — болотный лунь. Крупная каштановая птица сидела, поджав одну ногу, и, плавно поворачивая головой, осматривала долину. Недалеко от луны плескался табун чирков. Маленькие уточки прекрасно видели своего врага, но почему-то не улетали. А он, длинноногий и желтоглазый, сгорбившись, маячил над ними, высматривая более подходящую добычу, а может, спутника для неблизкой дороги. Увидев нас, он сорвался с ветки и заскользил над долиной. Взмахи его длинных крыльев были нечасты и плавны. Не верилось, что при желании этот разбойник догонит самую быструю и ловкую из птиц.

Только улетел лунь, тотчас на его место опустился другой хищник. Эту птицу я не знаю. Она значительно меньше луны, светлее его и имеет белое подхвостье. Нас совершенно не боится, приводит в порядок свои перья.

А после обеда над нами один за другим пролетели три гусиных ключа. Гуси тянули низко, и их гортанное «кайяг-кайяг» лилось над тайгой призывно и тревожно. Словно они потеряли что-то и не могут отыскать.

Потом на плес опустились три лебедя, крикнули «гонг-гонг!» и стали копаться в водорослях. Они не могут нырять и держатся на мелководе, иногда выходят на берег и щиплют проглядывающую из-под снега траву. В Тайный впадает маленький гнилой ручеек со множеством водорослей, один из тех, что не замерзает в самые лютые морозы. Лебеди вскоре закопались в него так, что скрылись из поля зрения за крутыми бережками. Подобную осторожность могут позволить себе чирки да еще какая-нибудь одинокая серая утка. При опасности они срываются, как катапультированные, и уходят такими зигзагами, что ни попасть из ружья, ни догнать их невозможно. Лебедям же для взлета нужен разбег, летят они тяжело и, конечно, совершенно не петляют.

Под вечер лебеди немного поплавали по плесу, затем вылезли на берег, отошли от воды метров на тридцать и притихли. Обладая прекрасным зрением, они, конечно же, видели нас. Мы через каждые пять—десять минут поворачивали головы в сторону отдыхающих красавцев и удовлетворенно кивали друг другу: «Сидят!» словно в этом была наша заслуга. Все давно любят лебедей и за красоту и за верность друг другу. А ведь и гуси создают пары на всю жизнь, да еще с двухгодичным испытательным сроком. Да-да! Гуси начинают брачные полеты и создают пары в годовалом возрасте, а к гнездованию и насиживанию яиц приступают, только когда им исполнится три года. Маленький скромный рябчик, оставшись без подружки, в течение нескольких лет не образует новой пары.

Однажды я видел, как у погибшего под колесами автомашины евряжки почти двое суток просидела его подружка. Все это произошло возле мастерской, у которой мы ремонтировали бульдозер. Мы с Васькой Чирком несколько раз отбрасывали ее с дороги, но она упорно возвращалась к мертвому. На второй день она тоже попала под машину.

29 сентября.

Леня вчера заявил:

— Все рационализации и новшества дело рук... лодырей.

Чтобы ночью не кочегарить и в конце концов отоспаться, он

стянул с плота матрацы, десятка полтора, обложил ими палатку. Топить печку нельзя: от малейшей искорки может все загореться. Но было тепло.

Ночью к нашей стоянке выходил медведь. Он явился с низовьев Лакланды и остановился у жерлиц. Жерлиц было около двадцати, и почти на каждой сидело по налиму. Будь медведь потолковее, он вытянул бы нашу добычу и закатил бы пир. Он же подобрал дохлых гальянов и побрел через Лакланду. Ветер тянул на нас, но Бумка ничего не учуяла.

Мы решили посвятить этот день охоте на зверя. Даже не позавтракав, набросали в рюкзак консервов и быстро перебрались на правый берег. Медведь прошел три-четыре часа назад. След чуть-чуть схватился и, поддетый снизу, рассыпался на кусочки. Собаку держали на привязи. Медведь медведем, а Бумка у нас одна.

Медведь сделал несколько покопок у самого берега и направился к заросшему озеру. Со стороны Лакланды из озера вытекал ручеек. Он неторопливо струился в травяных зарослях и уходил к реке. Эти заросли и привлекли медведя. Вся растительность в ручейке была смята, на воде плавали пучки осоки. Здесь же белели длинные узловатые стебли с тройчатыми листьями. Это одно из распространенных растений — вахта. Ее листья идут на приготовление настоек тем, кто жалуется на отсутствие аппетита. Может, медведю перед зимней спячкой пужно принять желчегонное, а может, вахта удаляла из его кишечника глистов. Такая информация встречалась и в солидных трудах. Но в зверинцах и в цирках медведям никаких лекарств не дают. Тем не менее осенью все глисты покидают хозяина.

От болота след потянул на сопку. Многокилометровые голые крутые склоны заставили нас отказаться от преследования. Мы возвратились к палатке. На лиственнице у плеса маячил новый «пастух» утиных стай. Но уток не было. Лебеди тоже улетели. У недостроенной избушки суеился поползень. Он весело цвикал и бегал по мешкам из-под комбикорма.

Стройка идет к концу. Леня закрепляет печную трубу растяжками, а я навожу порядок возле избушки. Сгребаю весь строительный мусор. Получилась огромная куча с пнем-осьминогом на вер-

пине. Кладу под кучу небольшую веточку сгланника с сухими хвоями и поджигаю. Когда заиграли первые язычки пламени, в дыму что-то мелькнуло, и на пень выскочил бурундук, обиженно пискнул, перебрался на тонкую веточку и спрыгнул на снег, ловко увильнул из-под носа Бумки и выскочил на крышу избушки. На Ленью, возившегося у трубы, он никакого внимания не обратил, а уселся на углу крыши и стал наблюдать за Бумкой. У меня есть некоторый опыт ловли бурундуков. Отыскиваю в одном из мешков валенок и осторожно передаю брату. Ленья пристраивает валенок на середину крыши и тихонько приближается к бурундуку. Теперь зверек пугается и Ленью, но Бумка ему все же страшней. Он делает круг, замечает валенок и быстро ныряет в него.

11 вечера. На заклиненной между бревнами щепке горит свеча. Рядом на стене фотография моей семьи: жена, две дочки и сын. Я лежу на нарах и пишу дневник. Здесь же уютно посапывает Ленья. Из-под одеяла выглядывает его щека. Верхняя часть щеки темная, нижняя светлая. Мы сегодня помылись и выбрились. Там, где разрасталась щетина, лицо совсем не загорело. Мы планировали отрастить шикарные бороды, но в последнее время кожа под щетиной стала чесаться.

В избушке стоит банный дух. Под нарами вырыта приличная яма. Теперь, если нам нужно искупаться, выстилаем яму полиэтиленовой пленкой, наливаем горячей воды и... вы меня извините.

Сегодня конопатили стены, подсыпали завалинку, обивали мешками дверь. Нары расположены в глубине избушки. Эта стена глухая. В боковых стенах окна. Одно над столом, другое за печкой. Под самым потолком длинная полка. На ней посуда и наволочка с конфетами. Закупали конфеты, наверное, десяти сортов, но вот уже полмесяца таскаем только «Сливу», вид которой вызывает у нас дурацкий смех. Как продавцы смогли всучить нам столько «Слив», ума не приложу!

В стену возле печки мы забили десятка два крупных гвоздей, повесили обувь, одежду, белое полотенце (только сегодня из мешка вытянули).

Бумка свернулась в клубочек возле подувала, но это не говорит о приближении затяжных холодов. Бумке всегда холодно.

Я шебуршу тетрадным листком. Бумка поднимает голову и внимательно смотрит на меня, потом так же внимательно осматривает всю избушку. Может, она ждет, когда из валенка появится Кузька? Притороченный к бревну валенок висит над нашими ногами. Кузька уже несколько раз выглядывал из него, обозревал обстановку и, заметив Бумку, отправлялся спать.

Возможно, настораживается Бумка совсем по другой причине. Вчера вечером, когда мы готовились ко сну и установилась тишина, за стеной раздался рев, закончившийся выкриком, напоминающим хохот самца куропатки на весеннем току. Звук был низкий и протяжный, какой-то угрожающий и вместе с тем до того тоскливый, что мурашки забегали.

Бумка подхватила, завертелась по избушке и принялась скулить. Мы — на улицу, а там... тишина. Над лиственницами молодой месяц висит, крупные яркие звезды все небо обсели. Позвали Бумку, а она не идет из избушки. Стоит, поджала хвост и скулит. Мы слушали, пока не продрогли, а потом занесли в избушку ружья и улеглись спать.

И что же? Сегодня снова, в то же самое время: «У-гу-гу-гу-у... ах-ах-ах!» — и больше ничего.

Днем мы утоптали вокруг избушки кольцо километров на пять. Видели следы двух соболей, оленьи копанки, подняли десяток куропаток и двух глухарей. Больше ничьих следов не было. Решили: везде и всюду ходить вдвоем и с ружьями, на ночь ружья брать с собой и сделать на дверь крючок. И сразу стало спокойнее на душе. Вот что значит вовремя принять нужное решение.

1 октября.

Вчера в поисках таинственного зверя мы дважды пересекали ручей, в котором накануне кормились лебеди.

Справа к ручью примыкает низкорослая тайга, и только у самой воды вздымаются лиственницы. Некоторые от старости упали на землю, образовав удобные мостки. Не так давно по толстой сучковатой валежине из болота на сопку перебрался огромный горностап. За ним — соболь. Соболю органически не переносит горностап и, найдя его следы, преследует до тех пор, пока не изгонит

со своей охотничьей территории или не съест. В свою очередь, рысь гоняет соболя, а горностаи ненавидит землероек.

На Паничевой карте наш ручеек не значится. Вчера вечером мы в торжественной обстановке исправили эту недоработку и нарекли ручей Лебединым.

В том месте, где кормились лебеди, я лопатой углубил русло и вымостил дно камнями. Лёня набил между камней колья и настелил жердями кладку. Становись на середину кладки и запросто черпай полное ведро чистой, как слеза, воды. Здесь же на сучок повесили кружку из консервной банки.

Только отошли к избушке, нашу работу проинспектировала кедровка. Запрыгала по кладке, что-то ковырнула клювом, потом перелетела к фанерке и сделала попытку пристроиться на кружке, кружка качнулась и звякнула, кедровка испугалась, возмущенно застрелетала и улетела вверх по ручью...

2 октября.

С вечера до утра в кастрюле томился кусок медвежатины. Две трети воды выкипело, зато бульон получился — мечта! К бульону полагались пресные лепешки, но я бухнул слишком много воды, и пришлось перестраиваться на блины.

Мы съели по миске бульона и принялись за второе. Налили в алюминиевые кружки кипятка и сыпем туда сухое молоко. На коробке написано, что молоко нужно класть «по вкусу». Лёня свой «вкус» не рассчитал и теперь с трудом проворачивает ложку. Он заглядывает в мою кружку и просит:

— Дай хлебнуть, мое молоко почему-то не льется...

Утро сумрачное. Солнце и не показалось. Спускаемся с морены и направляемся вдоль болота. По всему болоту изредка встречаются небольшие, но довольно крутые холмы с хохолками рослых лиственниц на вершинах. Склоны поросли стлаником.

Кедровый стланик — прекрасное растение, сохранившее здоровье и жизнь многим первопроходцам Севера. От красоты величавого кедра у него осталась одна хвоя. Пышная, ярко-зеленая, ароматная, богатая витаминами и эфирными маслами. Словно понимая это, стланик бережет свой наряд, зимой прячет под снег,

весной поднимает ветви к небу и держит так, чтобы каждая хвоянка искупалась в солнечных лучах.

Обычно приманку для соболей раскладывают в «шалашиках» — сооружениях высотой 35—40 сантиметров. Под пнем, старым деревом или берегом высохшего ручья строят коридорчик из коротких кольев. Одна сторона его упирается в естественную преграду, другая остается открытой. Сверху такое сооружение застилают кусками коры, ветками стланика, пластинками льда. Вокруг шалашика раскладывают приманку. С началом сезона отловить прикормленного соболя несложно.

Подобных шалашиков у нас больше двух десятков. Девять возле той избушки, где мы оставили «Одинокую гармонию», остальные у Паничевских озер...

Шалашик легко и быстро строить, но он совершенно непригоден для ловли лис, росомх и рысей, даже зайцев. На этих зверей нужен навес полуметровой ширины и метровой высоты. Его мы называем «коттедж».

Один из коттеджей мы соорудили у сучковатой валежины, там, где соболю преследовал горностаю.

Работа по оборудованию охотничьих путиков не терпит никакого легкомыслия. Все нужно делать солидно и основательно. Мне приходилось встречать немало охотников, отправляющихся в тайгу с «детским» инструментом: маленькая ножовка, миниатюрный топорик, десяток-другой гвоздей. Да и сам грешен!

Ходить со столь легкой оснасткой удобно, а вот работать — тяжело и долго. За день я четыре-пять шалашиков сооружал, а руки кровавыми мозолями покрывались. Когда же случилось заночевать «под пнем», наступала каторга. Попробуй игрушечным топориком заготовить дров на всю ночь.

За инструмент у нас отвечает Лёня. Он правит пилы, точит топоры, подбирает гвозди. За мной кухня, оружие, приманка и прочая работа, требующая некоторого опыта таежной жизни.

Вот и сейчас я расчистил место для коттеджа, заколачиваю колья, настилаю крышу. Лёня на подхвате. Он отыскивает и приносит длинные жерди, обдирает кору с полусгнивших лиственниц, укорачивает и затачивает колья. Полчаса работы — и коттедж го-

тов. Осматриваем каждую щель, приваливаем сомнительные места корягами. Разбрасываем приманку и отправляемся выше по ручью.

Здесь живет заяц. На берегах ручья и между деревьями набиты свежие тропы. На кочках снег скрыт, и выглядит пожелтевшая пушица. Заяц кормился травкой, при случае добывая и корешки. Ленья предлагает поискать косого, но я-то знаю, что в эту пору зайцы устраивают свои дневки на сопках, и отговариваю брата от пустой затеи.

Переваливаем невысокую гряду, в которой ручеек прорезал узкий каньон, и выходим к озеру. Озеро длинное, края не видно. Выход из него зарос густой осокой. Посередине зарослей темнеет небольшой мелкий плес. Из-под ног вырываются два хариуса и зигзагами уходят под лед.

Ленья откатывает отвороты сапог и через осоку пробирается к озеру. Вода выше колен, но лед уже рядом. Брат пробует его прикладом: держит!

Взбираемся на лед и сначала осторожно, потом все смелее идем по крепкому льду. С обеих сторон к озеру подступают сопки. Левая — гладкая, покрытая стлаником и редкими лиственницами. Правая сопка — сплошь осыпь. Камни черные, огромные. Только у самой вершины темнеют полосы ольховника.

Но вот озеро сужается. Перед нами темнеет полоска воды. Рисковать не стоит. Переходим на берег и только сейчас замечаем, что эта полоска соединяет два озера. Сверху хорошо просматриваются камни и лиственничные стволы на дне перешейки и второго озера. В конце протоки из воды выглядывает россыпь мелких камушков. При нашем приближении камушки ожили, качнулись и исчезли. Не веря своим глазам, торопимся к озеру и видим, что это не камушки, а плавники хариусов. Множество больших и мелких рыб собралось у самого берега, выстроилось хвостами к озеру, а головами к протоке.

Собираем удочки, цепляем мормышки и пробираемся к воде. Под ногами трясина. Она качается и дышит, но сплетенные и прихваченные морозом корни держат надежно.

Почти одновременно закидываем удочки, чувствую энергичную поклевку, подсекаю, и на берег летит приличный «селедочник». Бе-

ру хариуса в руки и замечаю у самых жабр коротких желтоватых пиявок. Ленья тоже вытянул хариуса с пиявками.

Отрываем паразитов, на месте присосок кровотокащие ранки. Тем временем рыба в озере успокоилась, и снова над водой всплыли сотни темно-коричневых плавников.

3 октября.

Вчера, возвращаясь с рыбалки, видели росомаший и оленьи следы. Там, где олени копытили ягель, росомеха порыскала, обследовала несколько копанок и отправилась дальше, оставив горку помета. В нем полно оленьей шерсти.

С росомашой шутки плохи. Она может подгрызть столбы лабаза, забраться на самое крутое и неудобное дерево, справиться с любой загородкой. Проникнуть в нашу избу росомаше ничего не стоит.

Часть продуктов мы спрятали в железную бочку-печку, часть с помощью трехмиллиметровой проволоки повесили на сучья, остальные сложили под нары. Потом я натянул вокруг избушки корд и обвешал консервными банками. Одну нить протянул к стоящему на столе радиоприемнику. Получилась очень чувствительная система. Ленья перед сном вышел из избушки покурить, забыл об автостороже и врезался в корд. Поднялся страшный звон. Кузька, который выуживал из целлофанового мешка кусочки печенья, огнем метнулся в валенок. Бумка всполошилась и заскулила. В то же мгновение сработала вторая часть автосторожа: включилась на полную мощь «Спидола».

Утро. Солнце уже взошло, но его не видно за низкими тучами. Флаг на жерди полощется и хлопает под порывами ветра. Наш путь на север, за Лакланду. Нужно разведать распадок, примыкающий к реке с правой стороны. Там бежит небольшой ручеек Лира. Он и вправду красив и певуч. Быстрый, звонкий. Весь в тальниках и чозениях. Местами верхушки тальников обгрызены. Это следы лосиней трапезы. Широкие отпечатки копыт тянутся вдоль ручья. Снег уже успел припорошить их. На высокой чозении сидит куропач и наблюдает за нами. Рядом на ветке много вкусных ивовых почек. Он же не склонул ни одной...

Этих куропаток у нас называют русловками. Другой вид, значительно меньших и более доверчивых, именуют горняжками. И то и другое неверно. Увиденные нами птицы — обыкновенная куропатка, а именуемые горняжками — тундряные куропатки. Птенцов белой куропатки выводят оба родителя, у тундряной — одна самка. У обыкновенной куропатки перья с розовым оттенком, у тундряной — с голубым.

В первый год моего приезда на Север меня пригласили порыбачить. Как раз весна была. Стланик только-только из-под снега поднялся, ручьи вовсю разгулялись, солнце палит, как на юге. Мы шли по широкому и длинному распадку. А вдоль всего распадка на голых лиственницах, на стланиковых ветках и просто на высоких кочках сидят куропатки и скрипят.

— Видишь, какие они чумные весной? — объясняет мой спутник. — Вырядился и бахвалится. Куропаток приманивает. Их в это время стрелять легче легкого. На пять метров подпускают. Моя воля — я б разрешил весной охоту на них. Зачем столько петухов? Одного на двадцать куропаток хватит.

Потом я узнал, что наряд куропаха — это практически наряд смертника. Он сидит живой приманкой до тех пор, пока не выведутся цыплята-пуховички. Если удастся выжить, куропах станет заботливым отцом многочисленного выводка. Тогда он будет прятаться так же старательно, как и остальные птицы. Оперение сменит на более скромное. Самец куропатки — единственная у нас на Севере птица, линяющая четыре раза в год...

Вдоль ручья — лиственницы, между ними — заросли шиповника. Каждая из веток украшена крупными ягодами. Мы на ходу набиваем ими рты. Подмороженные ягоды необыкновенно вкусны. На месте глухарей, рябчиков и куропаток я бы питался только ими. Но сейчас глухари питаются подмороженной стланиковой хвоей. Летом глухарь никогда не ест хвои. Конечно, ему хватает насекомых, цветов, всевозможных ягод. Да и летняя хвоя слишком жесткая. Другое дело, когда хвою лиственниц и стланика обдадут первые заморозки. Это для глухаря как бы специальная обработка.

За четыре часа довольно-таки быстрого хода мы пересекли один соболиный след, пять горностаевых и два белчих. Негусто.

Встречается много заячьих троп и куропачьих набродов, но они нас интересуют значительно меньше.

Идти легко. Снег мелкий, поклажа состоит из палатки, печки, спальника и четырехдневного запаса еды. Ну еще топор, ружья, ложки и все такое. Мы решили пока что не носить капканов и приманки: вдруг места не понравятся.

Давно закончились скалы, ложе ручья здесь крутое. Он сузился, притих, и звенят только водопады. Здесь лиственницы тянутся узкой гривкой, все остальное покрыто зарослями стланика и ольховника. Мы уже трижды поднимали небольшие куропаchie стаи. Две белоснежные птицы стали нашей добычей. Сейчас же объявляем перекур. Отыскиваем упавшее сучковатое дерево, располагаемся табором, разводим костер.

Куропатки уже ощипаны. Многие животные во время опасности оставляют в зубах хищника пух или перо. Догонит лиса зайца, ухватит зубами за бок, а тот всю шерсть из бока ей в зубах оставит, сам — в кусты. Пока лиса от шерсти прокашляется, косога и след простыл. Через некоторое время шерсть на голом боку зайца вырастает так же густо и пышно.

Оперение только что убитой куропатки снимается легко и чисто. Но стоит тушке остыть, каждое перо придется выдирать буквально с кожей. Перья не выбрасываем, а собираем в целлофановый мешочек. Это чудесная маскировка для капканов и приманка к тому же.

— Чуф-чуф! Фу-фу-у, — раздалось за нашими спинами, — ч-ч-ч!

Седая чернохвостая белка змейкой взвилась на лиственницу, перепрыгнула на соседнее дерево и замелькала среди веток.

Бумка метнулась к лиственнице, зарычала и гавкнула на белку. Та, в свою очередь, фыркнула на Бумку и сердито шоркнула лапами по коре.

Белка уже выкуняла — пышная зимняя шуба отливает сталью. Хвост линяет раз в год и все время остается черен, кисточки на ушах зверька только что пробиваются. Значит, первое впечатление обманчиво. Пока кисточки не отрастут и не загнутся назад, белку трогать нельзя.

Давно отозванная Бумка поглядывала то на белку, то на нас.

Ей не терпелось еще поохотиться, но она уже усвоила слова «лежать», «нельзя», «ко мне» и знала, что можно получить, если не послушаться.

Но вот белка начала спускаться. Пробежит метр-полтора по стволу, усядется на сучок. Потом тихо так: «круп-круп» — и еще немного спустится. Так она добралась почти до земли и уже настороилась было прыгнуть, но Ленья звякнул крышкой котелка, и зверек галопом вверх по лиственнице.

Мы уже допивали чай, когда белка наконец-то поняла, что мы ей ничем не угрожаем, спустилась к самым корням, спрыгнула на снег и черным кузнечиком поскакала между деревьями...

За куртинкой высоких лиственниц и могучим ольховником раскинулось небольшое озеро. Поднимаемся на крутой противоположный берег и попадаем на водораздел. Где-то под камнями вываливается вода. Сейчас из-под наших ног вытекают два ручейка: один бежит на юг, к Лакланде; другой на север, в какую-то другую реку. Пробуем проследить путь ручейка-северянина.

Через сотню метров попадаем на баранью тропу. Спускаться здесь легко и быстро. Лес тянется узкой полосой и просматривается насквозь. Деревья высокие и тонкие. На некоторых темнеют гнезда. Все чаще встречаются беличьи следы. В некоторых местах натропили небольшие горностаи. Соболиных следов не видно.

Распадок неожиданно разделяется на два больших рукава. Правый как будто чуть пошире, и тайга в нем поуще. Поворачиваем направо, проходим километра полтора и упираемся в тупик. Здесь совсем недавно паслись бараны. Видим открытые кустики пушицы, россыпи бараньих катышков. В нескольких местах желтеют лежки. Это для меня новость. Я считал, что бараны отдыхают только у подножия скал.

Возвращаемся назад, выходим в левый рукав — и сейчас же открытие. В этом распадке лет 20—30 назад заготавливали лес. Остались только мелкие лиственнички. Крупные и средние деревья срублены. Из-под снега темнеют пни. Это нас расстроило: там, где лес выбран, хорошей охоты не жди.

Вечереет. Достаточно поисков, пора останавливаться.

Проходим еще несколько сотен метров и видим штабель мет-

ровки — коротких бревен — и почти рядом огромную красноватую цистерну. Одна боковина цистерны вырезана. Находим три разбитые кровати, остов полуприцепа, две ржавые бочки.

Решено: будем ночевать в цистерне. Она чиста, и нигде никаких запахов. Выстилаю дно метровой, накрываю стлаником, готовлю постель. Ленья отгребает снег от задней стенки и разжигает костер. От стенки сразу дохнуло теплом.

4 октября.

Возвращаемся с Леры, Ленья заявляет:

— Борща хочу!

Борщ у нас есть. Неделя как сварили, пару мисок съели, остальное в «колымский холодильник» — на крышу. Вот только поварешку забыли. На второй день кастрюля под гречневую кашу потребовалась. Я попросил Ленью привести от плота запасную.

— Нечего ноги без толку бить, — отвечает он. — Сейчас я борщ из кастрюли вытяну целиком.

Он занес кастрюлю в избушку, чуть подогрел ее и извлек варено за поварешку.

— Видишь, какое эскиммо получилось!

Прицепил Ленья борщ за поварешку на лиственничную ветку...

Вот из-за лиственничника выплывает угол избушки с прислоненными к нему жердями. Сейчас же делается покойно и уютно, словно мы возвратились домой и здесь все нам рады.

Уже видны мешки под навесом, лежащие у двери чурки, топор в одной из чурок.

— Браток, а где борщ? Ты не снимал? — озабочен Ленья.

Нет, борща я не трогал.

Под лиственницей следы... росомахи. Абсолютно свежие! Морсит легкий снежок, но отпечатки даже не припорошены. Росомаха подошла со стороны плеса. Почти у самой избушки на сухой лиственнице висят мешки с приманкой и продуктами, но росомаха выбрала борщ.

Дело к вечеру. Заскочили в избушку, отыскивали запасные батарейки, заменили куртки на пиджаки и — налегке по следу.

Росомаха пересекла лиственничник, вышла на Тайный и по

берегу ручья подалась вверх. Бумка, заразившись общим азартом, деловито бежит вперед, поминутно оглядывается.

По правому берегу Тайного тянется невысокая терраска, с нее обзор лучше, чем отсюда.

— Ленья,— обещаюсь к брату,— я пойду следом, а ты взбегайся на террасу.

Дальше ручей делает крутой изгиб. Там островок густой тайги. Росомаший след тянется прямо. След ровный, чистый. Ну и сила — нести в зубах пятикилограммовую, столь нетранспортабельную глыбу и ни разу не коснуться ею снега!

Ленья пошел в обход. А я, спрямляя путь, оторвался от следа. Перепрыгнул ручей, назад вернуться не могу — глубоко. Вода бурлит, клокочет, как в настоящей реке. Вот тебе и Тайный!

Наконец перекат. Только ступил в воду — в тот же миг выстрел, за ним второй. Крики, лай и снова выстрелы.

Продираюсь на террасу и вижу такую картину. Метрах в трехстах по склону крутой сопки спокойно бежит росомаха. Черная-черная. Никакого светлого круга на ее спине нет. Большой хвост чуть приподнят, на мапер лошадиного, голова же опущена к самой земле, словно росомаха выискивает что-то.

Ленья стоит на одном колене, ведет беглый огонь и ругается. Он где-то потерял шанку, лицо злое, глаза прищурены. Волосы мешают целиться, он раз за разом отбрасывает их движением головы. Росомаха уходит как бы по полукругу. Бумка стоит рядом с Ленией и по-хозяйски лает на зверя.

Прицеливаюсь в похитительницу. Наверное, мое ружье стреляет не так, как Ленино, потому что росомаха остановилась и оглянулась.

Я хорошо вижу, что она без добычи, если можно так назвать краснодарский борщ. Росомаха стояла секунд пять—десять, затем отвернулась, наклонила голову и спокойно протрусила на сопку.

— Кончай,— говорю брату.— Главное, борщ отвоевали.

Заглядываем в ложбинку и видим на ее дне красноватую глыбу. Это наш борщ. Разбиваем спасенную еду, выручаем поварешку и отправляемся домой. Нужно будет в этой ложбине поставить большой капкан.

5 октября.

За это время, не считая росомахи, приходили в гости заяц, белка, горностай, поползень, кукушки, кедровки и куропатки. Но больше всего нами интересуются мыши. Придешь в избушку, сунешься в посудину, а там рыжая спина выгибается. Начинаем выяснять, кто на столе оставил молоко или чай. И нам неприятности и мышке горе.

Мы привезли с собой три мешка проваренных в стланиковой хвое и извести капканов. Они переложены травой, зеленой, душистой. Такая упаковка лучше всего предохраняет самоловы от посторонних запахов. Еще при закладке базовой избушки в том месте, где через морену проходила заячья тропа, Ленья привязал подлистенничкой снопик зеленки.

— Мы этого зайца трогать не будем,— заявил он.— Даже волк возле логова не охотится.

Заяц с достоинством принял такое условие. Он почти каждую ночь поднимался к нам на морену, обходил избушку, а затем направлялся к снопiku. Усаживался на задние лапы и не спеша выбирал поправившиеся травинки. Заяц был хutorянином, ни с кем дружбу не водил, и ни разу его следы не уходили дальше левого берега Тайного. Сена он съедал немного, его больше привлекал мешок из-под приманки, брошенный за ненадобностью тут же. В грубой, пропитанной сукровицей мешковине заяц выгрыз две большие дыры. Любопытно, что у сена заяц оставил немало объедков, возле мешка же не валялось и ниточки.

Часов в пять утра Ленья разбудил меня и с тревогой заявил, что где-то только что кричал ребенок.

Быстро одеваемся и выходим на улицу.

Тишина. Вокруг сплошная темень. В луче фонарика медленно проплывают снежинки. На снегу ни следа, кроме наших.

— Эге-гей! — ватная темень поглощает звуки. Кричу еще и еще, словно стараюсь разбудить тайгу. Если затанит дыхание, слышен шум крови в висках и шорох падающих снежинок.

Возвращаемся в избушку, поджидываем в печку дров, пьем чай. После чая сон улетает совсем. Я зажигаю еще одну свечу и

берусь за дневник. Леня пробует читать книгу, но раз за разом отрывается, прислушивается к тайге.

А утром по дороге к ручью на самом спуске с морены Леня нашел полуразорванного зайца. На снегу отпечатались огромные крылья. Ночной хищник убил зайца возле мешка, притянул сюда и принялся есть. Мы, видимо, спугнули его. Заяц-беляк, одетый в роскошную зимнюю шубу, уже не раз бывал в переделках. Правое ухо разорвано надвое, зажило, несколько раз вылиняло. Заяц дважды вырывался из когтей и выбил из одеяния птицы несколько темно-коричневых перышек: беляк сражался до последнего.

Народная мудрость гласит: «В зайце много жира — жди холодной зимы». Заячьи внутренности и все межреберье буквально залиты белым салом. Добыча как нельзя кстати. Медвежатина, приготовленная со всевозможными приправами, может, и аппетитна, но, сваренная с сухим луком, пригоршней лаврового листа, пахнет нехорошо и сластит. Даже Бумка ест без особого желания... Мы планировали с первых дней охоты добыть оленя, но только сегодня впервые увидели свежие оленьи следы. Стадо голов в 10—12 перед самым утром пересекло болотину и вышло в долину Тайного.

Олени шли, останавливались, копытили снег и щипали пушицу, наткнулись на шалашик, разрушили его и съели приманку — две протухшие рыбы, с полкилограмма медвежатины и несколько мышей.

— Козлы! — кричал Леня на всю тайгу. — Куда я попал? Соболь ягоды ест, заяц мешок из-под мяса зажевал, медведь ни сахару, ни меду не тронул, зато олени медвежатину с рыбой жрут.

Нагруженные капканами и приманкой, запасом еды на один день, мы отправляемся по следам. Если не удастся догнать оленей, то хоть приманку разбрасываем.

После снегопада потянуло на мороз. Все вокруг заволочло туманной дымкой. Какая-то сплошная мутная масса — ни конца, ни края ей. Но эта бесконечность только кажущаяся. Там, над нами, чистое голубое небо, и солнечные лучи достают вершины двух высоких сопков. Вершины золотятся, как луковицы древних церквей.

То с одной, то с другой стороны к долине Тайного подходят распадки. Узкие и пошире, растянутые на многие километры и такие короткие, что их и распадками назвать трудно. Все они дают корм и приют куропадкам, соболям, горностаям и прочей таежной живности и походят друг на друга, как родные братья. Крутые их бока затканы припавшими к земле стланиковыми кустами, среди этих кустов там и сям темнеют голые лиственницы. На вершинах сопков они мелкие и редкие, ниже погуще и покрупнее. Вдоль каждого распадка вьется желобок пересыхающего ручья, окаймленный ольховниковыми зарослями. Здесь же высются могучие лиственницы и алеют ягодами шиповник и смородина.

Напротив каждого распадка мы делаем короткие остановки, разбрасываем приманку, оставляем пару капканов.

Бумка не может переносить этой процедуры с надлежащим достоинством. Ей хочется обнюхать каждый кусок приманки, каждый капкан.

Олени долго шли без остановки. Выбитая их копытами тропа тянется вдоль Тайного, иногда ныряет в тайгу, но скоро снова выходит на берег. Олени долго кружили на месте, некоторые из них даже ложились и оставили в желтоватых затвердевших лежках серую ломкую шерсть. Длинные тонкие шерстинки имеют форму вытянутого конуса, суживаются к основанию и настолько плотно прилегают одна к другой, что даже самый сильный ветер не может пробить оленью шубу. Шерстинки пустотелые и заполнены внутри воздухом. Тепло, легко и в воде не утонешь. Ко всему, на зиму у оленей вырастает богатый подпушек. Вот поэтому-то на лежках не подтаял снег...

Осталось меньше половины груза. Решаем поднажать. За утесом Тайный снова поворачивает на юг, а перед нами встает стена богатейшего леса. Неохватные тридцатиметровые лиственницы стоят, как спички в коробке. Ближе к воде высются тополя и чозени. Лиственницы и тополя гладкие, стройные; чозении покореженные, лохматые. На ближней к нам суетится дятел. Летят в сторону кусочки коры, сыплются на снег мягкие опилки, а дятел уже на противоположной стороне ствола внимательно приглядывается к дереву, что-то там поправляет.

— Проверяет, не пробил ли дырку насквозь,— смеется Ленья.

Мы стоим в пяти метрах, а он смело гоняет по стволу, задорно почиркивая, поглощенный важной работой. Хорошо видно яркое желтое пятнышко на голове. Черные в белый горошек крылья выделяются на серой коре. Трудно представить человека, способного поднять ружье на эту доверчивую птицу. А ведь стреляют. Мод, я слышал, он вредный и его нужно уничтожать. К сожалению, я сам несколько раз читал в солидных изданиях такие размышления: «в одних случаях его можно считать полезной птицей, а в других вредной». Это дятла-то!

Огибаем рошу. Перед нами открывается высокая и длинная скала, нависшая над самым ручьем. Тайный бьется среди ее обломков, вздымается бурунами и извивается жгутами струй. С левого берега к ручью примыкает низкое ровное место. Казалось бы, измени руслу и кати себе спокойно, а он азартно навалился на скалу, бьет и точит неподатливый гранит, клокочет от бессилия. Над скалой нависли ольховниковые кусты, небольшие лиственнички. Они тоже наступают на камень, заползают в малейшую трещинку, рвут ее корнями.

В одном месте они уже прорвались к берегу ручья, образовав мостик, соединяющий сопку, нависшую над скалами, и долину Тайного. Здесь же на камнях, словно специально, лежит огромное бревно. Торец аккуратно обрезан. По всему видно — работали бензопилой «Дружба».

На подушке снега проглядывают следы, кажется соболиные. Под козырьком скалы разбрасываем приманку и торопимся дальше.

Ленья перебрался через ручей, наклонился:

— Роска прошла. Здесь прямо по обрыву спустилась.

По-видимому, росомаха заметила оленей с сопки, бросилась наперерез, но, пока отыскивала подходящее для спуска место, олени заметили ее и пустились наутек.

— Теперь их за неделю не догонишь,— говорю я.— Уж если эта привяжется — держись!

Через тальниковые заросли направляемся к возвышающейся справа полосе тайги. От тальников ее отделяет гнилой клочок.

1. До снегопадов заяц-беляк держится в глухой чаще...

2. ...след его на снегу навывается — малик.

4. Иногда горностай выходит на охоту и днем.

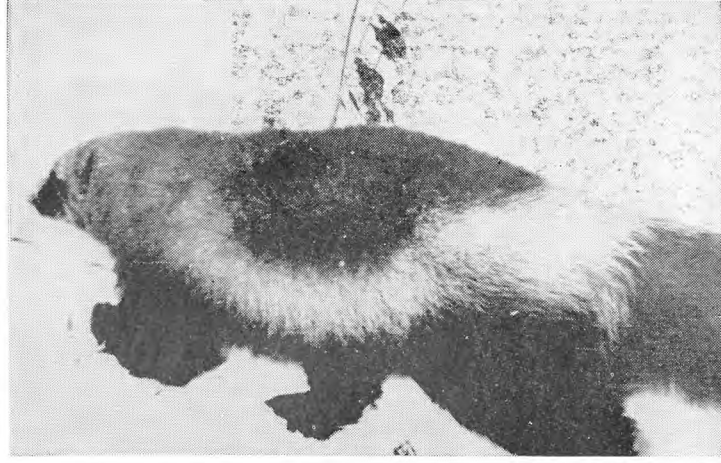

3. Редколле — излюбленное место обитания лисы.

6. Лиса в поисках мышей.

5. мех росомехи не пидевет и в лютый мороз.

7. Летом в таежной избушке прохладно, зимой тепло и уютно.

8. Добыча килограммового хариуса — мечта многих колымских рыбаков.

9. Даже след таежного «хозяина» вызывает почтение.

10. Отыскав бурундучью кладовую, медведь нередко вместе с припасами съедает и самого хозяина.

11. Опасность постоянно подстерегает евражку не только с земли, но и с воздуха.

12. Краса и гордость колымской тайги — соболь.

13. Высоко в сопках среди осыней живет шищуха-сено-ставка.

15. Свое гнездо куропатка устраивает среди мелкого кустарника и кочек.

14. Гроза птиц и мелких зверей —
рысь.

16. Глухарь.

17. Куропатка.

18. Ястребиная сова и днем держится в открытых местах.

19. Почувствовав опасность, птенцы загибаются в гнезде.

21. Горноста́й наиболее активен ночью.

20. Встреча с «букетом» из бабочек капутиниц запомнилась надолго.

22. Бурундук — земляная белка.

25. Лесная фантазия.

24. Останцы — прибежища снежных баранов.

23. Дикий олень.

26. Все лето лосиха с детенышем держится на одном участке.

27. Самец кулика-плавунчика наседывает яйца и воспитывает птенцов.

28. Лось прокладывает дорогу через зыбкие болота.

29. С первого дня жизни утята добывают корм самостоятельно.

30. Белка — исключительный древолаз.

В воде полно водорослей. Слабое течение все же смогло расчесать их длинные зеленые косы. На берегу следы оляпки, чуть дальше кто-то пропахал длинную борозду. Это след выдры. В метре от воды, под грядой галечника, у нее туалет.

Мы в восторге. Выдра — чистоплотнейшее животное, справляет нужду в строго определенном месте. Со временем замаскируем на дорожке капкан.

Стараясь не шуметь, переправляемся через ключик и входим в тайгу. Надо же, повезло! Только надумали — и находим удобный привал. Это только дилетанты считают, что возле любого дерева можно иметь стол и дом. В самом же деле пройдешь не один километр, пока подберешь подходящее место. Все живые деревья сырые. Лиственница может три-четыре года провалиться на земле, а в костре воду из-под коры гнать. Стланик и того хуже. Нужно искать обкоренные ветки темно-серого цвета и без почек. Если же почки и есть, они должны быть тонкими, а не овальными. Кроме того, нужно, чтобы возле костра было на что сесть. Да и костер на снегу развести не просто. Нужно утоптать площадку, вымостить ее кусками коры или сучьями, только потом нащипать веточек со спичку толщиной, сложить шалашик и поджигать. Костер разгорелся — пристраивай шест, вешай котелок со снегом и вари чай...

Через полчаса мы уже сидим на поваленной лиственнице и заканчиваем обед. Лёня вдруг поворачивается ко мне и загадочно улыбается:

— Слушай, ты б хотел здесь иметь избушку?

— Нужно еще километров пять-шесть пройти.

— Как хочешь. А я буду жить именно здесь. — Он показывает рукой в глубь тайги.

Теперь и я замечаю низкое строение, спрятавшееся за лиственницами. Просто удивительно, как мы не заметили его раньше...

Перед нами древнее сооружение с двускатной крышей, сложенное из толстых бревен «в лапу». В торце широкая низкая дверь. Строители этой избушки взяли два толстых чурбака и вытесали доски-сороковки, соединили «ласточкин хвостом». Каким искусником надо быть, чтобы зарезать во всю длину доски

конический паз, вытесать из другой доски такой же выступ и соединить без единого гвоздя.

Дверь плотно закрыта. У порога толстой подушкой разрослась брусника. Вырубам ее топором. Наконец дверь (ах, как хочется написать «со скрипом») отворилась, и Бумка ныряет в проем. Вниз ведут четыре ступеньки. Белеет подслеповатое окошко. Нары по стенам рассчитаны на четырех человек. Посреди избушки аккуратный сруб метровой высоты. На нем устанавливали печку. Толстые чурбаки превращены топором в ровные брусья. У меня с собой общая тетрадь в клеточку. Выдираю чистый лист, прикладываю к срезу. Ровно 90 градусов! С такой точностью и пилой угадать трудно, а они топором.

На срубе темнеет небольшой квадратик ржавчины — след от печки. Печка была маленькая, с ведро величиной. Снова удивляемся: с какой стати ее чуть ли не под потолок подняли? Ведь она стояла значительно выше нар. В пятидесятиградусный мороз с таким устройством не согреешься.

Под самой крышей в бревнах какие-то отверстия на манер бойниц, наверное отдушины для дыма. Там же сверху ряды колышков. Лёня поднимается на цыпочки и дергает крайний из них. Аккуратный, в большой палец толщиной и в четверть длиной, он напоминает по форме дирижабль. Создается впечатление, что его изготовили на токарном станке. Поясочки, перехваты, фаски.

На столе три ложки и расколотая пополам плошка. Деревянные, самодельные.

Лёня уже на улице и зовет меня. Он забрался на землянку и восторженно разглядывает двухметровую лиственницу, выросшую рядом с отверстием для трубы. Сколько же лет простояла избушка?

Возвращаясь к рюкзакам, беру фонарик и начинаю изучать избушку более тщательно. Нужно попытаться найти какие-нибудь надписи. Да здесь целая летопись!

«Федор поймал зайца», «Видел трех баранов, во быки!», «Завтрак съешь сам, обед отдай другу, ужин врагу. Арабская пословица». Чуть ниже: «Враг, верни все обратно», «Невоздержанный язык — худшее из зол. Еврипид», «Чем реже удовольствия — тем они при-

ятнее. Эпиктет». И все в том же духе. По-видимому, справа у двери спал какой-то философ.

Его сосед подобными упражнениями не занимался. Зато спавший в правом глухом углу избушки заставил и меня и Лёню отнестись к себе с полным уважением. У него в головах крупными витиеватыми буквами написано: «Аня, Аннушка, Анечка». И ниже, уже, наверное, одолженным у философа карандашом: «Снились Нина и Валя. Доченьки, хочу к вам!»

6 октября.

...У каждого рыбака и охотника есть в тайге заветное местечко. Была и у меня палестинка заветная. Весной, когда охота давно давно закончилась и я уже готовился к рыбалке, все мои припасы разграбила росомаха. Забралась на крышу, словно знала, что там жерди поплотнее, прогрызла дыру и что на месте съела, что в кусты спрятала. Мешок целлофановый я нашел аж на сопке. Целиком его наверх затянула и в снег закопала. Теперь не отстанет, подумалось мне, летом всю прикормку соберет, зимой капканы шерстить начнет. Нет, лучше я с ней разделаюсь.

Тут же у лабаза соорудил приличный шалаш и все остатки в него сложил. А на входе волчий капкан замаскировал. Пружину снегом запылил, а скобы и тарелочку прикрыл салфеткой.

Через неделю на рыбалку приехал и к лабазу. Приближаюсь к шалашу, прямо туда росомашьи следы ведут. Сердце так и екает. Но росомаха к шалашу подошла, метрах в двух потопталась и крутанула прямо в кусты. Заглянул в шалашик, и все стало ясно. Капкан на виду лежит. Салфетка куда-то исчезла. Положил я другую салфетку и на всякий случай снегом припорошил. Через неделю прихожу — снова нет салфетки, хотя приманка целая, капкан настроен. Начал я уже капкан снимать и вдруг вижу под правой скобкой небольшую норку и два следа рядом. Горю! Горю!

Недолго думая, развернул капкан к норе, сторожок отрегулировал так, что и дохнуть страшно.

Наутро возвращаясь с рыбалки и вижу: сработал капкан. Но вместо торжества в капкане одна ножка белеет. Кровью все

забрызгано. Стал я разрывать нору, на гнилой пень наткнулся. Пень разломал, а под ним горноста́й без задней ножки мертвый и рядом на моих салфетках, в труху изгрызенных, двенадцать горноста́йчиков махоньких. Чуть-чуть коричневатым пушком прикрытые. На загривках пушок гуще, словно это микроскопические львята, но вообще-то они больше на муравьев смахивают. Головастые, по талии тонкая перетяжка, хвостики почти не заметны. Взял я их в руку, а они уже давно застыли, как камушки стучат-перекатываются. С тех пор я на палестинку не заглядывал и зарекся до открытия сезона кашканы ставить...

Утром на улицу выглянул и удивился. На лиственницах рядом с избушкой целая стая птиц. Кедровки, кукушки, синицы, чечетки, наверное, из всей Лакландской поймы слетелись. А под лиственницей, почти у самой земли, на толстой коряжине сидит огромная светло-бурая птица с яркими пестринами на груди. Над большой, втянутой в туловище головой торчат острые рожки.

— Филин! Лена, филин!

В одном нижнем белье, с ружьем в руке и патронташем в другой, брат выскакивает на улицу:

— Ты чего раскричался? — а сам гоняет глазами по лиственнице. — Ой-йой-йой! Вот это громадина! Гляди, ушами шевелит.

При нашем приближении кедровки засуетились, большинство их благоразумно перебралось на дальние сухостоины, а некоторые, словно дождавшись поддержки, запрыгали прямо перед клювом филина. Тот переступил с ноги на ногу, защелкал клювом, перья на его загривке стали дыбом, а огромные глаза уставились прямо на нас. Теперь можно было хорошо рассмотреть толстые, покрытые перьями лапы, большие острые когти. Клюв филина мне показался сравнительно небольшим, а может, его скрывали перья. Удивили и уши. Когда филин опустил их, перышки разделились, и стал хорошо виден просвет между ними.

Филин наклонился, развернул метровые крылья и бесшумно сорвался с коряги. Птичья мелочь взорвалась щебетом, истошно завопили кедровки, а он, огромный и невозмутимый, поплыл между деревьями.

Сегодня дорога к землянке заняла значительно меньше вре-

мени, чем вчера: у «Крейсера «Варяг» — так мы называли утес, врезавшийся в ручей, мы спрямили путь. У нас снова были «попутчики», на сей раз лоси. Два больших и маленький.

За сохатыми проследовал соболь. Увидел след горноста́я и ударил за ним. Горноста́й, довольно крупный, шел с добычей. Рядом с отпечатками его лап были хорошо видны тоненькие черточки — след волочащегося мышинного хвоста. Горноста́й пересек небольшой ерик, поднялся по руслу сухого ручейка и там вместе с добычей нырнул под выворотень.

Соболь подошел к выворотню метра на полтора, потоптался, но приближаться не стал, а обошел горноста́евую схоронку и залег на одном из корней выворотня. Ждал он долго. Снег под соболем подтаял, и на заледеневшей корке остался коричневый волосок. Горноста́й съел мышь и выпел из-под выворотня уже с другой стороны. Соболь отпустил его метров на семь и, сделав длиннейший прыжок, упал чуть ли не рядом. Осталось несколько капелек крови да комочек шерсти.

Над долиной проходит самолетная трасса. Мы уже изучили расписание: в десять утра, в час дня, в половине четвертого и в семь вечера все наполняется самолетным гулом. Как бы мы ни топились, останавливаемся и провожаем самолет взглядом до самого горизонта. Соскучились по людям.

Когда прошел часовой самолет, мы разложили у землянки большой костер и принялись за ремонт крыши. Одна сторона скала совершенно целая, другая сторона просела. Угол же вообще насквозь светится. Я режу полуметровые чурки и подаю Лене.

Сделал пять или шесть распилов, вышел кружку чаю и заглянул в землянку. В потолке зияет огромная дыра, в избушке светло. Под левыми нарами и под столом выросли светло-серые грибы. Под самым коньком в поперечном бревне вырублен паз, в него заложены пучок каких-то растений. Стебли посерели от времени, а на их верхушках словно спеклись крупные темные цветы. Это ирисы. Они славились еще в Древней Греции, где и получили название, переводимое как «радуга». Немцы их за узкие ножевидные листья называют меч-лилия, в России — касатиками. Ирис изображали на флорентийских гербах.

— Браток, ко мне! — вдруг позвал Ленья. — Погляди-ка, что это за кормушка? За слегой лежала.

В руках Ленья старательский лоток. Один бортик лотка дал трещину, и в этом месте угадывается след от жестяной латки. Скоро отыскиваем почти полностью съеденный ржавчиной скребок, затем неплохо сохранившуюся кирку и дужку от ведра. Видимо, здесь жили старатели или геологи. Несколько смущает латка. Мастерам, соорудившим эту землянку, изготовить новый лоток — плывое дело. А здесь ремонтировали старый лоток и наколотили три десятка гвоздей. Может, просто кто-то не хотел расставаться с «фартовым» инструментом? Заряжают же охотники патроны извлеченными из убитых зверей и птиц смятыми дробинками.

К пяти часам полностью отремонтировали крышу, установили печку. Когда избушка наполнилась теплом, Ленья вымыл стол, а я поставил консервную банку с букетиком засушенных ирисов.

7 октября.

Завтра намечаем сделать марш-бросок вверх по Тайному. Ленья готовит припасы, а я бросаю в старый рюкзак десяток хариусов, кусок медвежатины, топор, вешаю через плечо «Белку» и отправляюсь к Лебединому.

На спуске с морены встретилась россыпь горностаевых следов. Где-то тут мы строили шалашик. Ага, вот он. Снег его запоросил. Теперь сооружение вписалось в общий фон и не будет настораживать зверей. Горностаи утащили всю рыбу, а мясо не тронули. Мясо пришлось по вкусу мышам. Те протоптали к шалашу тропу и выточили в медвежатине хорошую ямку. Придется ставить «журавль» — приспособление, поднимающее пойманного зверька в воздух, иначе мыши съедят или постригут нашу добычу.

Второй, устроенный на бугре, шалашик ничего внимания не привлек. Зато коттедж у самого ключа обрадовал. Вчера ночью его посещал соболя. Следы видны даже на крыше. Приманка съедена. Здесь у соболя постоянный переход через ключик. Следом за сободем может пойти и россомаха. Капканом ее взять трудно, придется сооружать давилку. Если же давилку хорошо настроить, она задержит и соболя.

Между двух стоящих рядом лиственниц примерно на уровне груди привязываю капроновую веревку. На веревку кладу длинное бревно с таким расчетом, чтобы один конец его лежал на земле, а другой выступал от лиственниц метра на два. Это основа давилки. На ней монтирую спусковой механизм, скопированный с обыкновенной мышеловки и увеличенный в несколько раз. Теперь подвожу под основу второе бревно точно такой же длины, как и основное, только значительно тоньше. Это гнет. На его конце маленькая петелька, а чуть дальше, примерно на половину корпуса россомахи, располагается основная петля. Она охватывает бревно-основу и поднимается над ним на такую высоту, чтобы под летел могла пройти россомаха. Настораживаю давилку, цепляю наживку, намертво фиксирую сторожок капроновой ниткой. Через две недели достаточно будет перерезать эту нитку, и давилка готова к работе.

Россомаха учует приманку, поднимется по бревну, зайдет под петлю и потянет за приманку. Сработает спусковой механизм, петелька освободит гнет, и тот, падая, придавит петлей зверя.

В том месте, где мы рыбачили, подстрелил куропаца. Сооружаю еще одну давилку и отправляюсь домой.

Дома новость. Ленья поймал «мышшарика»!

— Только ты ушел, гляжу, а на мешке с ловушками мышка сидит. Маленькая, кругленькая, нос хоботком.

— А где ж она?

— Как где? — даже удивился брат. — Здесь, в избушке. К Кузьке в гости заглядывала. Вот будет здорово, если они подружатся!

— Обожди, — перебил я брата. Торопливо сорвал подвешенный над нарами улит и перевернул его. На нары вперемешку с газетными обрывками сыпятся Кузькины припасы и наконец глухо шлепает сам Кузька. В голове бурундука большая дыра.

Ленья закусывает нижнюю губу, качает головой, над чем-то задумывается и, повернувшись ко мне, говорит:

— Нет, не верю, чтобы такая крохотулечка на бурундука набросилась.

Шебуршит газета, и на середину избушки выкатывается землеройка. Обследовала носок моего валенка, перебежала к печке и

занялась консервной банкой из-под сосисочного фарша. Быстро наклоняюсь, закрываю банку ладонью и переворачиваю. Мягкий прохладный хоботок тычется меж пальцев.

— Шмякни ее об печку,— советует брат.

— За то, что ты ее с мышью перепутал? К мышам она имеет такое же отношение, как и ты. Мыши грызуны, а это насекомоядное. Но самое интересное — это одно из самых маленьких млекопитающих в мире и, пожалуй, самый отчаянный хищник. Мыши любых размеров его законная добыча. Справиться с сонным бурундуком землеройке было не так уж трудно. Они до того злобные, что при встрече друг с другом разбегаются в разные стороны — иначе кто-то кого-то съест.

— Ничего себе «мышка»,— удивляется Лёня.— Кузьку все равно жалко.

— А ты зря бурундуков святыми считаешь. Эти тоже не лучше.

— Во зверье! — все еще не успокоится Лёня.— Палец в рот не клади.

— Ну, ты уж слишком. Не возмущался же ты горностаями и соболями за то, что они мышами и птицами питаются. Да еще при случае и любишься ими. А ведь соболь в каком-то смысле ничем не лучше землеройки. Для меня лично землеройка даже интереснее.

— Чем же это?

— Осенью у молодых землероек уменьшаются размеры тела. Даже мозги и черепная коробка. А весной снова все увеличивается. Твой соболь этим не похвастается.

— Это правда? Если так, пусть у нас живет. А я хотел с ней разделиться.

— Вот и разделяешься, если закроешь в избушке. Она без еды может жить всего шесть-семь часов. Да при этом ей живая еда нужна. Пшено или твой горох ей не подойдут.

9 октября.

Поднялись рано. Поставленная на краешек бочки гречневая крупа с водой к утру превратилась в отличную кашу. Бросили туда банку свиной тушенки, и по избушке поплыл аппетитный за-

пах. Стол накрываем по всем правилам, даже кладем салфетки. На завтрак у нас по кусочку селедки, сало, каша, кофе. Все вкусно и съедается подчистую.

До выхода полчаса. Лёня колет дрова и складывает их у печки, я вешаю на кольца мешочки с крупами, солью, лавровым листом, спичками. На столе оставляем две банки тушенки, несколько таблеток сухого спирта. Лёня по собственной инициативе прибавляет пачку папирос. Над столом прикалываем записку: «Ушли вверх по Тайному. Будем через три-четыре дня».

Еще с вечера Лёня из четырех чурок и куска плетки сделал неуклюжий на вид вместительный таз. Я наливаю в него горячей воды и с помощью снега охлаждаю до такой температуры, что брат, сунув ногу в импровизированную купель, ухнул и заявил:

— В такой воде только икру метать.

Каждый раз перед выходом в дальнюю дорогу мы моем ноги: они не так потеют, а главное — меньше устают.

Но вот, кажется, и все. Посидим минутку на дороге и можно отправляться. Беру в руки огарок свечи и выхожу из землянки. Темнь. Дожнул ветерок, пламя сжеглось, зависло синей капелькой на кончике фитиля и потухло. Тайга тревожно шумит. Если повернуться лицом к ручью, слышен шум воды. Он чуть отличается от шума деревьев. Более равномерный и не такой глухой. Бумка фыркает, тычется носом в мою руку. Мол, давай, иди!

— Правильно, Бумочка,— говорю ей, передвигаю кнопку фонарика и направляюсь к ручью. Лёня чуть сзади. Держу фонарик так, чтобы свет попадал под ноги и брату. Вдруг со стороны гнилого ручейка ужасно знакомый свист. Суслик? Но откуда он здесь? В недоумении останавливаемся. Через некоторое время свист повторился. Сразу же громко плеснула вода. Да это выдра!

Движемся молча. Ночная дорога не похожа на дневную. Может, потому, что обзор ограничивается освещенным кусочком тропы, а может, сказывается выработанная тайгой привычка — ночью спать и в то же время чуть-чуть бодрствовать или, вернее, бодрствуя, все же немного спать. Мысли вялые и какие-то рваные. Только слышно, как под ногами играет снег.

Один раз ночь взорвалась взлетом куропачей стаи, устроив-

шейся на ночевку у самого ручья, да еще в луч фонарика на мгновение попала маленькая ширококрылая и головастая совка, напоминающая гигантского мотылька.

Но вот темень наполнилась предрассветной синевой, проступили контуры сопок, откуда-то из-за деревьев донесся хохот самца куропатки.

Светает. Заворачиваем за скалу и попадаем в густой тальник. Впереди раздается громкий треск сучьев и тяжелое утробное уханье. словно паровоз из котла пар выпустил. Мы вспугнули лосей.

К березовой роще подошли уже засветло. Ленья услышал в завалемышь-лищуху и отстал. С ним и Бумка. Я опередил их шагов на двести. Впереди уже видна наклоненная береза, за ней оставленные с вечера вещи. Неожиданно у березы мелькнуло что-то темное. Белка? Нет, соболь! Точно, он! Выскочил совсем недалеко, какой-то непривычно короткий и толстоплечий. Насторожился, метнулся на березу и тут же спрыгнул. Он услышал скрип снега под моими валенками и теперь, наверное, старается определить, кто его потревожил. Какое-то мгновение он смотрел на меня, затем повернулся и неторопливыми прыжками подался по косогору. Что есть духу несусь навстречу Лене:

— Соболя там.— И снова тороплюсь к березе.

Сбрасываем рюкзаки и несемся по следу. Бумка опередила нас, но не может понять, куда мы торопимся, и мечется по тайге. Под деревьями масса соболиных следов. Проследить нужный трудно. Возвращаюсь к ручью и делаю широкий круг по березовой роще. Считаю свежие входные и выходные следы. Входных четыре, выходных три. Значит, соболь где-то в кольце. Ленья тоже принялся считать, но скоро заинтересовался огромным гнездом, расположенным на лиственнице метрах в пяти от земли. Он запускает в гнездо сучьями, стучит по лиственнице прикладом ружья.

Соболя нет, а настроение самое расчудесное. Ведь все равно он где-то недалеко. Зверь, из-за которого мы забрались в эту глухую тайгу. Найдя соболя, мы ни за что не стали бы стрелять в него. До 20 октября его время. Нарушив запрет, навсегда потеряешь ощущение той легкости, той свободы, которое полонило нас с са-

мого начала отпуска. Ведь привяжи к веревке 60 рублей (стоимость шкурки) и заставь любого из нас побегать за нею по тайге двое-трое суток — никто не согласится. Человек, охотясь, ищет в тайге нечто большее, а что именно — объяснить не может.

Соболя мы так и не увидели.

Возвращаемся и довольно легко находим широкий просвет среди частых и пружинистых веток. Бумка продолжает поскуливать. Почти бегом проскакиваем просеку и выныриваем шагах в пятидесяти от собаки. Она сидит под густой лиственницей, внимательно глядит вверх, тянет туда шею и, кажется, ужасно волнуется. Переглянувшись и кивнув друг другу, осторожно подвигаемся к Бумке. Ленья немного отклонился вправо и крадется вдоль замерзшего ручейка. Я останавливаюсь и прячусь за толстую березу. Раздается негромкий треск расколотого льда, Ленья проваливается в глубокую колдобину чуть ли не по шею. В ту же минуту над ним проносится большой черный глухарь, за глухарем следуют две кедровки.

— Мэр города и сопровождающие его лица,— показывает брат рукой на птиц и осторожно выбирается из колдобины.

Помогаю Лене снять мокрую одежду, отдаю ему куртку и свитер, сам в одной рубашке принимаюсь ладить костер. Ленья танцует вокруг меня, но это помогает мало. А здесь, как назло, ни одной подходящей сухостойны. Топор где-то у ручья. Пробую свалить руками тонкую сухую лиственницу, другую, третью, но деревья прочно держатся корнями за землю. Наконец мне удается сломить одно деревце. Быстро очищаю площадку под костер, крушу об колено полусгнивший ствол, и вот озорное пламя заиграло, запрыгало, разрастаясь с каждым мгновением.

Через пару часов, хорошо отдохнувшие, мы снова упаковали вещи и двинулись в путь. У меня к рюкзаку приторочена бочка, у Лени матрац с трубами. Рюкзаки и у меня и у брата набиты до отказа. Чуть оступишься, потеряешь равновесие и грохнешься оземь.

Когда миновали переправу, я зачем-то оглянулся и замер от удивления, увидев двух оленей. С ветвистыми рогами, в пышных мантах и с тонкими стройными ногами. Я много раз видел диких

олений, охотился на них, но столь красивых встречать не приходилось. Один олень был особенно высоким, со светлой, почти белой шерстью, другой, хотя и не вышел ростом, ни в красоте, ни в грации не уступал первому. Слово дополнение к этой удивительной картине, в кроне деревьев суежилась огромная стая крупных красногрудых птиц. Три из них заметили нас, сразу же перелетели через ручей и уселись на густых низеньких чозеннях, в нескольких метрах от нас.

Мы застыли, боясь даже пошевелиться. Олени на нас почти не обращают внимания, их больше интересует Бумка. Собака тоже не прочь познакомиться со столь странными животными, но перед ней вода, и она, конечно, не хочет лишний раз мочить лапы...

Мне говорили: снегири на Кольме не водятся. И я начинал сомневаться, не перепутал ли. Может, это были клесты или щуры? Но сейчас мы прекрасно видим узкие черные хвосты, серые спинки, светлые перетяжки на крыльях и темные перышки на аккуратных головках. А главное — это горящие на фоне голубоватого снега ярко-малиновые брюшки птиц, до неправдоподобия напоминающие крупные яблоки.

Снегири успели налюбоваться на нас, уселись на веточках и чего-то ждут. Тихонько приседаю и начинаю снимать рюкзак. Но не успел я снять даже одной лямки, как олени резко повернулись и исчезли. Теперь без всякой оглядки сбрасываем рюкзаки и налегке горюшимся к переправе. Но переходить ручей не пришлось. Оба оленя внезапно вынырнули на покато боку сопки уже на приличном от нас расстоянии.

Здесь живут два горностая. Один на правом берегу, другой на левом. Правобережный горноста́й — огромный. Второй совсем малыш. Его следы не глубже мышиных, и большинство их стянуто канавкой — отпечатком тоненького горностаевого тельца. Мне почему-то они напоминают след, оставленный Золушкиной туфелькой.

В прошлую ночь оба горноста́я гуляли вдоль ручья и, наверное, видели друг друга. Малышу скоро придется отсюда убираться. Как только мороз закроет ручей льдом, большой горноста́й изгонит более слабого. Однажды я видел место, где крупный горноста́й

убил вот такого малыша, отнес его в завал и там, по-видимому, съел.

За грядой долина Тайного расходится километра на два. У ее кромки теснятся обрывистые сопки. Долина темнеет густой лиственничной тайгой. Идем уже больше часа, и все время следы, следы. Прямо какой-то звериный оазис. Белок больше всего. Мы уже видели двух, а ведь сейчас они на кормежке, и, по всему видно, кормиться белка уходит на сопку. В этом году неплохой урожай кедровых шишек, так что есть надежда, что белка останется здесь на зимовку.

Пора останавливаться на обед, но не хочется разводить в этом месте костер. Зачем лишний раз беспокоить зверей? Отклоняемся в сторону, выходим к ручью и объявляем привал.

Когда попадаю в незнакомые места, у меня каждый раз возникает странное ощущение: как будто я вторгаюсь в чужой мир и в любую минуту навстречу может выйти здешний хозяин. То же испытывает и Ленья. Говорим вполголоса, лишний раз не стукнем, не крикнем.

Вот и сейчас: пагаем по ровной террасе, оживленно беседуем. Только что пересекли непонятный, похожий на росомаший, след. Вдруг вижу сбоку большой, черный от времени крест. Ему лет сто. Замоликаю на полуслове, быстро снимаю с головы шапку. Ленья с удивлением смотрит на меня, но, заметив крест, тоже сдернул шапку, и мы молча идем дальше. Мы будем помнить этот случай и когда-нибудь дома поговорим о нем. Но сейчас ни слова.

Дело здесь вовсе не в суеверии. Мне кажется, такое отношение к одинокой могиле — это прежде всего уважение к человеку, пришедшему в здешние края задолго до нас. Не будь таких людей, человечество потеряло бы многое. Может, не совсем заслуженно, но мы причисляем себя к их клану.

Вечереет. Пора готовить ночлег. Предстоит много хлопот. Нужно соорудить лежак со спинкой, поставить с противоположной стороны костра экран-отражатель так, чтобы дым не шел к лежаку, напилить гору дров. Но эта работа нас не пугает. Трудимся чуть ли не наперегонки. Попутно приготовили ужин, вскиятили чай и сумели даже помыть руки с мылом и умыться. Правда, умы-

вались без мыла и не особенно тщательно. Смоешь с лица жир — потом всю ночь мерзнуть.

Костер горит ровно и жарко. Спинка лежака уже теплая. Готовим постель, еще раз проверяем, хорошо ли развешана на просушку одежда, и укладываемся спать.

10 октября.

Задолго до рассвета к нам в гости явилась угольно-черная сеноставка. Она живет в небольшой куче всевозможного хлама, снесенного водой к гривке тальника. Еще вчера там лежали вывороченный с корнями тополь и птук пять небольших лиственниц. Лиственницы мы сожгли на костре, тополь обрезали почти до корневой, но никакой пищухи не видели. А вот сегодня она вылезла на горку свежих опилок, что-то там поискала, затем тихонько пискнула и, устроившись поудобней, уставилась на круг дышащих жаром углей.

Наш отец, человек в высшей степени серьезный, очень почти-тельно относился к радиопередачам. Каждое утро, услышав приветливое «Доброе утро, товарищи!», поднимал голову к висящему на стене динамику и говорил:

— Здравствуй, тетка!

Отцовское изречение прочно засело в голове, и вот сейчас мы таким же образом поприветствовали гостью.

Во время работы в старательской артели я познакомился и даже немного подружился с целой колонией пицух-сеноставок, живших в большой куче камней у нашего полигона.

Мы мыли золото у Старых отвалов и по несколько раз в день проходили мимо пицух. Этот трудолюбивый и осторожный народец протоптал маленькими розовыми лапками узкие ломаные дорожки и теперь, гоняя по ним, носил от ручья зеленую пушицу и веточки всевозможных кустарников. У самой воды лежал огромный тополь, прикрытый от кучи камней молодыми лиственничками. Я устраивался на усыпанном бисеринками росы стволе и часами наблюдал за колонией.

Там шел настоящий сенокос. То одна, то другая мышка выныривала из груды камней, вопросительно пицала и торопливо ска-

тывалась на тропинку. У самой кучи было всего три тропинки. И больше всего поражало то, что пицухи ни разу не отправлялись в путь по целине.

Поперек самой торной дорожки лежала обкоренная палка. Здесь пицуха каждый раз делала остановку. Настороженно прислушиваясь, она издавала тихонький свист и только затем, неуклюже подпрыгнув, переваливалась через преграду. На обратном пути повторялся весь ритуал. Я убрал палку. И случилось невероятное. Пицуха добежала до того места, где была преграда, оставившись, осматривалась, пицала, а затем, неуклюже подпрыгнув, лезла через несуществующую палку. Короткие ноги не находили привычной опоры, и пицуха неловко плюхалась на тропку. Обескураженный зверек поднимался, озабоченно свистел и бежал в траву. С некоторыми пицухами такое повторялось по два-три раза.

Рядом с пицухами жил бурундук. Этот хutorянин взял за правило с восходом солнца навещать своих соседок. Сидя на ветке стланика, он дожидался, когда пицухи отправлялись за травой, набивали ею рты и таким образом становились беспомощными. Бурундук скатывался на мох, быстро бежал к куче камней, влезал на самый высокий камень, поднимался на задние лапы и свистел, как соловей-разбойник. От неожиданности пицухи замирали, затем бросали на землю сено и серыми шарами катились к бурундуку. Тот спокойно ожидал на камне взбешенных хозяек. В самый последний миг разворачивался, поднимал пистолетиком хвост-перышко и мчался к ближайшей лиственнице. Пицухи не умеют карабкаться по деревьям, им оставалось только усестись под лиственницей и обидчиво попискивать.

Пришлось снова вмешаться. С помощью консервной банки и двух палочек легко поймал полосатого задиру.

— Не взыщи, братец, идем жить в новые места.

Дорогу бурундук перенес спокойно, даже съел пару кедровых орешков, а выпущенный на волю сразу же метнулся обследовать новые места у Старых отвалов. На другое утро у каменного холма царил покой. Пицухи резали траву, сушили ее и ставили в стожки. Сено прятали среди камней.

Я лежал на тополе, пригрелся и задремал. Сквозь сон услышал тревожный писк моих подопечных и поднял голову. На высоком камне сидел взъерошенный бурундук и хвастливо свистел. Пищухи уже побросали траву и мчались к возвратившемуся из дальних странствий соседу. Честное слово, в их попискивании мне почудилась радость...

Вечером я рассказал нашему бульдозеристу Васке Чирку про обитателей каменного холма. Чирок на второй день часа четыре провалялся на тополе и все восторгался моим увлечением. До самого вечера не мог успокоиться, потом завел бульдозер и куда-то укатил. Возвратился поздно и был ужасно злой. Оказывается, он не удержался и ножом бульдозера подрезал часть кучи, чтобы узнать, как там устроились пищухи. Сначала отрезал самую малость, потом больше, затем снес чуть ли не весь холм. Ничего о пищухах-сеноставках он больше не узнал и в расстроенных чувствах возвратился к стану. Больше о пищухах мы разговор не заводили, да они и исчезли куда-то, хотя Чирок в порыве раскаяния нагородил кучу еще выше, чем была.

Бурундук с неделю бегал у камней и тревожно посвистывал. Перед самым переездом на ключ Нехай, это в тридцати километрах от поселка Дебин, мы отнесли бурундуку пригоршню кедровых орешков. Но угощение целый день лежало нетронутым, а вечером его отыскала запасливая кедровка...

Тайный снова приклеился к скалам, и мы никак не можем определить, по какому берегу устраивать путик.

Вдруг — хоп! Избушка! Стоит себе справа от ручья на невысокой терраске и ждет нас. Мы, конечно, обрадовались, по обрыву карабкаемся. Поднялись — расстроились. Оказывается, это полуразрушенная хибара без печки, без окон и дверей, а главное — из тонкого щелястого горбыля сплетена. Леня в угол плечом уперся, чуть нажал — все строение перекосилось. Мы с Бумкой из хибарки выскочили, на Леню сердимся.

Даже не перекурив, отправляемся дальше. Все чаще и чаще встречаются обрезанные «Дружкой» чурбаки. И вот первый штабель заготовленного леса. Ему уже не меньше пяти лет, и по всему видно, еще лежать да лежать. Бревна толстые, штабель кубов

на двести—двести пятьдесят. Уничтожили такую тайгу, а теперь гноят без пользы.

Сразу за штабелем лесовозная дорога. Сбрасываем рюкзаки и чуть ли не бегом направляемся по ней. За первым же поворотом новый штабель, возле него два каркаса под большие палатки, чуть дальше ярко-синяя фанерная будка.

А дальше замечаем аккуратненькую избушку без трубы и окон.

Это баня! На бревенчатом полу обтрепанные березовые веники, два таза и кусок хозяйственного мыла. Посреди избушки печь — большая бочка, заваленная грудой камней, на ней вторая бочка — котел для подогрева воды. Вся конструкция переплетена трубами, выводная труба валается тут же.

Вышли из бани, осмотрелись и охнули. Мы проскочили мимо целого поселка. Ликуя бежим к строениям. В нашем распоряжении огромный барак, разделенный на спальню и столовую, слесарка, гараж, склад, туалет, почти доверху забитый пустыми консервными банками. Везде страшное запустение. Окна выбиты. Пол в бараке изрублен на дрова. Гора пустых бутылок, простреленный чайник, такая же кастрюля, две пары «жулуек» — калош, изготовленных из старых валенок, шапка, штаны, таз, четыре стула и несколько деревянных скамеек и скамеечек.

Находим «Учительскую газету» за январь 1972 года, конверт, адресованный в поселок Мякит. На штемпеле тот же год.

В конце барака маленькая светленькая комнатка. По нашим предположениям — бригадирская. В ней есть небольшая печка с толстой чугунной трубой, стол, две полки. Будем жить здесь. Возвращаемся за рюкзаками, устраиваемся, утепляем дверь. Вечером у нас самая настоящая баня. Долгая, жаркая и веселая.

11 октября.

Знаете, кто чаще всего меня пугает в тайге? Кедровка. Пока давилки наладил, пока наледь обогнул, стемнело. Бреду уставший, голодный. А до избушки еще добрый час ходу. Днем даже в самой глухой тайге чувствуешь себя нормально, а ночью и в редколесье неуютно. То лед на реке выстрелит, то глухарь из-под ног выпорхнет, то лось в тальниках паровиком ухнет.

Иду настороженный. Большой черный выворотень бездомным медведем-шатуном кажется. Мысли о разных несчастных случаях в голове. Но вот наконец пришел. Ружье на сук, лыжи в сторону, сам в избушку. Только спичкой чиркнул, а тебе прямо в лицо как шархнет! Вот уж мороз по коже прогуляется, а сердце хоть из валенка вытряхивай. Кедровка!

На лесоучастке их живет семь. Почему именно столько, а не больше и не меньше? Здесь семь помещений. Одна кедровка обрывается в слесарке, одна в гараже, одна на складе, одна в туалете, одна в бане и две в бараке. Мы думали, хоть эти парой устроились. Ах нет! Одна в столовой, одна в спальне. Поступают так птицы, конечно, неспроста. Но почему?

Сегодняшний день мы посвятили изучению распадков, распадающихся от Тайного двумя лучами. Сначала проверили тот, у которого стоит синяя будка. Распадок не особенно богатый. Есть соболек, встречается белка, на самом верху полно зайцев, бегают большой горностаи. Одного зайца мы вспугнули. Проскочили мимо, вдруг кто-то сзади ветками шумнул. Оглядываемся, а там косою на задние лапы приподнялся и смотрит, кто его потревожил. Большой, пушистый и чуть-чуть желтоватый.

Выражение «белый как снег» — неправильное. Снег голубой. Если выкопать в снегу норку и заглянуть туда, там голубизна до того яркая, что просто диву даешься. На фоне этой голубизны истинно белый заяц кажется желтоватым.

После обеда на нас напала лень. Чувствуем себя как-то необычно: привыкли к низеньким тесным избушкам с подслеповатыми окошками и жесткими нарами, а здесь прямо-таки шикарно. Почти полстены в каморке занимает окно, в котором чудом сохранились два стекла. Остальные проемы Ленья затянул полиэтиленовой пленкой, она хлопает от ветра. Обстановка, конечно же, располагает к праздности. Даже за дровами и водой идти лень. Лежим, глядя в окно и ругаем себя: до чего же трудно было нести печку, гвозди, матрац и все такое, а здесь этого добра хоть отбавляй.

Кстати, за последнее время у нас обоих развилась неукротимая жадность. Суворов говорил: «Иголка в походе фунт весит». Цену

этим фунтам мы знаем, привыкли обходиться без многих вещей. Но вот нашли обрезки валенок и рады: ночью к печке босиком гонять не нужно. Мы собрали гору посуды. В одной кастрюле вода для питья, в другой млеет суп, в третьей жареная дичь! Здесь же котелок с чаем и большая консервная банка с рисовой кашей. На полке горка алюминиевых мисок, даже большая фарфоровая тарелка с надписью «Общепит». В нашем распоряжении около десятка ложек и три вилки. А сегодня Ленья принес еще одну ложку — большую, с тремя дырками и надписью «учебная». Каждый раз, возвращаясь в каморку, тянем за собой какую-нибудь новую находку: фуфайку без рукавов, топор с треснутым обухом, пару старых цепей бензопилы, колоду для рубки мяса, связку кованых скоб, кисточку для бритвы.

Я принялся готовить ужин, а Ленья ушел наблюдать за кедровками. Сейчас он возвратился, укладывает рюкзак и злится:

— Ты можешь себе представить, снова кедрухи по отдельной квартире заняли. — Брат отрывается от рюкзака и начинает загибать пальцы: — Одна красавица в гараже, в слесарке тоже спрутка, а ведь в складе и туалете дырка на дырке, ветер гуляет, и, может, ее сестра или подруга от холода коченеет, но потесниться ради подруги не могу. Вот увидишь, они у меня доиграются. Завтра с утра все двери позакрываю. Никуда не денутся — вместе почевать будут.

12 октября.

С вечера выпала небольшая пороша, к четырем утра высыпали звезды. Ночью не нужно было топить печку, мы отлично выспались и поднялись ни свет ни заря. Ленья ушел пересчитывать своих кедровок, а я принялся за реконструкцию одежды. Показались звезды — ожидай мороза, а наше обмундирование имеет существенный недостаток. Когда идешь по тайге, спину греет свитер, пиджак, куртка да рюкзак. Живот и грудь прикрывает один свитер. Естественно, животу холодно. Чтобы согреться, застегиваешь куртку на все пуговицы, и сразу же по спине пот струйками. Ходить в сырой одежде по тайге радости мало.

На чердаке Ленья нашел кусок мехового спальника. Я решил

пришить на свитер «пузогрейки-слюнявчики». В каморке светло. Мы собрали по всему бараку свечные наплывы и изготовили пять оригинальных светильников системы «Эдисон». Они ярко горят по углам хибарки, излучая, по мнению Лени, кроме света еще и приличное количество тепла. Куски меха пришиваю шерстью наружу. Так удобней шить, и латка выглядит не столь несуразно. Леня уже примерил свитер и пришел в восторг от «хипповской» одежды, предложил все обрезки пустить на отделку штанов: хочешь — в снег садись, хочешь — на коленях у капканов работай. К восходу солнца мы одновременно походили и на Робинзона Крузо и на Эдика Тунейджкина из журнала «Крокодил».

Место под постройку жилья выбирал, видимо, опытный человек. Еще окрестная тайга купалась в сумерках, а здесь уже все залито солнечными лучами. Только теперь мы обратили внимание, что и деревья у построек почти нетронутые, и никакого хлама. Да и устроено все основательно, по-хозяйски. Возле барака стоит до половины закопанная в землю красная бочка с обрезанным верхом. У бочки две скамейки. Проволока для белья натянута в три ряда на специально вкопанных столбах с перекладинами.

И, словно делая вызов этому рачительному человеку, кто-то расстрелял прибитый к стене барака плакат «Берегите лес от пожара».

Еще с вечера мы решили к ручью не спускаться, а пройти тайгой повыше. Там поднимается хороший лес, кроме того, вдоль ручья скоро разгуляются наледи, капканы все равно придется ставить в глубине тайги.

Первое, что поразило нас, как только мы отошли от лесоучастка, это большое количество птиц. Чечетки, кукушки, чечевички, поползни, кедровки. Многие из кедровок были не местными. Известно, что кедровка с осени запасает орехи, прячет под корни деревьев, под мох и просто в ямки. Зимой она легко отыскивает скоронки даже под метровым слоем снега. Прилетит, усядется на лиственницу и минуты три-четыре сидит задумчиво, как будто вспоминает: «Где же я здесь тайничок сделала?» Потом срывается с ветки, падает в снег и начинает быстро копать, безошибочно угадывая место, где запрятаны орехи. Такой тайник могут найти и

прилетевшие издалека кедровки. Но местная отыскивает орешки с первой попытки, а прилетевшая «бьет» несколько ямок.

Паничев рассказывал, как в пзушку повадилась кедровка. Это была довольно смелая птица и, наверное, из-за своей смелости уже не раз попадала в переделки. В хвосте у нее не хватало нескольких перьев, и прыгала она как-то боком. Паничев подозревал, что правым глазом кедровка почти не видела. Птица садилась на окно, смотрела, далеко ли собака, и сейчас же перелетала в угол, где сушилась куча стланиковых шишек. Она выколачивала орешки, набивала ими расположенный под языком мешок и торопливо улетала, чтобы возвратиться минут через десять-пятнадцать. Работала с раннего утра до пяти вечера. Все восторгались ее трудолюбием. Паничев специально орешков налутил. За один раз кедровка унесла их 120 штук! Уж по всей тайге кедровки и бурундуки давно заготовки прекратили, первый снежок на землю просыпался, а она все носит. Как-то ночью мороз градусов на двадцать ударил. Выходят они утром: под лиственницей их кедровка лежит. Подняли, а она легкая, как пушинка. По всему видно, от истощения и погибла. Пожадничала.

Наш путь пересекает великое множество маленьких, еле живых ручейков. Иногда они растекаются по болоту, и тогда перед нами коварные ловушки. Я дважды провалился в воду, оба моих валенки мокрые. Леня идет сзади, читает мне мораль и обходит опасное место стороной. Но вот, оглябая болотину, в которой я всего лишь намочил одну подошву, Леня проваливается чуть ли не до колен.

Я ехидно спрашиваю, не вымочил ли брат свои хипповские броджи?

Скоро валенки промерзают и перестают гнуться. Идти очень утомительно. Да и нет особой необходимости. Мы уже имеем представление о здешней тайге. Сейчас умнее всего спуститься к Тайному и обсушиться.

Костер разжигаем у лесопогрузочной площадки. Здесь много древесных отходов, и недостатка в дровах не ощущаем.

Обсушившись и закусив, выходим на дорогу вдоль ручья. Ею сейчас пользуются лисы, зайцы, олени. Перелопачиваем их

легкие наброды, и теперь многие из зверей задумаются, прежде чем ступить на эту дорогу.

Проходим мимо двух делян. Из снега выступают широкие темные пни, кое-где сиротливо маячат тоненькие лиственнички. Только у самого ручья осталась узкая полоска нетронутых тополей и чозений. Но в ней пусто. Звери неохотно выходят на вырубki. Даже дятел, которого мы вспугнули с нависшей над самым ручьем чозении, перелетает вырубку торопливо, не вильнув ни разу в сторону и не издав ни единого крика.

Долина, по которой струится Тайный, делается все уже, более узкой становится и полоса тайги. Здесь ее ширина метров 200—250. По сравнению с предшествующими переходами сегодняшний, пожалуй, один из самых легких. Солнце, мороз. Мы полны решимости пройти километров двадцать, чтобы иметь полное представление о Тайном. Исчезли соболиные и белчиьи следы, но зато стало больше горностаевых, лисьих и заячьих. Очень много строчек-лент, оставленных куропатками.

Сопки подступают к Тайному. Одна из них заползла в самую долину и перегородила ее. Снова Тайный бросается в правую сторону и струится в глубоком каньоне. Снова крутые обрывистые скалы и следы горностаев под ними.

А за скалами широкая долина от края до края покрыта буйным тальником. Только у самого подножия сопки маячат редкий лесок. Сейчас же поднимаем куропаток. Птицы, их около сотни, белой метелицей описали широкий полукруг, подались куда-то в сопки. Проходим с полкилометра — и снова предупредительный крик старого куропача и шум крыльев взлетающей стаи. Некоторые птицы не желают подчиниться воле вожака и остаются на месте. На индивидуалистов можно поохотиться. Нужно только зашипеть на Бумку, остановиться и тихонько постоять минут пять-шесть. «Оппозиционеры» выдают себя тихоньким «кок-кок» или начинают двигаться.

Мы уже добыли трех, оципали и присматриваем место, где можно остановиться. Решаем свернуть к подножию сопки, там у полоски лиственниц можно будет устроить привал. Уже у самых деревьев переправляемся через любопытный ключик. Русло изви-

листое, дно неровное, родники песок выбивают, kloкочут. Там, где совсем мелко, из воды торчат камни и острые кочки. На каждом целая копна снега наподобие песчовой шапки-магаданки или гриба-гиганта. Вода в ключике ленивая и водоросли не длиннее мышинного хвоста. За тальником вода уже остывает, и там, где поглубже, над ключиком целые мостики провисли. Лед зеленый, сосульки хрустальные со всевозможными пережимами. Ледок тоненький, не толще ученической тетради. Лёня в одном месте снял пластину и смотрит, как через стекло.

Здесь островки пошире, некоторые размером с кухонный стол. Я заглядываю в воду, стараюсь отыскать хоть какую-нибудь живность, а Лёня уже перебрался на другой берег и рубит сухую лиственницу. В ручье я ничего не обнаружил, а вот на одном из островков увидел великое множество горностаевых следов. Лёня говорит:

— Наверное, под снегом какая-нибудь дичь.

— А где же подход? Я с обеих сторон обследовал. Ни входа, ни выхода нет.

— Ты не мог его затоптать? Давай внимательней посмотрим. Я сейчас на тот берег переберусь.

Прошли метров тридцать вверх по ключику и нашли всего один след, ведущий к воде. Там русло двумя ледяными мостиками перехвачено. Возле такого «моста» слово громко скажи — обрушится, а горностаи по нему хотел в тальники перебраться. Вот и допрыгался, пока переправу разрушил, вода унесла льдинку с горностаем к острову. Представляю, как он плыл. Потерпи минуту-другую, льдинку к берегу прибило бы обязательно и беги-гуляй. Так нет, решил на остров высадиться.

От сваленной Лёней лиственницы отрубили вершину, сбили с нее все ветки и потянули к ключику. На островок класть бревно побоялись, а перекинули с берега на берег, иначе этого бродягу придавить можно.

Я бревно придерживаю, а Лёня на середину его ступил и осторожно на островок перебрался. Стоит, под ноги смотрит, потом наклонился, рукавицей раз-другой кокнул и отдернул руку:

— Вот он! На меня крысится.

— Бери за шиворот и тащи. Только не покалечь.

Леня шапку с головы сдернул, зачерпнул добычу вместе со снегом и на берег.

Горностайчик оказался еще меньшим, чем мы предполагали. На передних лапках и хвостике у него снег заledenел, сам он от холода дрожит, белая шкурка в каких-то конвульсиях дергается. А гляди, зубы показывает.

— Куда его? — спрашивает Леня. — А то у меня без шапки уши мерзнут.

В рюкзаке у Лени верхонки — брезентовые рукавицы. Те, которые мой четырехлетний сын Илюша надевать любит. Сунет в них ручонки, поднимет над головой и заявляет с гордостью:

— Я рабочий.

Посадили мы в рукавицу горностайчика, кое-как завязали и сунули мне за пазуху.

Дальше долина Тайного разделяется на три рукава. По какому-то из них можно выйти на трассу. Распадки пустые, только редкий кустарник да пни старых порубок. Прямо против нас сопка с геодезическим знаком. Паничев говорил, что, если обогнуть ее, выйдешь в другую долину. По ней можно добраться до Лакланды. Но мы пока рисковать не хотим. Нужно будет попробовать выйти к этой сопке от той избушки, у которой мы оставили плот «Одинокая гармония». Если все сойдется, у нас будет прекрасный кольцевой путь.

К избушке пришли в сумерках. Горностай обсох и пошустрел. Мы принесли из склада пустой ящик, набросали в него кусочков рыбы, плотно накрыли листом фанеры. Ел ли он наше угощение, не знаю, мы сразу же постановили горностая не тревожить, выставили Бумку за дверь, а ящик затолкали под кровать. Леня с помощью фонарика и специально изготовленного сачка выловил всех кедровок и переселил в гараж.

— Раза два насильно их сведу, а потом ты их водой не разольешь, — заявил он и придавил дверь гаража толстым ломом.

После ужина мы долго пилили дрова, готовили завтрак, укладывали рюкзаки. Я забрался на кровать и принялся заполнять дневник, а Леня ушел к Тайному по воду. Его долго не было, я да-

же тревожиться стал. Вдруг он прибегает взволнованный и с порога кричит:

— Давай одевайся галопом, я тебе такое покажу, с ума сойти можно.

Я куртку на плечи и за братом. Он меня привел к гаражу и шипит:

— Ты осторожно...

Убрали лом и аккуратно приоткрыли дверь. Луч фонарика скользнул по закопченным бревнам и остановился на ярко-красном противопожарном щите.

И правда диво-дивное! На крюках, предназначенных для разного инструмента, сидели все семь кедровок. И что интересно: расположились они только на крайних крюках. Посередке остались свободные четыре крюка. И еще: все кедровки сидели хвостами друг к другу...

Ночью я проснулся. Горностай каким-то образом выбрался из ящика, устроился возле двери и сидел, сунувшись мордашкой в пней. Услышав скрип кровати, он в несколько прыжков оказался под столом и притих. Белка или заяц прыгают, словно их пружина выстреливает. А этот переливается в прыжке. Пока я дрова в печку подкладывал, проснулся Леня и попросил подать воды. Я его напоил, а потом о горностайчике рассказал. Как он у двери сидел и воздухом из тайги дышал.

— Давай-ка отпустим его, — предложил Леня.

Приоткрыли дверь, потушили светильник и стали ждать, когда же горностай на волю убежит. Ночь лунная, в избушке достаточно светло. Лежали-лежали, а горностай не появляется. Прохладно стало, да и спать пора. Леня не выдержал, засветил фонарик, давай горностая высматривать и вдруг кричит:

— Ты представляешь, он уже давно удрал.

12 октября.

К нам едут машины. Мы видим две пары фар, слышим тонкое завывание двигателей. Леня стоит у самой воды и торопливо курит. У него вид человека, стоящего у подножки вагона перед самым отправлением поезда.

Наконец фары осветили верхушки стоящих за нами деревьев, обрывистый берег над ручьем, полосу лучами по вспыхнувшей серебром воде. Машины пакатывают на нас, тихнут моторы, и в свете фар выплывает человек. Высокий и блестящий.

— Эй! — кричит он. — А вы почему это без ружьев по тайге пастаете?

— А какой враг в гастроном с ружьем ходит? — делая удивленное лицо, спрашивает Ленья.

— Айда в кабину, а то здесь колотун.

Лезем в высокую кабину «Кальмара». Там светло, чисто. Подрагивают стрелки приборов, дергается подвешенный на питочку чертик, улыбаются импортные красавицы. В кабину протискиваются еще два парня. Знакомимся. Они ощупывают Ленино одеяние, приходят в восторг.

— Это он под медведя работает, — заявляет один.

— Не под медведя, а под бараца, — поправляют его. — Шкура-то овечья. Хотите чаю? У нас в термосе остался.

— А этот, — показывают на меня, — волков на живца ловит.

Сегодня впервые я пожалел, что не курю. Ленья и высокий кальмарист угощают друг друга папиросами, у них уже какой-то общий интерес.

— Мы б уже давно здесь были, — говорит он Лене. — Там, на перевале, у нас два вагончика и будка. Пока вагончики вывозили, так задудло, что пришлось бульдозером тоннель пробивать. А потом у меня турбонадув забарахлил. Снова день потеряли.

Ленья спрашивает его о брошенных штабелях леса. Парень слушает, кивает головой:

— Там их четыре было. Мы уже два вывезли. Это не мы заготавливали, а промкомбинатовские. Еще деньги с нас взять хотели.

Приехали они за цистерной под горючее. Она, оказывается, в конце деляны стоит. Кроме того, им нужно забрать тракторные гусеницы, трансформатор и всякую мелочь. Прибыли они на двух тракторах, к которым прицеплены просторные площадки. На одной из площадок рокочет бульдозер. Без бульдозера им цистерну не погрузить. Сами они с приска, в восьмидесяти километрах от-

сюда, и если мы хотим, можем ехать с ними. Мы очень хотим. Оттуда до нашего поселка рукой подать.

Подъезжаем к лесоучастку, демонстрируем воспитанниц — кедров и гурьбой направляемся к барачу. Нам хорошо...

* * *

20 октября.

КраЗ высадил нас у поворота на Ульбукские озера. Стоим напротив узкого ущелья, через которое нужно проложить тропу к лесоучастку. Паничев предполагает, что до него около пятидесяти километров. Поселковый охотник Лешка Попов думал в этих краях охотиться и даже построил чум. Лешка спускался по ущелью километров на пятнадцать, дальше его не пустила наледь. И Паничев и Попов утверждают, что там, где Тайный сливается с ручьем Ульбукой, есть пзбушка. Еще в пятидесятые годы поселковые бельчатники спускались к Лакланде по этому распадку.

Еды у нас на три дня. Саша Зотов подбросит на «Кресты» через два-три дня масло, сушеную картошку, хлеб, конфеты, медвежьеросомаши канканы номер восемь, два топора, печку с трубами и прочую мелочь.

Довольно морозно. К тому же тянет встречный ветерок. Но мы в ватных брюках, свитерах с высокими горловинами и новых валенках. До рассвета еще около двух часов.

Надеваем рюкзаки, проходим несколько метров по заснеженному ущелью и ужасаемся. Снегу по колено, притом этот снег не простой, а слоеный. На Лакланде почти весь сентябрьский снег растаял, а здесь он только просел, покрылся жесткой коркой. В некоторых местах он выдерживает человека, но чаще проваливаемся.

Сначала наша тропа напоминала след мышькующей лисицы. То идем серединой ущелья, то карабкаемся на подножие склона справа, а через некоторое время наши следы на левом склоне. Скалы сопок крутые, и летом удержаться на них было бы невозможно, но сейчас валенки накрепко застревают в глубоком снегу.

Как только забрезжил рассвет, объявляем основательный привал. Попадали в снег и лежим. Промахнулись мы не только с лыжами, но и с одеждой. В ватных брюках идти жарковато.

Я поднимаюсь и начинаю ощипывать тонкие веточки с ближней сухостойны. Лёня, вместо того чтобы помогать мне, вытаскивает завернутые в пакет гвозди. Отсчитал сто штук, спрятал в рюкзак. Остальные перевязал шпагатом и повесил на лиственницу. Скоро туда же перекочевала половина капканов, лопата и пять журналов «Вокруг света».

Пока возились с завтраком, чаевничали, взошло солнце.

Укладываем рюкзаки, вырезаем палки и карабкаемся на сопку. На высоте полусотни метров ветер начисто выдул снег с крутых боков, обнажив тонкий слой ягеля и островки мелких камней.

По выдувам легче идти, хотя падаем через каждые пять-десять шагов. Все чаще и чаще встречаются кусты стланника. За узкой лощиной натыкаемся на россыпь белчих следов, по склону широкой лентой они уходят к полосе леса под нами. Недолго думая, забуриваемся в снег и катим вниз. Бумка плетется сзади. Она успела оценить более удобный путь и сейчас покидает его без особого азарта.

Добрались до первых деревьев — долгожданная встреча. На невысокой лиственничке зафыркала, засучила лапками седая белка. В договоре, который мы заключили с Аткинской торговой конторой, сказано: «Обязуемся заготовить и сдать: соболь — 20 штук, белка — 50 штук, лиса — 2 штуки и т. д.». 20 октября открытие пушного сезона, и эта белка — первая наша добыча. С полем!

Здесь очень много белок-летяг. Каждый раз, когда я встречаю летягу, мне кажется, что передо мною живая игрушка. Она чем-то напоминает Чебурашку. Такая же глазастая, ушастая и очень ласковая с виду. Кормится летяга обычно в сумерках, но бывает и так: идешь среди бела дня тайгой и вдруг слышишь «хрум-хрум-хрум». Поднимаешь голову, а в лицо кусочки коры и лиственничные веточки сыпятся.

Обыкновенная белка — животное очень чистоплотное. Как только в гнезде заведутся блохи, она надолго покидает жилище. Переносит и детей. Летяга особой аккуратностью не отличается. Я часто нахожу гнезда летяг в дуплах. От дупла тянутся многочисленные натеки желтоватого помета. Конечно, если летяга ведет себя так же и в белчьем гнезде, то хозяйке приходится уби-

раться подальше. А ведь молва утверждает, что летяга ест белок.

Через полчаса мы приблизились к длинному озеру. Вода в нем упала на целый метр, образовав по кромке почти отвесную стену. Пробуем лед палками, ударами ног, топором. От топора лед кричит и раскатывает глухое эхо. Идти по озеру сплошное удовольствие. Полуторакилометровое расстояние проскакиваем, как на вороных. Сразу за озером мысок, на котором несколько толстых деревьев. Рядом с одним темнеет медвежья ловушка. Она несколько отличается от той ловушки на Лакланде, но тоже с узким входом и настороженной тросовой петлей. В ловушку ведут свежие лисьи следы. Вокруг валяются комки смерзшейся ржавой селедки. Кто-то закармливал ловушку основательно. Настораживаем в проходе два капкана.

Перед нами другое озеро, но по нему гуляет наледь, приходится лезть на сопку. Озеро длинное и гладкое, словно отутюженное. Наледи почти не видно, она прячется под снегом. Этой ночью озером прогуливался заяц, дважды проследовала лиса. В следах темнеет ледок. Значит, вода прорвалась наружу совсем недавно.

Неожиданно Бумка, до этого неотступно следовавшая за Лёней, спустилась к озеру и спокойно затрусила по самой его середине.

— Все-таки собака — это вещь! Нужно же заметить, где под снегом вода, а где лед! — восторгаемся мы и, пропахав приличную борозду, скатываемся на лед.

На середине озера вздымается небольшой черный холмик, к нему ведет масса следов. Бумка уже там. Бегаёт, нюхает, что-то выгребает лапой. Это вмерзшая в лед гагара. Вокруг валяются черные и пестрые перья. Лисы, горностаи, кедровки уже наполовину съели гагару, остальное забрала наледь. В таком месте неплохо было бы поставить капканы, но скоро вода подступит сюда.

За вторым озером в Ульбукское ущелье спускается покрытый лиственницами распадок. Это первый, встреченный нами на десятикилометровом пути, в котором может водиться дичь. В предыдущих можно было видеть редкий ольховник, пригодный разве что для зайцев...

Наш костер у самого ручья. Здесь же темнеет большое остро-

верхое сооружение. По-видимому, это и есть чум Лешки Попова. Он напоминает курень, в котором на Украине живут пенсионеры, охраняющие бахчу. Трудно представить, как в нем можно заночевать даже в двадцатиградусный мороз.

Леня добыл белку. Теперь у нас три штуки. Все белки хорошо высушили и отливают серебром.

Пообедали, с полчаса отдохнули. На входе в шалаш повесили пакетик. В нем спички, соль, немного сухарей. Еды нужно бы оставить больше, но... самим придется туго. Я готовил мешки, которые Саша Зотов должен был отправить на «Кресты», а продуктами занимался Леня. И вот уже со второго привала начали экономить сладкое. Такое же положение с хлебом и салом. Только папирос море. Да еще Леня прихватил с собой в тайгу два зеркала. Он расцарапал щеку и теперь страдает с удобствами — через каждые пять минут вынимает зеркальце и смотрит.

Примерно в полукilометре от чума Лешки Попова тайга резко обрывается. Перед нами широкий распадок, покрытый низкорослыми кустиками. То там то сям над долиной поднимается легкий пар. Это гуляют наледи. Почти на середине долины приметная складка. Кое-где ветер согнал с нее снег, обнажив россыпь мелких камушков. Прощупывая дорогу палками, рискуя каждое мгновение оказаться в воде, выбираемся на складку. Просматриваем распадок с возвышенности. Это старая вырубка. Лес заготавливали летом, отчего все пеньки низкие, и только некоторые выглядывают из-под снега. Ручья нигде не видно. Он ушел под землю и выныривает аж за теми далекими лиственницами, что чудом остались среди вырубки. Сразу же за выходом ручей разлился по всей долине. Слабый мороз не может справиться с водой. Под нами пока сухо. Но наледь уже подступила к самой складке и в двух местах перерезала ее. Нужно перебираться на сопку. Висматриваем подходящее место и некоторое время идем посуху. Я шагаю впереди, Леня чуть сзади. Еще с полсотни метров, и мы вырвемся на сопку.

— Осторожно, вода! — вдруг кричит Леня и шарахается назад.

Поворачиваюсь и вижу, что мои следы быстро набухают. Длинными прыжками мчусь обратно и только теперь слышу, как мокрый слег маслом расплзается под валенками.

Страшно трет ноги. Вода по ватным брюкам поднялась до самого паха, и жесткая ткань сдирает кожу. У Лени носки сошлись в комок, и он хромает. Останавливаемся. Леня снимает валенок, отжимает и расправляет носки. Ступни и пальцы сморщились и почернели.

— Линяют, враги, — говорят Леня, шевелит зудящими пальцами и начинает обуваться.

Уже совсем темно. Идем, заботясь только о том, как бы не прозевать место слияния Ульбуки и Тайного. По нашим расчетам, это произойдет у правого края долины. Мы все время стараемся забирать вправо. Фонарик выхватывает мелкие кустики, редкие пни, дымящиеся полоски воды. Навстречу тянет студенным ветром. Жутко даже представить, что придется ночевать у костра. Бумка бредет за нами и тихонько поскуливает.

Наконец в одиннадцать часов вечера упираемся в узкий ручей. Оставляю Леню и иду навстречу течению. Кажется, все правильно. Ручей бежит поперек долины, и на фоне неба просматривается распадок, из которого он вытекает.

Возвращаюсь, и мы уже вдвоем идем вниз по Тайному. Нигде никаких строений не видно. Вскоре подходим к месту слияния ручьев, там расходимся, делаем круги по долине, но все безуспешно. Леня натывается на группу деревьев, ложится под ними прямо в снег. Что же, придется здесь ночевать. Но нужно еще немного поискать. Загораживаю Леню от ветра рюкзаком и печкой, еле представляю ноги, снова отправляюсь вдоль ручья. Стараюсь держать метрах в тридцати от русла. Прохожу с полкилометра и вдруг замечаю что-то темное. Кажется, и правда какое-то сооружение. Так и есть! Полуразрушенная изба, вернее, барак.

Посреди барака, на месте бывшей печки, зажигаем костер и пристраиваем над ним котелок, набитый снегом. Ветер разгулялся вовсю, свистит в щелях барака и полощет языки пламени. Нам он уже не страшен. Есть дрова, есть защита от ветра и мороза, скоро будет и жилье. В углу барака расчищаем площадку метр семьдесят на два сорок. Будем сооружать совсем маленькую комнату с одним окошечком и узкой дверью. Изготавливаем мерку, перебираемся к поваленной стенке и приступаем к первому бревну.

В это время из-за туч продралась тонкая луна, с натугой осветила сопки, долину, какое-то маленькое сооружение у самого ручья. По-сылаю к нему Ленью, сам иду к костру и готовлю ужин. Попутно помогаю Бумке очистить лапы ото льда, делаю ей постель рядом с костром.

Лени долго не было. Уже закипела вода в котелке, и я принялся искать заварку, вдруг слышу:

— Ты что, глухой? Ура! Готовую избушку имеем. Полчаса работы, и спим.

Тороплюсь к ручью. И правда, избушка в самый раз. С печкой, дверью, нарами и массой дыр. Правда, печка в некоторых местах прогорела насквозь, труба коротковата, но мы не с пустыми руками пришли. Меняем печку, устанавливаем трубу, разводим огонь. Теперь ветер старается в нашу пользу. Через десять минут бока печки раскалились добела.

Мы конопатим дыры, а Бумка сидит у печки и клует носом.

— Умаялась, бедная,— жалеет ее Ленья.

21 октября.

Среди ночи кончились дрова. Хочется есть. Но еду приходится экономить. Поднимаюсь и начинаю готовить жаркое из белок.

Разбираю потрошки, разрезаю беличьи желудочки и выкладываю заполнившую их белую кашу в крышку от котелка. Это перетертые в муку ореховые ядрышки. Впервые меня угощали ими в Архангельской области на реке Мезень. Поджаренная каша издает тонкий и очень аппетитный аромат. В найденной под нарами банке из-под кабачковой икры варю тонкие кишочки для Бумки. Собака стоит возле печки и следит за каждым моим движением.

По вкусу беличье мясо значительно уступает зайчатине. Но мясо есть мясо, и мы втроем с азартом наваливаемся на еду...

Утро наступило яркое, веселое. Проснувшись, вижу, как ножи солнечных лучиков, прорвавшись сквозь щели между бревен, зайчиками расселись на полу и закопченных стенах. Слышу, как у самой стены посвистывает оляпка и скрипит кедровка.

Наша избушка стоит в кольце заснеженных сопки, как в огромной фарфоровой чаше.

...На завтрак у нас суп из кедровок. Суп пахнет стлаником, да и мясо жестковатое. А может, мы его просто недоварили?

Куропаток мы так и не настреляли. Идем по долине, гоним табун куропаток и ни единой не добыли. Вожак у них, наверное, не только опытный, но и авторитетный. Никаких «оппозиционеров».

Ленья недоумевает, почему здесь их так много.

— Потому, что здесь нет соболя,— объясняю ему.

— Ты что,— возмущается брат,— разве соболь столько ловит?

— А сколько куропаток может поймать за месяц соболь? — спрашиваю я в ответ.— Две-три. Это не так много. Но если даже так, за год получается около тридцати.

Охотовед Игорь Зайцев сам говорил, что в Колымском бассейне более десяти тысяч соболей. Получается, куропатки ежегодно платят соболям колоссальную дань — триста тысяч штук! Не многовато ли? А лисы, рыси, горностаи, совы, россомахи, пожары, всякие болезни? Охотники, наконец! Общий баланс, как видим, не в пользу куропаток. И вот доказательство: в этой долине соболя нет, других врагов тоже мало, лоси и зайцы почти не встречаются — куропатки и размножились. Но объедят куропатки все тальники и гибнуть начнут. Не останется ни тальников, ни куропаток.

Идти все легче. Главное, не жарко. Ватные брюки в рюкзаках. Мы щеголяем в новехоньких джинсах «Мэйд ин баня». Избушка, в которой мы останавливались, когда-то была баней. Этим и объясняется ее близость к ручью. За баней мы откопали развалившийся навес, покрытый выгоревшим под солнцем брезентом. Затянули его в баню-избушку, расправили на полу. Ленья лег на брезент, я обрисовал нижнюю часть его тела древесным углем, и выкройка готова. Вырезай два одинаковых куска и сшивай. Кроили с запасом, получилось немного несурзано, но зато теперь мы живем! Шагаешь, а брезентовые штанины друг о дружку фить-фить-фить. Марш наигрывают.

Часа в три минули остов сгоревшей избушки. Скоро тянущиеся олева сопки начали проседать, и на одной из седловин открылся небольшой лесок. Под леском просматривается какой-то квадратик. Неужели это будка, о которой говорили старатели с «Гор-

ного»? Напрямик до нее километра два. Но карабкаться на сопку нет сил, и мы подаемся в обход. А здесь еще эта наледь. Уже с полчаса идем по ней. Наледь старая. Кое-где вздымаются бугры, и из отверстий этих бугров выплескивается вода, не хочет пропустить нас к седловине. Но наконец мы за наледью и, ныряя в снег по колено, направляемся вверх. Теперь хорошо видно, что под деревьями и вправду стоит будка. Доберемся, перекусим и — к лесоучастку. В бараке у нас море еды, так что за НЗ можно братья хоть сейчас. Настроение поднялось. Даже Бумка вырвалась вперед и заторопилась к перевалу. Подъем стал круче, потом неожиданно выровнялся, и мы оказались на узкой терраске. Пересекаем глубоко пропаханную в снегу борозду. Можно подумать, что тянули бревно. Это прошла выдра. След не такой давний. Но взволновало нас не это. Удивительным было то, что выдра прошла по одному и тому же следу много раз.

Неожиданно Бумка остановилась, посмотрела в нашу сторону и исчезла из поля зрения. Мы бросились ее искать и обнаружили дорогу. Бульдозер пробил ее в полутораметровом заносе, промяв и раздвинув тысячи кубометров снега. Спрыгиваем на дорогу, устраиваем на ней танцы в сопровождении песен.

Сегодня по дороге в сторону лесоучастка кто-то проехал на «Кальмаре». Вчера вечером выпала пороша, отпечатки протекторов совершенно чистые.

Здесь затишье, недалеко валяется два раздавленных ящика и кусок доски. Я предлагаю устроить привал. Пока возился с костром, Леня ходил по дороге и изучал следы выдры.

— Ну и дорогу пробили эти бульдозеристы,— рассказывал он.— В обход ложбины пошли и чуть ли сами себе навстречу не выехали. Выдра влетела на дорогу и, наверное, подночи гоняла по кругу. Бежит, бежит, потом там, где тупик, на целину вылезает и каким-то образом снова на дороге оказывается. Ты иди посмотри, может, я что-то неправильно понимаю?

— Садись, ешь. Перекусишь, и сходим. Попутно глухарей поглядим. Кальмаристы говорили, что они здесь каждый раз глухаря поднимают. Здоровый. Там речушка какая-то и обрыв. Под обрывом у глухарей порхалище, где они камушки собирают.

Съедаем все. На ужин оставили по одному сухарю и два кусочка сахара.

23 октября.

В прошлом году мой сосед Сапа Фалькович поймал капканами 11 соболей, 60 горностаев, 9 белок. С ружьем он добыл 27 белок, 5 зайцев и два десятка куропаток.

Но ружьям слава и почет. Фирмы, выпускающие их, известны всякому мало-мальски грамотному охотнику: «Ремингтон», «Меркель», «Винчестер», «Шегрен», «Браунинг»... И часто в кругу товарищей где-нибудь у Щучьего озера или Лосиной пади они с величайшим наслаждением жонглируют словами: «Фронстон», «Саведж», «Голанд-Голанд», «Джейм-Пердей», «Зимсон», «Зауэр», «Динами-Нобель», «Франчи»... Правда, об отечественных ружьях многие «знатоки» почему-то умалчивают. Но я уверен, что где-нибудь в Швейцарии или Франции охотники с петушиными перьями на шляпах с таким же удовольствием потрясают слушателей, произнося мудреные слова: «ижевка» или «тулка». О ружьях слагают легенды, стихи, песни. И, наконец, хорошее ружье стоит сумасшедшие деньги.

Теперь возьмем капкан. Помню советование директора скромного заводика, которого заставили делать капканы, а потом раскритиковали за низкое их качество. И вот этот директор прислал журналу «Охота» две фотографии. На одной капкан в сборе и его детали: дуги, основание, тарелочка, крестовина, пружина, сторожок, рычаг насторожки, вертлюг. На другой фотографии ложка, с помощью которой надевают обувь. Стоимость ложки 27 копеек, капкана — 32. И вот директор завода спрашивает, есть ли резон выпускать ему капканы, коль можно выпускать ложечки.

Мы с Леной разобрали и отремонтировали 400 капканов. Штук 50 отошло в безнадежный брак. Более того, мы не уверены, что при 40—50-градусном морозе пружины остальных капканов не начнут рассыпаться. Сколько искалеченных зверей уходит и гибнет без толку! То вертлюг слабый, то капкан от собственного удара разорвался на части, то дужка вывалилась и выпустила зверя с искалеченной ногой. Урон не только моральный, но и материаль-

ный. За потерянную пушнину можно содержать целое конструкторское бюро...

Идем вниз по Тайному и ставим капканы. Первый же шалашик обрадовал. К нему дважды приходил соболь, съел приманку, застолбил добычливое место кучкой помета и пятнышком мочи. Соболь матерый, след крупный, глубокий. На входе в шалашик копаем ямку, выстилаем ее салфеткой и ставим настороженный капкан. В пружину закладываем гнилушку. Сжатая пружина постоянно вибрирует, и это явление может насторожить соболя. На капкан кладем салфетку и засыпаем ее соскобленным с вершины сугроба снегом. Такой снег мы называем сухим, потому что он не смерзается. Остается тщательно загладить все наши следы и разбросать приманку.

Обычно все это делаю я. Лёня на посылках. Подает лопатку, салфетки, вырубает потаск, гоняет Бумку, дает советы и указания.

Второй шалашик не привлек пока никого, кроме кедровок, а третий... Возле третьего сегодня гостила россомаха. Она спустилась с правобережных сопков, увидела шалашик, остановилась и долго рассматривала наше сооружение на расстоянии, не стала испытывать судьбу, а повернулась и затрусилась вниз по Тайному.

Заметив следующий шалашик, она потопталась в десяти шагах, сделала круг, другой и только тогда приблизилась к приманке. Мясо из шалашика она выкатила лапой и съела, не оставив ни крошки.

Пробитую нами тропу уже занесло снегом, но россомаха, уловив связь между шалашиками, приманкой и нашими следами, не сходила с тропы и на шаг. Возле следующего шалашика задержалась совсем немного, проглотила хариусков, обследовала то место, где Лёня рубил сухостойны для шалашика, зачем-то покопалась под пнем... К шестому шалашику подошла не по нашим следам, а прошмыгнула через кусты. Мы восторгаемся сообразительностью зверя и одновременно проклинаям тот день и час, когда его вынесло на наш путик.

Однажды россомахи в течение двух месяцев выживалт меня с отличного путика. Я потерял два десятка капканов, трех соболей, полтора десятка горностаев и несколько белок. Россомахи со своей

стороны недосчитались трех самых отъявленных грабителей, ослабевшего в капкане крупного самца съели сами. И все же я был вынужден в разгар охотничьего сезона перебираться в другие места.

Приманку в следующем шалашике съели соболи. А вот в восьмом приманка осталась целой. Мы обрадовались, подумав, что россомаха решила оставить нас в покое. Почему же тогда она дважды обогнула наше сооружение и даже какое-то время сидела напротив входа? Приседаю, смотрю в шалашик. Ясенько: одну из чурок Лёня прикрутил проволокой и оставшийся длинный конец загнул вовнутрь.

Рядом с тем завалом, где мы в прошлый раз устраивали ночевку, россомаха залегла на отдых.

Нужно что-то предпринимать. Километрах в четырех отсюда скала и то место, где гряда отжимает Тайный к самим сопкам. Там тропа делает огромное кольцо, и если пойти напрямик, то можно выйти россомахе прямо в лоб.

Отдаю Лёне свой рюкзак, куртку, прямо на пиджак надеваю сшитый из старого пододеяльника балахон, забираю свитер брата, предупреждаю, чтобы он сначала посидел минут пятнадцать, потом уже шел вдоль путика.

Хотя двигаюсь довольно ходко, мне кажется, что россомаха уже недосыгаема. Спускаюсь в гряды, обхожу глубокую канаву, прорытую талой водой, и неожиданно для себя выскакиваю на берег Тайного.

У самой воды лежит вывороченная с корнями лиственница. Огромные корни торчат в стороны наподобие морской звезды. Чуть ниже сплетение тонких корешков. Между ними сбилась торф, напшигованный мелкими камушками. Роюсь в карманах, отыскиваю невесть как попавший туда гвоздь на сто пятьдесят миллиметров и проковыриваю амбразуру, ставлю туда ружье. У чозений какое-то движение.

Россомаха! Спокойно, словно собака вдоль деревенской улицы, сгорбив спину и низко наклонив голову, трусит по нашим следам. Вот так же спокойно и уверенно она сутками будет гоняться за стельной оленухой или лосихой. Выносливости россомахи может

позавидовать любой зверь, а в злобности и хитрости перед нею бледнеют и волк и лиса. Неделю будет ходить даже за таким, казалось бы, непобедимым хищником, как рысь, и забирать ее добычу. А при удобном случае убьет и съест саму преследуемую. Собаки могут брать кабана-секача, медведя, даже тигра, но перед росомахой, перед ее зловонной жидкостью они пасуют.

Росомаха уже ближе чем в сотне метров. Я уже вижу светлый круг на ее спине, могу разглядеть короткие лапы и тупую медвежью морду с маленькими круглыми ушками.

Откуда взялся этот куст на берегу Тайного? Росомаха скрывается за ним. Я вижу только заднюю ее ногу и хвост.

Проходит минут десять. Я уже начал приподниматься, и вдруг она вынырнула из-за прикрытия и устремилась к деревьям. Не помню, как и прицелился, как стрельнул картечью. Росомаха падает, щелкает второй выстрел, и она, словно подхлестнутая, взмывается и исчезает за деревьями. Патроны зажаты в кулаке. На бегу перезаряжаю ружье и мчусь наперерез. Но не успеваю.

След тянется в сторону гряды. На снегу кровь. Росомаха скачет на трех лапах. Знаю ее выносливость, но мчусь по следу. Добежав до гряды, росомаха повернула в ту сторону, где Тайный пробивается через каньон. Скорее бы подошел Ленья. Впереди гремит выстрел, раздается Бумкин лай. Все отлично. Ленья подоспел вовремя, так что все идет по плану.

Росомаха продолжает уходить вдоль ручья. Перед нами крутая сопка, острые скалы. Огибаем обрывистый выступ и видим росомаху. Она тоже заметила нас, прыгая на трех лапах, метнулась к сопке и стала продираться наверх. Надо не пустить зверя к верховьям Тайного. Рядом неплохой подъем, и можно выйти росомахе наперерез. Посылаю туда Леню. А сам взбираюсь на сопку по следу. Далее след заворачивает и тянется поперек сопки. Пробежав с полкилометра, останавливаюсь и пишу на снегу: «Ленья, иди в землянку!»

Росомаха движется медленнее, пробовала залечь, но, услышав меня, поднимается. Гонка продолжается уже часа полтора. Впереди спуск, густая тайга и какой-то ручеек. Росомаха поворачивает на север и движется параллельно ручью. Небольшой поворот, те-

ряю ее из виду. Может, снова заляжет? Нет, воп она, в сотне метров. Простым зарядом не достать. Приседаю, достаю из нагрудного кармана два малокалиберных патрончика, разряжаю их и, ссыпав порох в одну гильзу, вставляю пулю на место.

Целью долго и тщательно. Выстрел звучит непривычно хлестко. Росомаха метнулась и исчезла. Пробую перезарядить ружье, но ничего не получается. Двойная доза пороха разорвала патрончик, и половинка гильзы осталась в стволе. Смотрю, на месте ли патрон с картечью, и новая неприятность. Что-то заело, и ружье не запирается. Росомаха вот она, внизу, крутится на месте, щелкает белыми клыками, брызжет желтой пеной. Ложусь на живот и, притормаживая руками, качусь к ней. По дороге валенок зацепился за крепкий корешок, меня развернуло вниз головой. Падаю, тут же отскакиваю от росомахи. Но она уже затихла. Привожу ружье в порядок, взваливаю на себя трофей и отправляюсь домой.

Стемнело, когда я вышел на огромную наледь. Бросаю росомаху на лед и тяну за хвост. Наледь кончается, и снова тайга, тайга, тайга. Чтобы не потерять направление, намечаю впереди яркую голубую звездочку. Раза четыре присаживался отдыхать, но холод дает себя знать, приходится подниматься.

Впереди что-то затемнело. Кажется, избушка? Но почему не светится окно? Становится немного не по себе. Бегу. Открываю дверь. Пусто, холодно, темно. Стреляю три раза вверх, слушаю. Может, Ленья проскочил землянку и ушел к базе? Бегу к ручью, осматриваю оба берега до самых скал. Никаких следов, кроме досинных. Снова стреляю, кричу и бегом в избушку. Дрова, щепки, спички — все на месте. Разжигаю печку, ставлю кастрюлю со снегом, беру топор и снова к ручью. Рублю тонкие лесины и перегородки оба берега Тайного. Из жердей и веток выкладываю две огромные стрелы и пишу одно слово: «землянка».

Возвращаюсь в избушку. Съедаю кусочек сала, выпиваю с литр чая. Теперь мне нужен фонарик. Беру пустую консервную банку, прорезаю в ней щель, вставляю свечу, приделываю к банке проволочную дужку. Осталось забить печку сырыми дровами, на край ее пристроить кастрюлю со снегом. Набираю в карман коротких свечей, беру еще один коробок спичек, поплотнее закрываю

дверь. Пламя свечи пляшет, полоска света мечется по заснеженной тайге, выхватывая то закутанную инеем лиственничку, то куст шиповника. Иду быстро. Время от времени останавливаюсь и кричу:

— Лёня-а-а! А-го-го-о!

Куда же он мог подеваться? Сорвался со скалы? Подвернул ногу и сидит где-нибудь у костра? Стараюсь утешить себя, но на душе тревожно. Недавно вдоль Тайного прошло стадо оленей. Измолили весь берег так, что Лёнин след можно прозевать.

В полночь я был уже у березовой рощи, а через полчаса у той скалы, где мы разошлись с Лёней. Зажигаю третью свечу. Подниматься здесь нетрудно. Даже сейчас я забрался наверх минут за десять. Лёнин след пересекся с моим и росомашьим. Лёня даже не остановился, зашагал вдоль сопки параллельно Тайному, примерно в полукилometре от него.

Я уже потерял счет времени и расстоянию. Иду и иду. Кончится свеча, зажигаю другую. Вот на небольшом болоте след Лёни стал кружить. Неожиданно впереди открылась какая-то темная поляна. Наледь! Та самая, которую я пересек вечером. Только я шел поперек, а Лёня вдоль. Вот почему я не увидел его след: брат ушел на базу. Становится очень обидно и сразу же накатывает страшная усталость. Еле бреду к землянке.

Добрался часам к пяти. Открываю дверь. В лицо пахнуло духом хорошо натопленного жилья. Никак не могу найти спички. Закрывая дверь, сильно тяну за веревку, заменяющую дверную ручку. Веревка обрывается. Падая, хватаюсь за раскаленную печку. Кричу от боли, а оторваться нет сил.

Спал я до восьми. Поднявшись, напился чаю, сделал из мешка рюкзак, положил туда росомуху и ушел на базу. Лёню я нашел валявшимся в постели. В избушке тепло, светло, пахнет хлебом, тихо играет музыка.

Сейчас ругаться с Лёней — пустое. Но и делать вид, что ничего не случилось, тоже не могу.

Раздеваюсь, лезу на нары, молча листаю «Охоту». Какое-то время в избушке звучит только радио. Лежавшая у печи Бумка неожиданно заволновалась. Лёня слез с нары и вытолкнул собаку на

улицу. Бумка стала скулить и царапать дверь. Лёня выпустил Бумку. Та бросилась к мешку и залаяла.

— Слушай, это ты мешок принес? Что молчишь? — он наклоняется над мешком, ощупывает его и торопливо развязывает. — Роска! — орет брат, бросается ко мне и начинает тискать. — Во даешь! Убить самую настоящую росомуху и ни гу-гу.

Он оставляет меня в покое, вытаскивает из мешка росомуху, хватается ружье, выскакивает за дверь и принимается палить в небо.

Натешившись, брат вернулся и что-то толковал насчет нового способа установки капканов, но я отвернулся к стенке и уснул.

Уже под вечер я сходил к ручью, насторожил капканы и давилки. Лёня пришел домой часов в десять. Он зарядил путик до самой землянки, видел четырех оленей и двух глухарей. Росомашьих следов нигде нет!

Завтра отправляемся к нашей избушке в низовьях Лакланды. Та речушка, оказывается, вовсе не безымянная, у нее красивое, хотя и не совсем понятное имя — Витра.

25 октября.

Впервые в этом году мы стали на лыжи. У Лёни они подбиты перпичьей шкурой, у меня собачьей. Его — легче в ходу, зато мои меньше шумят.

Какое-то время движемся вдоль Лакланды. Река притихла, но станет еще не скоро. Тайный намного бойчее, а почти весь подо льдом.

У меня с собой резиновые сапоги. Переобуваюсь, перетаскиваю лыжи, рюкзаки, Бумку, а затем и Лёню. Разделяемся. Лёня идет ближе к Лакланде, я отклоняюсь к болоту. Тайга здесь намного беднее, но следов много. Есть соболь, горностаи, дня три тому назад у куста стланика наделала копанок белка. Поперек болота чуть приметная возвышенность, которую и можно заметить только по гривке растущих на ней деревьев. Вдоль возвышенности проходит небольшое озерцо. В этом месте постоянный переход зверей. Горностаи и лисы идут низинкой, соболи и белки бугорком.

Неожиданно от Лакланды доносится ружейный выстрел, затем щелчок малокалиберки. Я остановился, прислушиваюсь. Снова вы-

стрел из эмкашки, другой. Спешу к Лене. Он стоит под лиственницей и глядит вверх. Увидел меня, махнул рукой и снова устоялся на дереве.

Теперь и я вижу белку. Она лежит на двух ветках метрах в двадцати от земли. Лиственница толстая. Ствол снизу гладкий. Никак не подобраться. Ветка у задних ног белки потоньше. Если удачно попасть, можно перебить ее пулей, что и делает Лень.

Мы отправляемся к болоту. Сооружаем ловушки двух типов: известный уже шалашик и впервые опробованные в прошлом году снежные холмики. Холмик делается очень просто. Берешь одну лыжку, правой рукой за крепление, левой за хвостовую часть, и начинаешь круговыми движениями сгонять в кучу снег. Образуется пятиметровый круг земли с холмиком посерединке. Теперь остается пробить в холмике сквозную тоннель, в середину его набросать приманки, а на входах замаскировать капканы.

Идем по меже между прирусловой тайгой и болотом. Через каждые 400—500 шагов ставим капканы у ручейков, возвышений, полос ольховника. Специалисты утверждают: звери и птицы распределяются по тайге неравномерно. Основная их часть концентрируется у естественных преград: ими могут быть берег реки или большого озера, гряда скал. Можно понять, что в полоске тайги, примыкающей непосредственно к реке, и собирается всякая живность. В самом же деле у Лакланды следов немного, а вот в полукилометре от нее, вдоль ручейка, который нетрудно и перепрыгнуть, проходит самая настоящая звериная трасса. Из шести собак только один прошел к самой Лакланде, к ручейку же завернули все до единого.

Наши разговоры вертятся вокруг того задавленного петлей медведя. Стараемся держаться поближе к ручью. Как только увидим четыре подмытые водой лиственницы, слева будет то место. Все время встречаются лисьи следы. Вчера здесь гуляла россомаха. Вдруг они к медведю наведывались?

Лыжи скользят хорошо, но снег здесь очень рыхлый и продавливается почти до земли. Нагружены мы легко. Капканы, приманка, еда на пару привалов.

Еще издали видим двух кедровок, дремлющих на верхушках

деревьев в том месте, где лежит медведь. Одна из птиц очень крупная и сидит в необычной позе — солдатиком. Да это не кедровка, а ястребинная сова! Она раза в полтора больше кедровки, окраска значительно светлее. При нашем приближении кедровка быстро убралась подальше, сова же только чуть завожилась на своем странном насесте.

На том месте, где спрятан медведь, огромный снежный холм. Со стороны ручья он как бы срезан. На срезе видны ветки и конец толстого бревна. Под бревном пора. Есть следы лисы, мышей и кедровок. Один раз сюда завернула белка, обследовала холм сверху. На снегу клочья медвежьей шерсти и куропачьи перья.

Устанавливаем на входе в нору два капкана, крепим их на коромысла, все тщательно маскируем пером куропатки. Вспоминаем россомахи следы и принимаемся соорудить гигантскую давилку.

Погода портится на глазах. Поворачиваем в сторону Лакланды, нужно постараться попасть в избушку засветло. В браконьерский домик сегодня заглядывать некогда, да и не стоит прокладывать туда лыжню от наших капканов и ловушек.

26 октября.

С рассветом форсировали Лакланду и взяли курс на избушку, которую считали браконьерской. Ветер как будто притих, но снег падает столь густо, что не видно сопок и даже деревьев в сотне шагов. Я иду впереди, за мной скользит Лень и ругается с Бумкой. Бумка боится отстать и раз за разом становится лапами на лыжи.

Мы уже пересекли тайгу, возвышающуюся вдоль Лакланды, как вдруг слева от нас взревел вездеход и, пророкотав минут пять-семь, затих. Поворачиваю влево, и мы выходим на болото, покрытое низкими корявыми лиственничками. Идем молча. Теперь ветер дует прямо в лицо, и приходится постоянно отворачиваться. Справа какая-то возвышенность, заросшая высокими лиственницами. Натякаемся на свежий лосиный след. Неожиданно впереди, шагах в сорока—пятидесяти, поднимается мужчина в белом халате, пронзительно свистит, стреляет вверх и, развернувшись, торопится в сторону вездехода. Выстрел сухой и хлесткий, наверняка из кара-

бина. Он бежит без лыж, высоко задирая ноги и прыгая через кочки. В считанные секунды достигает полоски деревьев и исчезает за ними.

Мы устремляемся следом. Полоска деревьев довольно узкая, но до того частая, что на лыжах не погонишь. Вездеход взывает совсем рядом, четко стучат траки гусениц, через пару минут все стихает.

Наконец вырываемся на берег какой-то речушки. Недалеко от нас вездеход. К нему со стороны болота торопится на лыжах второй мужчина, более рослый, чем первый. К вездеходу поспеваем почти одновременно. Мужчина, отворачивая от нас лицо, снимает лыжи, бросает их на тент и ныряет в открывшуюся дверцу. Вездеход обдает нас черным дымом и укатывает по берегу речушки.

— Идем к ним в избушку, — предлагает Лёня.

Мы устремляемся по гусеничным следам. Не доходя до избушки, осматриваемся. Вездеход уже здесь. Стучимся в дверь. Кто-то кричит, чтобы заходили. В избушке четверо. Двое за столом играют в карты, третий возится у печки, четвертый стоит и смотрит на нас.

Знакомимся. Пожимаем друг другу руки, даже вежливо улыбаемся.

— Вы чего это убежали от нас? — без всяких предисловий спрашивает Лёня.

— Мы убежали? С какой стати? — с неподдельным изумлением восклицает длинный. — Сергей лося заметил, и мы ему наперез рванули. Не до вас.

Нет, это уж слишком. И я перебиваю длинного:

— И в карты разыгрываете, кому первому в лося стрелять?

— Или гадаете, не выпадет ли червонный король в лице охотинспектора? — дополняет Лёня.

Все-таки мы неплохо себя настроили, и, чтоб не потерять этой решимости, вынимаю из кармана целую пачку красных книжечек. Здесь удостоверение общественного охотинспектора, удостоверение нештатного корреспондента, разрешение на нарезное оружие. Сидящий у стола перелистал их, полез в нагрудный карман и, улы-

баясь, подал мне четыре охотничьих билета, лицензию на отстрел лося и путевой лист.

Один ноль в их пользу. Членские взносы уплачены, лицензия не просрочена, путевой лист в ажуре. Почему же они удирали?

— Это ваша избушка? — спросил Лёня.

— С чего это вы взяли? — удивился длинный. — Мы здесь всего второй раз останавливаемся. А что, нельзя?

Возвращаю документы, забираю свои. Одно из удостоверений выскользнуло на пол. Наклоняюсь за ним и вдруг замечаю на подоконнике стреляную гильзу калибра 7,62. Карабин! У них нет разрешения на нарезное оружие, вот они и убегали.

— Из какого оружия вы стреляли там, на болоте? — спрашиваю у Ивана.

Сидящий у стола, наверное, перехватил мой взгляд и сообразил, в чем дело, подошел к окну и прикрыл его спиной. Иван переспросил меня:

— Кто, я стрелял? Где?

— На болоте, когда мы подходили.

— А-а. Из ружья. С шестнадцатого. — И вдруг доверительно наклонился к нам: — Я думал, лоси. Убить запросто мог. Потом гляжу — люди. Ну и выстрелил вверх, чтобы остальных предупредить. Метель такая, что запросто друг друга перестреляешь. А вы тоже на вездеходе?

Не хочется разувать их. Наверняка они решили, что мы охотинспекторская группа. Лёня понимает меня и молчит. Тот, что смотрел наши документы, уже вернулся от окна, сел к столу и спокойно тасует карты. Смотрю на подоконник. Гильзы нет. Два ноль в их пользу. Попробую сыграть хоть одно очко. Поворачиваюсь к Лёне и, стараясь выглядеть безразличным, словно, кроме меня с братом, здесь никого нет, тихо говорю:

— Здесь на подоконнике только что лежала гильза от карабина. У них карабин, а разрешения нет. А это статья двести восемнадцать и срок до пяти лет. Вот они и торопились от нас. Все прибрали-спрятали, а гильзу не заметили. Теперь этот гражданин быстренько и гильзу припрятал.

Вопрос, адресованный всем четверым и никому конкретно,

приводит всех в замешательство. Многозначительная тишина тоже работает на нас. А может, они предполагают, что вместе с нами прибыл наряд милиции? Наконец длинный запростестовал:

— Какая гильза? Какие карабины? Придумают же.

Но всем уже все ясно. Два один.

— Пошли! — неожиданно зло говорит Ленья. — До свиданья. Извините за беспокойство.

— Ты чего? — спрашиваю его уже за дверью.

Нас никто не провожает. Там тоже переживают наш неожиданный уход. Так что можно считать два—два. Ничья, так сказать.

— Нечего уже было нам делать, — наконец произносит Ленья. — Не будешь же ты по карманам лазить? В другой раз накрою.

27 октября.

Старый ворон, мудрый ворон попал в капкан. Ходит по кругу, гремит железом и тоскливо так: «Крум! Кру-ум!» Нос горбатый, спина горбатая, жесткие перья вокруг клюва усами щетинятся.

— Ах ты, разбойник! — говорю я. — Полюбуйся, Ленья, перед нами самая крупная в мире певчая птичка из отряда воробьиных.

Ленья ворона курткой накрыл, я капкан рассторожил.

— В порядке нога, — говорит Ленья. — Небольшая ссадина. Мы, конечно, есть тебя не собираемся, но для приманки сгодишься. Посадим тебя в «естественной позе» в снежный холмик, будешь нам соболей приманивать.

Ворон шипит, по рукавице когтями скребется и вдруг тихо так: «Ку-ум, ку-ум»... Глаза закрыл и успокоился.

— Давно бы так, — смеется Ленья. — А то пугать начал. Иди. Гуляй! — вместе с курткой в воздух подкинул. Куртка еще на снег не улеглась, а ворон замахал, замахал. Ветер его подхватил, крутанул, даже смял как-то. Но ворон тут же выровнялся и пошел винты крутить.

— Во как обрадовался, — говорит Ленья. — Теперь до самых «Крестов» не оглянется.

А наш ворон летел, летел и вдруг проваливаться стал. Метров пятьдесят вниз штопором прошел, у самых тальников горку сде-

лал и закружил на месте. С минуту так кружил, потом за кустами скрылся, но скоро опять взмыл и удалился к Тайному.

Зачем же на одном месте кружились? Подошли к самому обрыву, заглядываем вниз, в полукилометре замечаем два темных пятна. Лоси!

Словно подхлестнутые, мечемся над скалами. Везде страшная крутизна. Я бросился было в обход, но Ленья уже полез вниз:

— Давай сюда!

Рассматриваю спуск. Высоковато. По склону кусты. В долине сугроб.

— Да что мы, не казацкого батька сыновья?

Снимаю лыжи, выставляю вперед ноги и — вниз. Где за куст уцепишься, где за дерево, где по воздуху, где в снег. В середине сброса небольшая лавинка образовалась, так я на ней, как на перине, к самой подошве скатился.

Куда идти? Сверху глядели — все ясно было. Спустились — всю ориентировку растеряли.

— Прежде всего нужно против ветра зайти, чтобы наш дух на лосей не набросило, — говорю я.

Ныряю в лиственничник. Деревья голые и темные, обглоданные ветром комки снега, словно нахохлившиеся куропахи, застыли на нижних ветках. Пересыпанный хвоей и мелкими веточками снег хорошо держит лыжи, и мы быстро пересекаем лиственничник. Дальше пошли заросли ольховника. В них потруднее. Ленья остановился, вытянул из кармана кусок бельевой веревки и привязывает Бумку, а я ищу проход. Вот как будто просека. Нет, метров десять прошли и — задний ход.

— Слушай, мы не туда попали. Скал-то отсюда не видно.

Огибаем ольховниковые заросли и в самом неожиданном месте замечаем лосей. Я сразу в снег закопался. Ленья чуть сзади лежит и подмигивает. Снимаю лыжи, ныряю в снег и гребу к огромному выворотню. Бумка сидит привязанная к лыжам и внимательно за нами следит. Только бы не вздумала поднять лай!

Один из корней выворотня закрутило вопросительным знаком, а снег и ветер устроили в нем окошко. Подползаем, осторожно поднимаем головы. Здорово, голубчики! Да это семья. Мама и дитят-

ко. Свернулись калачиком, спины к ветру, спят. А ушам лосиным и во сне покоя нет. Свистит ветер, шумит тайга, скрипят чозе-нии — спокойны уши. Но вот где-то снежный ком с дерева сорвался. Уши в сторону шума повернулись, постояли так с минуту и снова на нас раковинами уставились. Я по коре потем царапнул — ожили, завертели уши.

Неожиданно ветер на миг утих. Лосенок тотчас поднял голову, посмотрел на мать, пырхнул тихонько. Да ушами так: дерг, дерг. Никакого внимания. Тогда лосенок потянулся к тальниковой веточке, пожевал ее, оперся на передние ноги, рывком поднялся и стал общипывать прутики вокруг лежки. Теперь он мордой к ветру. Ветер волнами пробегает по пышной шерсти.

Когда мы гостили у чукчей, дед Сапа рассказывал нам с Паничевым такую легенду.

Между охотниками Ульвене и Вуквутагиным произошел спор из-за девушки. Надели они новые кухлянки, торбаса, взяли по связке песцовых шкур и с восходом солнца пришли к девушке. Она решила: «Стану женой того, кто ловчее окажется». И вот Ульвене ушел в тайгу, подобрался к спящему лосю и положил на его спину тальниковую веточку. Вуквутагин отправился по следам соперника, отыскал спящего лося, снял ту веточку, принес в стойбище и положил к ногам девушки...

...Холодящий лицо ветер вдруг стих и дохнул в спину. Тотчас лосиху словно пружиной выбросило из снежной ямы. В один прыжок она оказалась в тальниках, там на мгновение замерла и ухнула так, что у нас мороз вдоль спин прогулялся. Мы от лосихи были метрах в двадцати, и то не по себе стало, а те охотники к самому лосю подходили. Они были очень смелые люди...

28 октября.

Поднялись в пять утра, с тем чтобы к шести стартовать в верховья Витры. Я приготовил завтрак и решил прогнать все патроны через ствол. Проверил один, второй, третий — все нормально. А вот четвертый пошел с усилием. Решил поджать его колодкой и резко закрыл ствол. Ружье выстрелило. Язычок пламени полоснул в бревенчатую стенку, за которой с дровами возился Ленья.

Заряд прошел как раз между бревнами, там тлеет вата. Избушка полна пороховых газов, в ушах какой-то свист, трудно что-нибудь сообразить. Наконец с улицы Ленин голос.

— Что там у тебя?

Я с радостью выдыхаю:

— Ты живой? — Во рту появляется неприятный привкус, словно меня укачало.

Ленья заканчивает последние приготовления, выливает остаток чая, забрасывает снегом угли в печке, проверяет, взяты ли спички, папиросы и все такое. Я же продолжаю сидеть и никуда мне, собственно говоря, не хочется.

Ровно в шесть выходим. Первый же капкан обрадовал. В нем крупный горностаи. Шерстка так и играет под лучом фонарика. Долго любимся им, укладываем в рюкзак и снова настораживаем капкан. Все же я никак не могу отойти от недавно случившегося — капкан три раза подряд захлопывается на моих пальцах.

Второй и третий капканы пустые, в четвертом белка. Здесь успели похозяйничать кедровки: обклевали уши, одна из них попала в соседний капкан. И пусть сидит. Я часто находил в капкане одну только лапку от попавшей туда кедровки и следы соболиной трапезы. Если же кедровку вытащить и просто положить в шалашик, соболь ее не тронет.

Больше ничего нам капканы не дали. Слишком рано их проверять. Правда, еще к двум шалашикам подходили белки. Им нужны грибы. Рыбой и мясом интересуются по настроению.

Долина Витры узкая и глубокая. Тайга здесь богатая, а главное, в долину спускаются десятки заросших ольховником распадков. Пространство между распадками тоже покрыто лиственницами, стлаником и все тем же ольховником. Идеальные условия для обитания зверей и птиц. Их здесь и вправду много. Лишь соболиных двоеточек пока не встречалось. Зато видели беличьи, горностаевы и даже лисьи следы. А ведь еще вчера была метель, и обычно первую ночь после снегопада звери гуляют неохотно.

Витра здесь почти полностью спряталась под лед, только иногда встречаются узкие промоины. Слева по долине тянется цепь каких-то бугров. Они сбились так тесно, что не всегда угадаешь,

где начинается один и кончается другой. К ним уходят беличьи следы.

У нас приличный груз: топор, матрац, два ватных одеяла, капканы, приманка, продуктов на три-четыре дня. Впереди нелегкий путь, и, конечно, задерживаться здесь не хочется. Но не хочется и упустить возможность поохотиться на белок.

Сбрасываем рюкзаки, заряжаем ружья и направляемся по следу. Как раз напротив нас ложбинка между двумя холмами. Мое внимание привлекают два пятна в самом конце ложбинки.

— Ленья, тебе не кажется, что это лисицы?

— Проверим, а? — отзывается брат.

Отсюда до пятен больше километра. Но напрямую нельзя никак. Мороз за двадцать градусов, лыжи шумят неимоверно. Попробуем спуститься вниз, опишем полукруг и выйдем к основанию бугра.

Каждый идет своим следом, так меньше шума. Пересекли Витру, вышли к буграм. Здесь снег плотнее, масса заячьих следов, у кустов пушицы глубокие копанки.

Наконец впереди дерево с надломленной вершиной. Оставляю Ленью с Бумкой у дерева, сам потихоньку двигаюсь вперед. В самой ложбине растет густой ольховниковый куст. Выглядываю поза него. В сотне метров, свернувшись в клубок, спит самая настоящая лисица.

Стрелять далековато. Возвращаюсь назад. Стоим, шепчемся. Ленья предлагает подобраться к кусту и ударить залпом. Нет, лучше будет, если один из нас обогнет бугор и заляжет сверху. Звери от опасности всегда стараются уйти в сопки, да и входной след там. Лиса или волк любят своим следом уходить. Лене надоела роль загонщика. Что ж, пусть идет в засаду...

Через пятьдесят минут я начну подкрадываться к лисицам, а сейчас нужно затаиться. Мороз невелик, да стоять не велит. Выполняя полный комплекс утренней зарядки, а время ползет, как черепаха. Все-таки нужно было на полчаса спуститься к Витре, погулять. Наконец — пора.

Перехватываю удобней ружье, взвожу курок, чтобы потом не щелкать, и уже заново ногу для первого шага, как вдруг за кустом

что-то мелькнуло, и передо мною появилась лиса. Она сразу же увидела меня, на какое-то мгновение застыла на месте. Между нами шагов двадцать. Вижу вибриссы на острой морде и комочки пнея на их кончиках. В следующую секунду лисица взвилась на месте, крутнулась и, сжавшись, бросилась убежать по терраске, протянувшейся у основания бугра. Мне кажется, что я даже специально отпустил ее подальше и только тогда спустил курок.

На ощупь перезаряжаю ружье, надеваю лыжи и бросаюсь к ложбине. Лиса лежит, откинув короткие, в носочках, лапы и ощерив пасть с тонкими и острыми зубами. Разрываю сугроб, stalkиваю в ямку добычу и притаиваю сверху снегом. Теперь можно идти к Лене. Поднимаюсь по ложбинке, прохожу мимо того места, где спали лисицы и наконец оказываюсь за буграми. Там пусто. Может, Ленья по круговой лыжне спустился в долину? Выхожу на бугор, зову:

— Ленья-а! Ленья-а!

Нет его. След второй лисы ведет по склону правого бугра и все время норовит забрать в сторону. За буграми спускаюсь в узкую долину, и только здесь лыжня Леньи. Где же твой капкан, брат ты мой? Ленья пересек след, повернул и пошел параллельно ему. Там, где лисица перебиралась через пустой ручеек, лыжня закругляется, и я вижу торчащую из снега палку с прикрепленным к ней проволочным кольцом. Ну и брат! Он поставил горностаевый капканчик-нуль. Лиса влетела в него, оторвала вертлюг и ушла с железным «браслетом».

Но почему же лыжня заворачивает куда-то в сторону? Палкой пишу на снегу: «Иди за мной», рядом рисую стрелу, втыкаю палку поперек Лениной лыжни и устремляюсь вдогонку рыжей. Но что это? Снова лыжня! Ленья гонит лису! Это уже лучше. По готовой лыжне я нагоняю брата в течение часа. Он сидит на самом дне ложины и смотрит в мою сторону.

— Что случилось?

Он поднимает над головой сломанную лыжу. Раскатился с горы и врезался в дерево.

— Понимаешь, я все сделал по уму. Нашел след, поставил два капкана, а потом стал смотреть, где бы засесть. Гляжу, еще один

след. Я и туда капкан-нулик пристроил. На него она и вышла. Бумка за ней умотала. Ты в кого стрелял?

— В лису. Там в снегу закопана.

Леня ликует. Ему не терпится поглядеть на добычу, но как же погоня? Отдаю брату свои лыжи. Может, Бумка ее все же остановит? Сам достаю из кармана веревку, сращиваю лыжу внахлест, с обратной стороны на сращенное место накладываю две палочки. Все это тщательно бинтую, а потом затягиваю веревкой. Фасон, конечно, не тот, но ничего. На спусках качу на одной лыже, подозрительные места обхожу стороной. Лиса спустилась почти к самой Лакланде и идет ровно; словно нитку тянет. Бумка несколько раз догоняла ее и даже перегоняла, но... Бестолочь!

В час дня я увидел своих охотничьих идущими навстречу.

— Представляешь, в камни забралась. Капкан сбил. Бумка ее с полчаса держала. Там все следами избито.

У Бумки геройский вид.

— Лодырь ты, Бумочка! Ведь можешь же идти на зверя?

Бумка виляет хвостом и умильно поглядывает на Леню, а тот лезет в карман и вытаскивает белку, из другого кармана — вторую.

— Одну я сам заметил, а другую Бумка. В тот лесок надо еще заглянуть. Тебе не кажется, что пора обедать?

Все правильно... Леня переживает: нужно менять лыжу, а запасные у нас только на базе.

— А твою лисицу никто не тронет? Росомаха шастает...

— Не тронет, лисица закопана, а у меня горностай и соболя по месяцу в открытом месте лежали.

29 октября.

Не беда, что до базы добрались в два часа ночи, уставшие, голодные. Если не считать оставленной на Витре лисы, за вчерашний день мы добыли восемь белок, горностая, две куропатки и рябчика. В найденном Ленею леске насчитали около сорока беличьих гнезд. Удивительно, но никаких следов соболиного разбоя.

Горностая поймали прямо на «Дриаде». Леня поставил капкан, даже без маскировки, приморозил к тарелочке хариусовую головку. Это его первая настоящая добыча.

Поднялись во второй половине дня. Леня съел две миски чабанских галушек и полез досыпать. Я оделся и ушел на Лебединый.

В первом же капкане, у мостика, маленький горностай. В следующем остатки крупной рыжей мыши. Ее съел соболя. Капканы на холмах забиты снегом. Раскапываю их и настораживаю. Коттеджи все-таки лучше. Вот один из них. Вижу издали, что капкан на входе сработал. Кажется, впустил. Нет! Он поймал тонкого и длинного горностая.

Осталось проверить две давилки, три шалашика и «берлогу».

Сегодня вдоль Лебединого гулял соболя. Наверное, тот, чьи следы видели на первом снегу. Он тогда учился ходить двоеточием и постоянно сбивался. Теперь научился. Цепочка оставленных им отпечатков тянет прямо к давилке. Я убыстряю шаг. Вижу спущенную давилку и черный комок на верхнем бревне. На комке пушистая шапка снега. Соболя! Первый в этом сезоне!

В моих руках крупный темно-коричневый самец со светлой мордой и широкими лапами. Он невообразимо красив. Стоило мокнуть на Ульбуке, стоило брести по наледям, стоило не спать ночами и гнаться под тяжелыми рюкзаками, чтобы заполучить этого сказочно-дремучего зверя.

Леня босиком появляется на пороге, видит в моих руках добычу и бежит навстречу. Он вертит соболя во все стороны, танцует с ним, выбивая на снегу голыми пятками чечетку.

Соболя! Это наше достояние и наша гордость. Соболиными мехами в далекие века платили жалование, взималась пошлина.

Сотни тысяч драгоценных шкурок уплывали за кордон, новые и новые армии охотников отправлялись в самые глухие дебри. И случилось казавшееся невероятным. Распространенный когда-то по всей России соболя начал катастрофически исчезать.

В начале двадцатого века шкурка соболя стоила двести, чептыреста и даже шестисот рублей. Хорошее охотничье ружье — пятнадцать рублей. Вся амуниция — двадцать пять. Один соболек приносил значительно больше дохода, чем среднее крестьянское хозяйство за целый год. И, естественно, многие крестьяне бросали плуг и уходили в тайгу в поисках фартового зверя.

До сих пор волнует весь мир участь диких быков-туров, последний представитель которых погиб в 1627 году; американского странствующего голубя, психически чуть ли не миллиардами пар и полностью уничтоженного человеком к началу двадцатого века; стеллеровой коровы, истребленной промышленниками к тому же времени.

Но с соболем этого не случилось. Уже в 1919 году В. И. Ленин подписал декрет об охоте. Именно с этого декрета, установившего принципиально новые положения об использовании охотничьих ресурсов, и началось возрождение соболя. И то, что в Магаданской области мы можем без ущерба отлавливать более трех тысяч ценных зверьков, — не доказательство ли правильности системы мероприятий, проведенных в наше время...

30 октября.

Проснулся я словно от толчка. Лежу и думаю: «Что же это случилось? Ведь я шел по следу молодого соболя, а в давилке оказался матерый. Да и двоеточки были свежими, а на пойманном лежала целая гора снега. Как же не сообразил заглянуть в «берлогу»? Начал было будить Леню, но передумал. Через четверть часа иду по вчерашней лыжне. Ружья не взял. Фонарик, нож, спички — вот и все. Впереди по лыжне бежит мышь. Я сначала обрадовался, а теперь злюсь. Не хочется ее давить, а плестись за мышью тоже мало удовольствия. Она скачет быстро, но так же быстро устает и присаживается отдыхать. Нет на эту полуночицу филлипа.

В тайге тишина. Небо чистое, звездное. Сейчас новолуние, и луна еще не скоро начнет нам служить. Почему это считают, что луна помогает одним поэтам? Мы всю свою работу согласовываем с ее графиком.

В луче фонарика свежееобгесанное дерево. Это давилка. Я ее вчера даже не насторожил. Прохожу еще немного и освещаю огромный корень-звезду. Наклоняюсь, направляю лучик прямо в «берлогу», и навстречу мне, звякнув как каном, шипит небольшой, но ужасно злой и шустрый соболек...

Идем берегом Лакланды. Справа скала, слева узкая, заросшая

редкими тальниковыми хворостинками коса. Сначала в одном направлении с нами шли следы двух горностаев, затем к ним прибавился третий и четвертый. Прямо по скале два небольших горностаичика к реке спустились и направились тем же курсом. Мы, конечно, заинтересовались, куда это они. Оказывается, чуть дальше отходит от скалы небольшой гребень. Весь он зарос молодыми топольками и кустами пушицы. Пушица буйная, высокая, что твой камыш. Следы ведут к канавке, которая метрах в двадцати тянется параллельно гребешку. Канавка какая-то необычная. В глубину сантиметров восемь, в ширину примерно столько же и метров десять в длину.

Мы встали, во все глаза глядим. Кто же мог такую канавку прорезать? Гладкая, аккуратная, как линейка. Вокруг горностаевы следы, норки вырыты. Бойкое место, каких немало можно найти в богатой мышами долине. Но здесь, на самом берегу Лакланды, мышинное заспье исключается. Леня обследовал заросли пушицы и зовет меня.

В снегу торчат букетики птичьих перышек. Вдоль бугорка мы насчитали их семь. Из погибших птиц две синички, остальные чечетки. Леня уже начал фантазировать, что эти птицы слетаются в одно место, почувствовав гибель. И тут же другая теория готова: может, они наелись каких-нибудь ядовитых семян?

Все это вздор. Конечно, между канавкой и птичьим кладбищем есть какая-то взаимосвязь. Но какая?

И вот возле нас тенькнула маленькая сероголовая синичка — гайчка и опустилась на колосок пушицы. Колосок наклонился, но до снега не достал. Это синичку не устроило, и она перелетела на другое растение. Следующий колосок лег прямо на снег. Синичка распустила крылья, поджала хвостик и низко наклонила голову. Над нею образовался уютный шалашик. Ни мороз, ни ветер не достают. Сидит такой пушистый комочек и выбирает семена. Нас совершенно не боится. Леня шаг к ней сделал и чуть шапкой не накрыл.

И тут же я стал догадываться.

— Леня, а ну-ка погляди, есть ли в стенках канавки какие-нибудь норы?

— Есть. Три. Нет, четыре.

Так вот почему горностаи сюда зачастили. Из этой канавки под снегом подныривают под самых птичек.

Второе наше сегодняшнее открытие касается лиственниц. Пока я жил на Украине, о лиственнице ничего толком не слышал. А когда приехал на Колыму, понял: более красивого и неприхотливого дерева нет. Оказывается, у лиственниц есть и другое название — северный дуб. На Карельском перешейке до наших времен сохранилась редкостная по красоте и богатству Липдуловская лиственничная роща, посаженная по указу Петра Первого.

Осенью 1960 года в американском городе Спитале состоялся Пятый всемирный лесной конгресс. В его работе приняли участие делегаты из 96 стран мира. Каждая делегация посадила самое главное дерево своей страны. Польские делегаты — дуб, французские — каштан, немецкие — сосну. Советская же делегация посадила лиственницу!

Когда дети спросят меня, где живет ветер, я знаю, что ответить. Ветер живет за рекой Лакланда, на крутом перевале, среди скал и осей. Отсюда он отправляется в пабеги, сюда возвращается отдохнуть. С разбойной удалью носится над рекой, шныряет по распадкам, срыгает остатки снега с почти обнаженных сопков. Он давно все подчинил себе и сейчас только следит, как бы кто не ушел из-под его власти. Снег он песком пересыпал, вершины лиственниц обкромсал, ветви в сторону сбил; кедровок боком летать заставил. На перевал поднимаешься — прямо в Кошцево царство попадаешь. Одна лиственница на скалу легла ветками, за камни ухватилась, другая, толщиной в три обхвата, всего две ветки имеет, и те возле самых корней растут, третья же так покрученная, что не понять, в какую сторону глядит.

С полчаса идем вдоль гребня и ни одной нормальной лиственницы не видели.

Отворачивая лица от ветра, лезем и лезем вверх. Слева от нас темная Лакландинская долина, справа сопки, сопки, сопки.

— Иди посмотри, какое чудо, — зовет Ленья. Он стоит на большой террасе под группкой лиственниц. Гляжу на них, и что-то удивляет меня, а что — не могу сообразить. И вдруг понимаю:

ветру они не подчиняются. Правда, и у них ветки в одну сторону глядят, но стволы прямые.

Подхожу ближе и открываю секрет. Оказывается, непокорные лиственницы у самых корней имеют огромные наросты. Стоят себе ваньки-встаньки колымские...

И еще находка. Мы принесли домой муху. Я в воду провалился с лыжами. Пришлось разводить костер и сушиться. А муха тепло почуяла, вылезла из какой-то щели и уселась греться.

Обсушились мы, попили чаю и пошли дальше. Шли-шли, вдруг Ленья останавливается:

— Обожди меня, я за мухой стою. Мы ее в гильзу посадим и в пзушку унесем. Жалко все-таки.

И вот сейчас я лежу на нарах в избушке, что у Паничевских озер, и заполняю дневник. Ленья ушел рыбачить. Накрытая литровой банкой свеча горит отвратительно. А открыть нельзя. По избушке летает наша муха и уже успела опалить одно крыло...

31 октября.

Рано утром мы отправились к «Крестам». Настроение самое радужное. Вчера Ленья поймал две щуки и видел много белчьи следов. На «Крестах» все в порядке. Свежие следы «Кальмара» и груда вещей у лиственницы с мачтой. Сапа привез все: продукты, крупные капканы, инструмент, печку с трубами и четыре письма. Одно мне от дочек и сына и три Лене. Ленья сначала визжал, прыгал и лез целоваться, затем прочитал письма и сказал, что ему срочно надо быть в поселке.

— Понимаешь, это необходимо!

Я понимал. Тем более, что у меня тоже заболело сердце и захотелось домой.

Бумка уходит с Леньей. Сейчас ей в тайге делать нечего. Слишком большой снег. Да и вообще не везет мне с этими собаками. Завожу одну, вторую, третью, и никакого толку.

Сначала была Альфа. Умница, послушная, по белке работала отлично, но ни с того ни с сего ослепла. После нее появился Лабон. Угрюмый дворянин с кислой мордой и толстыми лапами. Я приучил его ездить на бачке мотоцикла. Лапы на руль положит

и подозрительно обзирает окрестности. Однажды мы ехали за брусникой, дорогу перебежал заяц. Лабон спрыгнул на полном ходу, попал под колесо...

Два года я ходил в тайгу один, пока не познакомился с Булькой. Эта маленькая кривоногая собака с короткой грязной шерстью и всегда виноватыми глазами жила под досками за пекарней. Я часто встречал ее, когда ходил за хлебом. Она или сидела рядом с тропинкой, или вертелась у мусорного ящика. Бульку часто обижали, и ее хвост, этот флаг собачьего достоинства, был постоянно прижат к животу.

Когда чужая собака попадала в Булькины владения, она падала на землю и подставляла прищельцу самое нежное место — живот. Еще более позорно вела себя Булька с людьми. Как-то она нерасчетливо перебежала тропинку и чуть не попала под ноги высокому парню. Тот просто так, из озорства, гикнул и притопнул ногами. Булька не метнулась прочь, а припала к земле, закрыла глаза и жалобно заскулила. Парень гадливо плюнул и отбросил Бульку носком валенка.

Я ни за что не подружился бы с Булькой, если бы не наш слесарь Сергей Петрович. За ним водится масса грехов. Однажды ему прислали с материка посылку краснобоких яблок. В пути посылка развалилась. Он на почте переложил яблоки в авоську. Встретившие его женщины, естественно, спрашивали, где достал такую красоту.

— В овощном, — отвечал тот вполне серьезно.

Женщины кинулись в магазин и устроили там грандиозный скандал.

В другой раз он подшутил над царнем, прпехавшим на первую в его жизни охоту, — вытащил единственную добытую утку и положил бройлерную курицу.

В то утро я проспал и ужасно торопился. Груза было много. Рюкзак с лямками, рюкзак без лямок, запасная лыжа, большой сверток одежды, малокалиберная винтовка. Хорошо, Петрович встретился и подсобил все это до гаража дотащить. Я его оставил сторожить добро, а сам за хлебом побежал. Выскакиваю, а Петрович уже мои вещи в автобус сложил и торопится.

Ехать всего пятнадцать километров. Когда выгрузился и автобус исчез за поворотом, тот рюкзак, что без лямок (в нем были сложены одеяло, капканы и десять банок «Завтрака туриста»), вдруг задержался и заскулил.

И вот иду по тайге, а сзади метрах в тридцати следует Булька. И меня боится, и тайге не доверяет. Я встану — и Булька остановится. Зову — не идет, а даже наоборот: настораживается и потихоньку отступает назад.

Когда пришли к избушке, Булька села на лыжню и никуда. Я и дров натаскал, и обед сварил, и в распадок к лабазу смотался, а она все сидит. Я не выдержал и сам направился к Бульке, а она от меня. Тогда я возвратился, сошел с лыжни и, описав полукруг, зашел к Бульке с тыла. Булька кинулась от меня убежать и таким образом оказалась между мною и избушкой. Здесь я поймал ее за загривок и отправил под нары.

На второй день Булька легла в ногах на нарах. Днем я гонял по путикам, сражался с росомахами, а вечером возвращался в избушку, где меня ждала Булька. Когда я сидел возле печки и ремонтировал одежду или просто отдыхал, она подходила и внимательно смотрела прямо в лицо своими рачьими глазами.

Однажды меня от избушки отрезала наледь, и я остался ночевать на озерах. Там у меня тоже избушка. С рассветом возвратился. Булька меня встретила, визжит, прыгает. А вечером к нам Саша Фалькович заглянул. От него соболев вместе с капканом ушел, и Фалькович целый день за ним гонялся. Булька Фальковича таким лаем встретила — хозяйка, дальше некуда.

— Я к тебе за сеткой зашел, — говорит Саша. — Там лес в прошлом году заготавливали и навалили огромную кучу хвороста. Соболев там.

Сетки у меня не было, но мы решили попытать счастья.

— Собаку возьмем.

— Куда ей на кривых лапах? — смеется Саша. — Ну ладно, на безрыбье и рак — рыба.

Надели лыжи, позвали Бульку, а она от избушки не отходит. Тогда я ее в рюкзак сунул. К месту подошли уже в полной темноте. Выпустили Бульку, два костра по сторонам зажгли и принялись

разбирать хворост. Работаем осторожно. Ветку-вторую выдернешь и прислушиваешься.

Еще и половину кучи не разобрали, Булька загавкала. Сидит под густой чозенией и лает. Фонариком присветили, а на ветке соболь. Саша его первым же выстрелом снял. Вот уж мы с Булькой носились! Не знали, как приласкать.

Когда я в поселок уходил, Булька уже без всякого сомнения от избушки ушла и всю дорогу впереди бежала. Я даже ругал ее за это, чего лыжню портит.

В тот день автобус не ходил, и мы все пятнадцать километров пешком топали. До водонасосной станции добрался, и весь поселок перед нами открылся. Заснеженный, нарядный. Булька вдруг остановилась и настороженно на меня посмотрела.

— Ты чего, трусишка? Никто тебя не тронет.

А Булька не идет. Я к ней, а она убежать. Откровенно говоря, мне не до этого было. Шутка сказать, сколько времени семьи не видел. Только на второе утро вспомнил о собаке. Кинулся к пекарне, к водонасосной, по поселку побегал — нигде нет...

К той избушке, где мы с Булькой жили, я попал только в конце февраля. Избушка глубоко в снег ушла, на крыше сугроб метровой толщины. Открываю дверь, она не открывается. Снег колнул, а там Булька! Лежит, положив голову на лапки, словно спит, а голова в сторону моей лыжни смотрит... Нет, не везет мне с собаками.

1 ноября.

Ни на «Крестах», ни на Паничевских озерах задерживаться не стал. Загрузился продуктами, прихватил пару больших капканов и ударил к базовой избушке. По дороге дважды встречал лосей, видел следы лисы, горностая и зайца, воспользовавшихся моей лыжней.

Ночевал на базе и, проснувшись, прежде всего решил проверить капканы, поставленные за Лакландой. Там сразу же нашел наш старый след и почти у берега вынул из капкана неплохого горностайчика.

На гривке снял еще одного горностая, прометил лыжню зате-

сами и возвратился на базу. Одному скучно. Приготовил есть — нет, не хочется. Начал было оттаивать горностаев, но потом передумал, побросал их в бочку и решил идти к землянке...

Тайный разгулился страшными наледями. Местами и листовенницы во льду. Несколько раз влетал в воду, приходилось разводить костер, чтобы хоть немного обсушиться. Возле «Крейсера» и у первых скал наледь залила шалашики и украла капканы.

Не доходя до землянки, в том месте, где через скалы к Тайному спускалась росомаха, я потерял еще один шалашик.

Вышел на предполагаемое место, гребнул несколько раз лыжей и вижу: из льда кончик палки выглядывает. На краю палки срез. А рядом с палкой... два ушка. Соболь! Взял топор и принялся за работу. Лед крепкий, а рубить нужно с оглядкой. Уже лицо горит от града ледяных осколков.

Мне снова повезло. Между старым и новым льдом осталась сантиметровая полоска воды. Если б замерзла, спаяв весь лед в в одну монолитную глыбу, тогда пришлось бы подрубить снизу. Как — не представляю. Вынимаю на поверхность тяжелую глыбу с соболем. В ней килограммов семьдесят. Обвязываю веревкой, взваливаю на плечи и несу к землянке. Там разжигаю печку и подвешиваю лыдину к перекладине у самой трубы. Скоро лыдина заслелась, чуть обтаяла, и передо мною возникла удивительная картина. Так, наверное, восторгается фанатик-энтомолог, когда в его руки попадает кусочек янтаря с застывшим в нем диловинным комарином.

2 ноября.

С ружьем, рассчитанным на промысел белки, подбираюсь к матерому медведю. Он где-то на террасе. Я заметил его, когда решил обследовать тайгу возле землянки. В километре от нее обнаружил останки лося. К лосю ходят росомаха, соболь и белки. Я решил поставить пару коттеджей.

Сходил туда безо всяких приключений, если не считать того случая, когда меня перехитрили куропатки. Получилось так: только прошел то место, где вчера вырубил из льда соболя, вдруг слышу, где-то куропатки кричат. А где — не пойму. Скалы эхом словно

мячиком играют. Вдруг вижу — две темные птицы прямо на меня летят. По цвету они похожи на кедровок, а величиной с куропатку.

Это, наверное, мне кажется, думаю я. Оптический обман, так сказать. Солнце как раз в глаза бьет очень сильно, не приглядись.

Рядом кусты. Присядь я за ними, птицы как раз на меня вышли бы. Но не буду же я на кедровок засаду делать. Птицы заметили меня, отвернули в сторону, начали на солку опускаться и вдруг стали белыми. Я охнул и стукнул себя кулаком по лбу.

— Да это куропатки!

Солнце сверху на них светило, снизу тень — вот они и показались мне черными. А ведь как хорошо летели! Стоило только присесть, как раз бы на меня вышли. Получилось, что они меня перехитрили. Вместе с солнцем и перехитрили...

Теперь вот возвращаюсь и поглядываю, не покажутся ли снова?

А погода разгулялась вовсю. Небо не по-зимнему голубое, морозный воздух пахнет хвоей. Видимость такая, что можно пересчитать все стойки и перекладины на тригонометрическом знаке. Но любоваться природой некогда. Нужно под ноги смотреть. Там, где Тайный уходит от скал, весь ручей морозом почти до самого дна прохватило. Воде стало тесно, и она принялась искать другой выход. Только что я шел по ровному и гладкому льду в такой тишине, что слышно было, как лиственницы пощелкивают и тенькает синица, а здесь словно другой мир. Собственных шагов не слышишь. Лед трещит, вода урчит, пар поднимается выше скал, потоки разгулялись до самого утеса. Сколько глазом ни охватишь: все наледи и наледи. Какая наледь постарее — та белая или желтоватая, а свежая — уже зеленая или синяя. Среди всех этих наледей изумрудный кратер метровой высоты водой в небо брызжет. Точь-в-точь суп кипит в кастрюле.

Здесь я с Тайным играю в салки. Если обходить наледь с левого берега, получается очень много лишней ходьбы, справа скалы не пропустят, а посерединке прорвешься — километра два как на вороних катишь. Только лыжи об лед постукивают.

Но Тайный коварен. То замаскирует инеем миллиметровый лед

и таким образом создаст впечатление, что лед здесь еще до снегопада застыл. То нагонит под снег целое море воды, а то просто пустит по наледи настоящие реки. Вчера я осторожничал изо всех сил: прокрался мимо «кастрюли», проскочил свежую наледь и уже стал выбираться на косу. Еще с десятков шагов — и я на сухом. Но вдруг шмяк! — и стою по самые щиколотки в воде. Летом оно и ничего бы, а сейчас мороз за двадцать, лыжи — по три пуда каждая. Еле выбрался. Развел костер, сушусь у огня и ругаю Тайный.

— Чего я тебе плохого сделал? Бессовестный какой!

А он знай себе клокочет, словно смеется.

— Ну как я тебя засалил?

Сегодня я хитрее. Прокрался на дыпочках по свежеледью, ручей обогнул у самых скал, а у наледной межи развил олимпийскую скорость. Бегу, слышу, снег под лыжами манной кашей ползет, а оглянуться недосуг. Выскочил на старую наледь, а мой след уже от воды потемнел. Но лыжи-то сухие!

Тайный прямо кипит от злости, а я смеюсь:

— Ну кто кого засалил?

Правда долго смеяться не стал. Мне ведь завтра придется возвращаться...

Идти осталось всего ничего, и в основном по чистому льду. В таких случаях я снимаю лыжи, сооружаю из них как бы нарты и транспортирую все свое имущество.

Я сейчас и не помню, каким образом заметил медведя. Сначала думал, сохатый или олень, а пригляделся — он! Черный какой-то и высокий до неправдоподобия. Может, мне сразу так показалось, а может, он и вправду такой поджарый. Встретил же позавчера лося. Ведь лося с лосенком и те два лося выглядели нормально, а тот, что туда-сюда по тальникам гонял, больше лестницу на подставках напоминал.

Конечно, моя «Белка» не медвежья снасть, но, с другой стороны, тридцать второй калибр бьет точнее всякого двенадцатого, да и «эмкашка» при удачном попадании делает свое дело. Если аккуратно подобраться, то, пока он поймет, что к чему, двумя-тремя пулями я ему в бок тюкну, а остальное уж как там сложится. Я однажды секунд за пятнадцать в железную бочку шесть пуль

влепил. Три ружейные и три винтовочные. Я, конечно, соображаю, что бочка не медведь, не бегают и, главное, на задние лапы не встает. Но если вам хоть раз приходилось танцевать вокруг поверженного медведя, целовать собаку и орать: «Да здравствуют медвежатники!», вы и с дубинкой на него полезете...

В ложине снег рыхлый, ровный. На подъеме дело посложнее. То сугробы, то выдувы. Чтоб не так шуметь, пришлось снять лыжи, и началось: в сугробы по пояс ныряешь, а на выдувах щебенка скользкая, мелкая, сыпкая. Здесь и по бруснику не так легко забираться, а к медведю и того хуже. Хорошо, если камушки смерзлись. А если сушенцы? Поставишь ногу, а опереться на нее боишься.

Сначала я ружье в руке держал. Для ходьбы двух ног и одной руки хватало. Но дальше круче стало. Пришлось «Белку» на спину повесить и поднимать на четвереньках.

Раза два поскользнулся, шумнул камушками. Но ветерок на меня. Правда, все время одна мысль тревожит: правильно ли я на медведя выйду? Вдруг встречу неожиданно, лоб в лоб. Вот и буду сидеть перед ним, как куропач, только с ружьем на шее. Ешь — не хочу.

Но дальше снежок мягче пошел и выдувы кончились. Теперь осторожность на пределе. Шаг-два сделаю и — стоп: где, что? Ага, терраса! Вот, кажется, куст, под которым медведь копался. А вот и следы. Лапища!

Поворачиваюсь и вижу медведя. Метрах в сорока. Из-за ольховника на меня смотрит. Морда, как чемодан, ушки торчком, глазки — не понять, что выражают. Но, честное слово, нехорошие глазки. И самое неудобное, что только верхнюю половину головы и вижу.

А вокруг ни деревца, ни кустика приличного. Один скат голый и неуютный. Чуть что — накроет и чирикнуть не успеешь. Ладно, думаю, живи, дорогой, до глубокой старости.

Сажусь на скат и, как на санях, качу вниз. В минуту к грядке лиственниц в ложину домчался. Оглядываюсь, а медведь от меня на сопку. Сначала он по пребню бежал. Как скакун на ипподроме. А в сугроб влетел — забарахтался. Хоть от меня он более чем за

километр, а отсюда вижу, как снег во все стороны фонтанирует.

Я когда от медведя бежал, почти все время назад смотрел, а этот только под вершиной сопки оглянулся.

— Ага! — злорадствую. — Теперь до самой Витры чесать будешь.

Но тот, как увидел, что за ним никто не гонится, более того, терраса совершенно пустая, наверное, удивился. Сел и задумался. Я уже и до землянки добрался, и чай сварил, и половину избушки снегом обсыпал, а он все сидел на сопке и переживал. Я наблюдал за ним до самой ночи, а перед тем как ложиться спать, вышел из землянки. Темно. Звезд нет. Тайга чуть шумит. Сопки еле-еле в темноте виднеются. И где-то там наверху у огромного камня сидит медведь. Один сидит. Честное слово, мне вдруг его жалко стало.

— Эй, друг! — кричу. — Иди чай пить!

Потом взял ружье и из малокалиберного ствола пару раз в небо щелкнул. А выстрелы глухие-глухие. К непогоде, что ли?..

3 ноября.

А с полуночи и вправду запуржило, но к утру метель почти улеглась. Я не стал сооружать коттеджи, и вообще воображение у меня в другом направлении работало. Почему медведь не уходил? Не иначе он ждал метели, чтобы ложиться в берлогу. Обычно охотники дожидаются настоящих морозов и отыскивают берлогу по струйке пара. Медведь за зиму расходует до восьмидесяти литров воды: жир в его организме перегорает.

Часто у людей складывается ошибочное представление о том, насколько легко отыскать медвежью берлогу. Им кажется, стоит пройти лесом десяток километров и увидишь чуть ли не столб пара. В самом деле, и я, и Саша Фалькович, и Володя Молоков провели в тайге не одну зиму, а никто из нас на берлогу не наткнулся... А что, если пойти и постараться найти медвежью берлогу? Стрелять в него сейчас не буду. Нападать на меня медведь не станет — он как удирал. А если и кинется, то я не с пустыми руками.

Теперь на террасу я сравнительно легко поднялся. Вокруг чистота. Стланик под снег спрятался, камни задуло, только холмики белеют. Чуть выше складка приличная, ольховник в ней — не прой-

ти, не проехать. Здесь медведю в самый раз берлогу устроить. И кусты частые, и сторона северная. Но зайцы? Весь снег в кустах и вокруг исполосовали.

Иногда в книгах пишут, что зайцы глупые. А попробуйте поймать. Это их горе, что одной тропы всю зиму держатся. Вот и влезают в петли. Вообще-то они намного подозрительней соболя и тем более белки или горностая. Чуть что — к опасному месту его и палкой не пригонишь. Короче, лежи здесь медведь — зайцев и духу не было бы.

Ага! Вот он, след! Медведь пересек ольховник и направился в сторону ложбинки, тянущейся параллельно ольховнику. В ложбинке следов не видно, но чуть выше перевальчик, и там на камнях следы. Ветер весь снег с гребешка сдул, а с тем, что примял медведь, справиться не смог.

Поднимаюсь на гребень. Прямо подо мной темнеет лес. Везде такие выворотни, что целое стадо на зимовку устроится. Поперек спуска хорошо заметен ряд частых ямок — медведь-таки выпзу. Крутизна здесь приличная, и самое неприятное, по всей вершине метель снежный козырек накрутила. Здесь просто так не проврешься. Лыжи враскат пойдут — костей не соберешь. Снимаю их, разбираю и укладываю ружье в мешок. Снег здесь плотнее, валенок его с ходу не пробивает. Ложусь на живот. В одну руку взял нож, в другую ясеневую лопатку, ею капканы маскирую, и поплыл.

Когда до середины добрался, сел передохнуть, осмотрелся. Ведь не куда-нибудь, а в гости к медведю следую. Сижую, не шевелюсь, ничего не толкаю, о медведе думаю молча. Вдруг шу-у-ух! Снег по всему склону просел, зазмеился трещинами и пополз. Быстрее, быстрее и загремело. В минуту весь склон ниже меня голым стал. Мох, камни, веточки, березки, кустики стланика — все выглянуло. В метре от меня брусничная полянка открылась. А вот правее, прямо по линии среза лавины, утесик торчит. С полметра высотой. До него метров двадцать — не больше. Хватаю мешок, лыжи и — к нему. Только за него уцепился и снова: шу-ух! Поплыло!

Мне б лыжи под себя кинуть, а я ими от лавины заслонился.

В какой-то момент помогло, а потом они изо всех сил хлестнули ремнями по лицу и ушли вместе с лавиной. Мешок за мною стоял, его даже с места не сдвинуло.

Козырька на перевале как не бывало. Правда, чуть сбоку осталась полоска снега. Мирная и спокойная. Внизу же продолжалось какое-то движение. Осыпался снег, прыгали, брызгая по сторонам, огромные комки, выстреливали из-под снега ольховниковые веточки. Но главное, из-под снежной каши торчала моя лыжа.

Мне бы пересидеть или хотя бы привязать мешок к утесу. Мне бы, наконец, взять все это хозяйство с собой. Можно было плюнуть на лыжу и осторожно перебраться на гребешок, а по нему наверх и к землянке. Или еще лучше по наледям к базе ударить. Там запасные лыжи и все остальное. Так нет. Я пристроил мешок и оставшуюся лыжу у скалы и подался вниз. Спускаться было легко.

Раза два я провалился по пояс, один раз застрял в каких-то корнях. Но вот до лыжи подать рукой.

Ничего не шуршало, ничего не ухало. Но вдруг я почувствовал: сейчас что-то случится. В поисках опасности я сначала почему-то глянул вниз, по сторонам и только потом вверх. Мирная и спокойная полоска снега под гребнем вздрогнула и покатила. Она была ужасно быстрой и пыльной. Если две первые лавины как-то там раскатывались, то эту — словно из пращи запустили. В мгновение она достигла утесика, прокатилась по моим следам и волной накрыла меня. Не ударила, не толкнула, а просто окутала жестким снегом, сыпанула в лицо, за шиворот и умчалась вниз. Когда осела снежная пыль, ни лыжи, ни мешка я не увидел...

Если я с маломощным ружьем подбирался к матерому медведю, если я не потерял голову, находясь в самом центре лавины, — я не трус. Но сейчас мне что-то не очень хорошо. Я сижу у костра, ожидаю рассвета, а рядом что-то есть.

Пока я у костра, ничего. Пусть себе ходит. Но дров хватит часа на два, а потом придется идти. Не хочется.

Да чего это я — может, только чудится? Поправляю костер и шагаю в снег. Глубина! Мну снег коленями, бедрами, даже локтями. Потихоньку двигаюсь к группе чахлах лиственниц. Среди

таких недорослей много сухостоя. Проторил уже метров двадцать и замечаю над головой какое-то движение. Чиркая спичкой, пламя нехотя разгорается, выхватывает из густой ночи красноватый лиственничный ствол и качающуюся ветку. Ветерок не дохнет, тишина, нигде ничего не шелохнется, и вдруг такое. У меня внутри так и оборвалось. Огромная ветка, чуть ли не в руку толщиной, раскачивалась, как от хорошего ветра.

В несколько прыжков возвращаюсь к костру, кочегарю так, что искры фонтаном секут небесную стынь, осматриваюсь. Лажу из смолья факел, вынимаю из чехла нож и снова ныряю в снег. Теперь дорога проторенная, двигаться легко, но я не спешу. Качается!

Испытывал ли я в эту минуту страх? Не знаю. Казалось, что эта ветка, ночь, тайга, лавина существовали сами по себе, отдельно от меня. Снова возвратился к костру, какое-то время сидел, да же, кажется, задремал.

Очнулся от самолетного гула. Костер почти потух, только синеватые живчики поигрывали на углях. Ночь подступила к самому костру, но деревья вокруг обрисовывались четче. Расправляю настывшую спину и иду к тому дереву. Вдруг поверилось, что ветка успокоилась и все стало на свои места. Мало ли что могло ее качнуть.

...Она проступила как-то сразу вся от сучка до вершинки, почему-то растолстевшая и подлинневшая. Где-то таял самолетный гул, почти рядом пощелкивал костер, а над моей головой на самой обыкновенной лиственнице почему-то плясала ветка. И вдруг мне стало страшно. Так страшно, что я не задумываясь ринулся в сторону перевала. Не помню, как проскочил тот спуск, на котором меня гоняла лавина, как летел по темнеющим выдувам, не помню даже, в каком месте выскочил на Тайный. Помню одно: мне было так мутно и так тоскливо, как никогда в жизни.

В небе загудел новый самолет. Кто-то, наверное, возмущался непроваренной курицей, кто-то проклинал качку и шум. А мне бы самый неудобный уголок. Пусть гудит, пусть качает. Лишь бы рядом были люди, а не эта, ставшая вдруг непонятной и чужой, тайга.

По Тайному гуляет наледь. Даже в темноте видно, как курится вода. Но под ногами твердь. Пусть мокрая и скользкая, бежать по ней — не то что по снегу...

Мокрый от пота, с задубевшими валенками и пересохшим горлом, ввалился я в избушку, упал на нары и задрожал. Откуда пробралась эта дрожь, где она копилась — не знаю. Я рассыпал спички, долго не мог зажечь свечу, не мог толком держать в руках топор. Даже когда вскипятит чай, не мог открыть рот и хлебнуть.

Только к утру я пришел в себя и завалился спать. За тот перевал я попал на второй день. Костер припорошило снегом. Притрусил и тот злопамятный склон. А она качалась! Маятником ходила неугомонная ветка.

5 ноября.

Утром я исполнил весь спуск и нашел одну лыжу и мешок. Вторая лыжа осталась лежать под снегом до самой весны. Сего дня я ходил на широких, вытесанных из тополя самоделках. Скользят самоделки неплохо, но они совершенно неуправляемы, и у меня болят ноги. На обратном пути завернул к землянке и наконец-то построил там два коттеджа. Там же добыл двух белок, да еще из поставленного на борще коттеджа снял горностаичика.

У меня новость. Несколько часов назад в избушку заглядывали гости. У самого поддувала след от бараньего копытца. И до того он чистый и аккуратный, прямо светится весь. Смотрю на этот следок и радуюсь. А чему, собственно говоря? Тоже мне счастье — баран в гости заходил...

Через два дня праздник. Хочется домой, но нужно ждать Ленью. Сейчас поселок оделся в кумач, в детском санатории, где я работаю воспитателем, сегодня утренник. Все красивые, торжественные и чуточку растерянные. Хоть на минуточку очутиться б в детской колготне, окунуться в их праздничную кутерьму.

Домой можно добраться через «Кресты» или лесоучасток. Можно выйти на трассу, спустившись вниз по Лакланде. Нужно только не прозевать поворот к трассе. Там с правого берега красная скала с тремя острыми пиками, потом тальники и распадок.

6 ноября.

Проснулся в пять утра, слез с нар подложить в печку дров и уже не ложился. Первым делом привел в порядок лыжи и выставил их остывать на мороз. Затем сделал ревизию патронташу.

Выхожу без вещмешка. На моей куртке отличные накладные карманы. Туда влезли сало, хлеб, жестяная банка из-под томатов, сахар, пачка чая. Этого добра с лихвой хватит на два привала. Дойду до рюкзаков.

Если все сложится хорошо, сегодня же возвращусь на базу. Там радио, более уютная обстановка, а главное — в любую минуту может нагрянуть Ленья.

Присвечивая фонариком, спускаюсь с морены, пересекаю болото и выхожу к Лакланде. Переправляться не буду: нет сапог. Одни мы оставили на Витре, другие на «Крестах».

В первом же капкане добыча — длинный желтоватый позвонок и кусочек черной блестящей шкурки. В капкан попала черная пищуха, мыши ее съели. Трамбюю снег в холмике и настораживаю капкан снова.

От носка до середины лыжи подшиты шкурой, остальное я с вечера покрыл воском. Все это да плюс свежая пороша сделали лыжню очень скользкой. Иногда перехожу на бег. С рассветом домчался до того места, где горностаи охотятся на чечеток и спилиц. Все капканы задуло снегом, но в двух — горностаи. Канавка по-прежнему остается свежеторенной и используется хищниками для разбоя.

Дальше лыжня поднимается от реки на террасу. Еще немного, и выйду к тем камням, у которых Бумка держала лисицу, а та разбила капкан-нуль.

Лыжня поднимается все выше. По ней сегодня прошел заяц. Он направился спать и у огромного камня сделал невероятно длинную сметку. В один мах улетел метров на шесть.

Над самым гребнем перевала, как гигантский памятник, высится камень. Огромный, черный, замшелый. Рядом с ним по гребню темнеют покореженные ветром лиственничцы, стыннут жухлые кустики черной смородины, да кое-где проглядывают убогие за-

платы не поднявшегося и на вершок ягеля. А над всем этим, где-то в поднебесье, заунывно стонет ворон.

Будь художником, я изобразил бы не одинокую ель на скале, а камень этот. Вот уж действительно — символ Севера.

Прохожу шагов пятнадцать, оглядываюсь на камень и не узнаю его. С солнечной стороны он, оказывается, светлый и какой-то теплый. По его литому боку пролегли розовые, белые и изумрудные прожилки. Чем выше камень, тем он светлее, и верхняя его часть почти сливается цветом с шапкой снега. И здесь же под защитой камня пригрелись кустик брусники и маленькая лиственница. Славно им, уютно. Даже бездушный камень от солнца делается добрее.

К Витре подошел в одиннадцать часов. Все складывается как нельзя лучше. Откопаю лису, заберу рюкзаки, с полчаса передохну в избушке, и можно возвращаться на базу. За буграми снова свежие лисьи следы. Было бы здорово, если бы они и спать ложились в одном и том же месте. В ложину между буграми спускаюсь как можно тише. В том месте, где спали лисы, узорятся свежие куропаточки наброды. Расковыриваю слежавшийся снег ножом и извлекаю лису из схоронки...

К рюкзакам подходил соболев. Отчаянный товарищ! Развязываю рюкзак и оставляю часть приманки.

В ловушках две белки и горностаи. Сегодня у меня неплохой день. А что, если ударить через Лакланду и проверить капканы, поставленные у туши медведя? Правда, не успею прийти засветло, но есть фонарик, в рюкзаке две новые батарейки. Можно бродить по тайге всю ночь.

До избушки в устье Витры оставалось метров триста. Я перенастраживал капкан у крайней ловушки, и вдруг откуда-то с низовьев Лакланды донеслась частая стрельба.

Оставляю капкан ненастороженным, сбрасываю рюкзак и изо всех сил мчусь туда. Выскакиваю на берег Лакланды, но ничего не вижу. А ведь стреляли где-то здесь. Правда, услышать на берегу что-либо невозможно, по реке идет пуга, и стоит неимоверный шум. Возвращаюсь к рюкзакам. Нужно надеть сапоги и перебраться через Лакланду. Снова закапываю лису. Не везет мне с ней.

Лакланду перехожу в том месте, где осенью пробовали рыбачить. Теперь здесь совсем мелко. Оставив сапоги на берегу, переобуваюсь в валенки, надеваю лыжи и направляюсь в сторону широкого распадка.

Оторвался от реки на добрый километр, но нигде никаких следов. Сажусь передохнуть на поваленную лиственницу и неожиданно слышу рокот вездехода и мужские голоса. В той стороне стена ольховника. Ломиться через нее — эти граждане с перепугу ударят из ружья или карабина. Можно крикнуть, но выдавать себя не хочется.

Пробую подойти поближе. Снимаю лыжи и, пригибаясь, крадусь к ольховнику. Прямо передо мною с шумом срываются два рябчика и уносятся через ольховник. Теперь голоса доносятся явственней, но ни одного слова понять невозможно. К тому же мешают тарактеные двигатели.

Считаю снег с полусгнившего пня, подмащиваю лыжи и усаживаюсь на них. Ну а теперь что делать? Плохо все-таки, что я один. И хочется, и нужно бы сходить да посмотреть, кого же столь азартно расстреливали наши соседи, а не могу. Не может быть, чтобы такую пальбу они подняли по одному-единственному лосю. В общей сложности прогремело самое малое двадцать—двадцать пять выстрелов. Конечно, они кого-то убили и сейчас заняты разделкой добычи. Настроение у них хорошее. Громко разговаривают, смеются.

Неожиданно рокотнул и закачал траками вездеход. Сначала его звук как будто приблизился, но затем начал стихать и через некоторое время почти исчез. Уехали? Нет. Снова остановились, и двигатель работает вхолостую.

Теперь разбираю отдельные слова.

— Она его даже не узнала.

Смех. Другой голос:

— Если парень в горах не ах, если Ванька в одних штанах.

Снова смех. И опять первый голос:

— Она его дверью по пальцам!

Второй:

— Без привычки нехорошо!

Смеются. Что-то проговорили непонятное. Первый выругался. Мне кажется, узнаю голос длинного:

— Да ничего с ним не делается, тем более, костер. Вот что со шкуркой и потрохами будем делать?

Ему ответил уже третий голос. Какой-то глухой и совсем незнакомый.

— Пусть тоже до утра полежат, а на обратном пути мы их в Лакланду. Дунай, Дунай, а ну узнай, где чей подарок...

— А мне, говорит, домкратом пальцы шваркнуло.

Смех, и здесь звонко, с надрывом взревел двигатель, и кто-то третий крикнул:

— Скажи, пусть никуда не едет. Нужно по следу пройти, может, еще где лежит?

Вездеход стучит совсем близко. Поднимаюсь и с лыжами в руках осторожно отступаю назад. Надеваю лыжи и направляюсь к Лакланде...

Сижу в избушке, пью чай и не знаю, что делать. Первой мыслью было возвращаться на базу и, если там Лёня с Зотовым и Паничевым, вчетвером нагрянуть сюда. Теперь я вполне уверен, что Лёня задержался из-за Сашки Зотова. Паничев — тот повсюбнее, а у Зотова часы. Но с другой стороны — никого может и не быть. А все же нужно узнать, на кого они охотились? Даже отсюда виден столб дыма, поднимающийся за ольховником. Вблизи я его не заметил, а ведь, наверное, он и тогда уже горел. Недаром тот говорил: «Тем более, костер...» Подожду пару часов. Они должны убраться к своей избушке...

На часах четверть пятого. Дым за ольховником исчез. Можно отправляться. Пока переправлюсь через Лакланду, будет пять часов. Как раз хорошо, не рано и не поздно.

Рюкзак упакован по всем правилам. Может, в эту избушку я сегодня не попаду.

Лыжня успела схватиться морозом и шумит намного сильнее, чем раньше. На полпути схожу с нее и пробиваюсь по целине. Не доходя до ольховника, останавливаюсь и долго слушаю. Тихо. Ни людей, ни вездехода не слышно.

Отыскиваю среди частых веток ольховника проход и выхожу

на болотистую пойму. Метрах в двадцати вижу кострище, краснеющую тушу мяса, увенчанную рогами оленью голову.

На мясе выросли кристаллы инея. В полусотне шагов и вторая туша. Все вокруг избито оленьими копытами, сапогами и траками вездехода. Стою у кострища, прислушиваюсь, затем направляюсь в глубь поймы. Метров через триста среди высоких кочек снова след кострища и снова две оленьи туши. Только уже четвергованные. Мясо сложено на шкуры. Работали со знанием дела. А дальше... Дальше, откинув голову в сторону, лежит огромный олень. Его вездеходчики обрабатывать не стали, обрезали губы, вырезали язык и бросили, как падаля.

Нужно осторожно подобраться к вездеходу и вывести его из строя. Можно снять карбюратор или аккумулятор. А еще лучше отвинтить пробку поддона картера и спустить все масло. Тогда уж надолго застрянут.

Что это мне даст? Где гарантия, что за это время Леня вернется на Лакланду? Если б не праздники, можно было бы ударить к лесоучастку? Витька говорил, что они будут брать лес... Стоп! Зачем к лесоучастку? Нужно спуститься по Лакланде вниз. А там трасса, люди. К тому же вездеходчики будут возвращаться только к утру.

С огромным сомнением решаю прорываться к трассе. Только не спугнуть бы их. Мои следы хорошо заметны на дорожках, проторенных широкими гусеницами. Но здесь это не страшно. Кто-то из вездеходчиков тоже бегал на лыжах, наследил куда больше моего. Нужно возвратиться за Лакланду, пройти километров пять по левому берегу, а потом уже выбираться на гусеничный след. Если обратят внимание на мою лыжню, подумают, что я случайно наткнулся и о их разбое не имею ни малейшего представления.

Стараюсь не делать новых следов, возвращаясь за ольховник и направляюсь к реке.

На другом берегу вытряхиваю из рюкзака все имущество. Беру с собой банку консервов, масло, чай, конфеты, сухари. Четыре пулевых и два дробовых патрона кладу в карман, да два в стволах. В случае чего — хватит за глаза.

...Если Лакланда и хороша, так тем, что на ней не бывает наледей. Только слепой может здесь влететь в воду. Просматриваю,

нет ли на лыжах трещин, не закаталась ли обшивка. Все в порядке. Нужно до полной темноты перебраться за Лакланду. В небе показался месяц. На него никакой надежды. Даже не поднявшись над небосводом, спрячется за сопки.

Уже прошел километра два. Здесь река делает стремительный изгиб, и в этом месте крутой перекат.

Переобуваюсь, бреду через Лакланду и с радостью удостаиваюсь, что недалеко от реки в снегу широкая колея. Но выходить на нее рановато, я возвращаюсь и прокладываю лыжню у самой кромки воды. Здесь снег не такой глубокий, а главное, можно выйти на полосу прибрежного льда...

Темнеет. Можно перебираться на колею.

Вездеход пробил дорогу, положив на землю сотни и сотни деревьев. Если до трассы 50 километров, придется идти всю ночь. У меня три батарейки. Одной буду светить до часу ночи, второй до четырех и третьей до утра. Если батареек не хватит, есть две свечи.

Высыпали звезды. Хорошо видна Большая Медведица. От двух ее верхних звездочек отсчитываю пять расстояний и угадываю Полярную звезду. Иду точно на запад. Фонарик светит плохо. Я отрегулировал его, чтобы включался от малейшего касания кнопки. Две-три секунды освещаю дорогу и секунд 10—12 иду по памяти. Не перегорела б лампочка. Запасной нет. Все оставил в избушке на Витре. Дорога лезет круто вверх. Я уже забыл, как шумит Лакланда, а ведь Паничев говорил, что дорога почти нигде не отрывается от реки. Да и не видно, чтобы это была дорога. Слишком много лиственниц свалил вездеход на своем пути. Интересно, как долго будет замечен след этого вездехода. Десять лет, двадцать, пятьдесят? У нас на Севере деревья растут трудно. Лето-то здесь с воробьиный носок — не разгуляешься. Может, уже этих вездеходчиков и в живых не будет, а их отметины здесь останутся. Нехорошие отметины.

Я подобное место на двадцать третьем километре от нашего поселка видел. Там кто-то тайгу подпалил. Специально или нечаянно, — утверждать не буду, а что подпалил, это точно. Загрещала, заполыхала тайга, пугануло в небо высокое пламя, дым черной ту-

чей завис над сопками. Гореть бы тайге долго — деревья вокруг стоят плотно, стланик укрыл сопки зеленой подушкой, долина тянется на все сто километров. Да, к счастью, в тот день наш бульдозерист Соснин перегонял бульдозер к галечникам. Он гальку для железобетонного завода заготавливал и оказался недалеко от пожара.

Увидел Соснин огонь, развернул бульдозер и пошел обрезать пожарище. Отвал у бульдозера широкий, двигатель стосильный. Два часа не прошло, а вокруг бушующего пламени легла кольцом темная полоса перепаханной земли. Ткнулся огонь в эту полосу, присел, зачалдил и потух.

Через пять лет снова пошел я в эти края. Там, где пожар гулял, мертвый стланик ребра выставил, сухие лиственницы в небо пиками торчат. Ни птицы, ни мотылька, только одна мышь-пишука в камнях возится. Где бульдозер, тоже приметная полоса на многие годы осталась. По верхней тракторной колее частый рядочек молодых лиственниц поднялся, по нижней ручеек журчит. Между лиственничками и ручейком по гребню грибов-маслят целые заросли, а следов — и не сосчитать. Здесь вот дикий олень грибами угощался, чуть дальше бурундук шляпки погрыз, возле порога куропатки воду из ручья пили.

Я на камень у ручейка присел, а рядом на обгорелое дерево пеночка-зарничка опустилась, на меня глазком-бусинкой уставилась и спрашивает:

— Пить? Не пить?

— Пей! — говорю. — Всем хватит.

Она напилась и улетела. А я сидел и смотрел на отметины, что оставили после себя два человека.

Хороший человек и плохой человек...

Кончился подъем, и сразу же спуск. Батарейка уже подседа. Но новую ставить рановато. Хочется пить, а это значит, нужно разводить костер. Остатки костра могут лишний раз насторожить вездеходчиков. Если я сойду со следа, они насторожатся еще больше. Лучше буду идти как ни в чем не бывало. Где нужно, разожгу костер, присяду на отдых. А у скал, где дорога повернет к трассе, с километр пройду вдоль речки, уж потом заверну. Это соз-

даст впечатление, что я ушел дальше берегом реки. Только нужно выбрать такое место, где они с вездеходом не проскочат.

В три часа ночи разжигаю второй костер и устраиваю получасовой отдых почти у самой Лакланды. Она шумит монотонно-успокаивающе. Пригревшись, засыпаю. Поднимаюсь с трудом.

Нужно дать ногам перемену. Снимаю лыжи, привязываю их на веревку и топаю пешком. Идти неудобно. Мешают гофры, отштампованные траками.

На дороге лежит лиственница. Сажусь передохнуть. Я в пути около десяти часов. Предрассветная синева уже заполнила все вокруг, и я начинаю угадывать сопки, недалекие деревья. Где-то хохотнул куропад, тенькнула синица. И сейчас же натуженный гул автомашины. Трасса!

Справа громады скал. Стараюсь удостовериться, те ли, что с острыми пиками. Кажется, они. Точно!

Прячу ненужный уже фонарик, надеваю лыжи и ищу глазами распадок. Никакого распадка нет, но след вездехода вдруг резко поворачивает влево и устремляется к воде. Теперь нам не совсем по пути. Выбираюсь на целину и, оставив вездеходную дорогу за спиной, направляюсь вдоль берега. Заберегов почти нет, за тальником темнеет высокоствольная тайга. Сейчас разведу последний костер. Интересно, как я выгляжу. То-то напугаю людей! Нужно хоть брюки в валенки заправить. А щетина-то!

Сейчас семь пятнадцать. Браконьеры только-только поднялись и выехали. Пока погрузят мясо, пока заметут следы, еще час. Дорога сюда займет часа два. Чай пью не торопясь, внимательно прислушиваюсь к шуму машин на трассе. Ровно в восемь утра переваливаю кювет и выхожу на накатанную полосу. Из-за сопки выкатывается длинный белый наливняк. Поднимаю руку. Машина проплывает мимо, но по ожившим стопсигналам вижу: тормозит. Проехав с полсотни метров, останавливается. Хлопает дверца кабины, и оттуда по пояс высовывается полный усатый мужчина. На лице и удивление и недовольство.

Подбегаю, здороваюсь, тычу ему удостоверение и прошу с первого же телефона позвонить на Атку и передать мою просьбу. Мужичка записывает телефон, обещает все сделать, но по тому, как это

он без энтузиазма делает, я не уверен, что он выполнит обещание.

Минут пятнадцать на трассе пусто. Затем одна за другой проскакивают две «Татры». Я начинаю застывать. Бесшумно, словно пар, из-за поворота выплывает голубой «жигуленок». Этот останавливается как раз напротив меня. В машине двое: мужчина и женщина. Женщина очень красивая. Он худой и какой-то острый: острый нос, острые скулы, острый подбородок. Внимательно выслушивают меня, переглядываются. Женщина, не стесняясь меня, начинает выговаривать мужчине, чтобы он не связывался со всем этим.

Я начинаю закипать. На удостоверении записываю номер «Жигулей» и прошу у мужчины назвать их фамилии. Это действует. По тому, как уважительно заговорила женщина, а мужчина попросил повторить номер телефона, хотя уже записывал его, я понимаю, что они обязательно позвонят. Они уже считают, что влипли в историю, заискивают и, отъезжая, три раза оглядываются назад.

Холодно. Больше немоготу. Застегиваюсь на все пуговицы, поднимаю воротник куртки и, засунув руки в карманы, направляюсь трассой к Магадану. Впереди два новехоньких ЗИЛа. Идут в сторону Сусумана, и меня они не интересуют. Но автомашины останавливаются сами и сигнализируют.

Через пару минут я уже сижу в кабине переднего ЗИЛа, ем бутерброд с колбасой, запиваю его кофе и рассказываю о браконьерах, о ночной дороге, о том, что мне срочно нужно вызвать охотинспектора Яворского из Атки. Парни сами останавливают встречные машины, растолковывают шоферам, что и как делать. Рядом со мною уже сидит какой-то усатый дядька и доказывает, что росомаха берет медведя... Засыпаю, все еще сжимая в руках крышечку от термоса...

Проснулся я от громких голосов. Возле нас еще две бортовые автомашины, рефрижератор и газик. В группе стоящих среди дорогих людей размахивает руками низенький плотный мужчина. Я его знаю. Это Яворский. Он смотрит в сторону Лакланды, а оттуда, сверкая на солнце отполированными траками, катит вездеход. Он идет ходко, вздымая гусеницами фонтаны снежной пыли.

Не доехав до трассы метров триста, вездеход остановился и начал разворачиваться. С трассы наперерез ему срывается «Урал», переваливает ковет и ходко катит по целине. Снег здесь мелкий, и водитель даже не старается угадать на пробитую вездеходом колею. С противоположной стороны кабины прямо на подножке стоит Яворский.

...Уже в кабине вездехода проделываю весь путь от трассы до Витры. Карабинов в вездеходе не оказалось, но мясо было. Притом очень много. Его не выгружали, а просто осмотрели, составили акт, и Яворский потребовал гнать вездеход обратно. Я сидел рядом с водителем и смотрел на дорогу, которую прошел сегодня ночью. Доехав до того места, где вчера лежал брошенный браконьерами олень без губ и языка, я распрощался. С Яворским приехали еще два общественника, и они согласились обойтись без меня. Олень уже не было. Наверное, все забрала Лакланда. Но на снегу алены сгустки крови и серебрилась россыпь длинной оленьей шерсти...

Перебираюсь через Лакланду, подхожу к избушке и вижу струйку дыма, поднимающегося над избушкой. Ура! Леня приехал! Снимаю ружье, стреляю вверх. Леня выскакивает из избушки, что-то орет. Он ужасно рад, я тоже.

Олефир С. М.

О-53 Встречи в Колымской тайге.— Магадан: Книжное изд-во, 1980.— 143 с., 16 л. ил.— (Север вокруг нас).

30 к.

Книга С. М. Олефира, педагога-воспитателя из колымского поселка Талая,— это записки охотника-любителя, пытливого натуралиста. Более пятнадцати лет он изучает своеобразную северную природу.

Охота в тайге — тяжелая работа, со своими радостями и огорчениями, как и сама жизнь. Быть разумным, рачительным хозяином природных богатств, которые тебя окружают, — основная мысль книги.

О 19.5.4-012 33-80
М — 149(03)-80

ББК 28.682

Станислав Михайлович Олефир

ВСТРЕЧИ В КОЛЫМСКОЙ ТАЙГЕ. Север вокруг нас

Редактор **В. И. Данилушкин**

Художественные редакторы **Д. Д. Власенко, Ю. А. Коровкин**

Технический редактор **В. В. Плоская**

Корректор **Г. А. Козеева**

Авторы фотоснимков на вкладке:

А. В. Кречмар (1, 5, 6, 10, 14, 21, 26, 28, 30),

В. Н. Шумков (2), И. А. Паничев (3, 4, 7, 8, 9, 11, 15, 16, 22, 23),

М. В. Болдырев (13, 17, 18, 19, 20, 27, 29),

А. А. Кирюшин (25), Р. В. Седов (24)

ИБ 00239

Сдано в набор 31.01.80 г. Подписано к печати 08.04.80 г. АХ—01793. Формат 70×108/32. Бум. тип. № 1 и мел. Обыкновенная новая гарнитура. Высокая печать. Объем 6,3 усл. п. л. + 0,7 усл. п. л. вкладки, 8,4 уч.-изд. л. Тираж 15 000. Заказ 469. Цена 30 коп.

Магаданское книжное издательство, 685000, Магадан,
ул. Пролетарская, 15

Областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Магаданского облисполкома, 685000, Магадан, пл. Горького, 9.